КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

ТОМЪ XCIV.

1906 г.

ОКТЯБРЬ.

Кіевъ.
Типо-литографія Т-ва Н. А. Гиричъ. Трехсвятительская у., № 14.
1906.

Малороссійское козачье ополченіе въ 1812 году по архивнымъ даннымъ.[1]

Обратимся теперь къ военнымъ дѣйствіямъ ополченія, о которыхъ, надо сказать, сохранились въ архивѣ отрывочныя данныя, что и понятно. Реляціи о военныхъ дѣйствіяхъ той или другой части доставлялись главнокомандующему. Всѣ сформированные полки въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1812 года выступили въ походъ въ калужскую и тульскую губернію; оттуда уже они распредѣлялись въ разныя мѣста, по мѣрѣ надобности. Часть ихъ была употреблена на охрану „кордонной цѣпи", устроенной по границамъ минской, могилевской и кіевской губерніи, по повѣтамъ городницкому, остерскому, начиная отъ села Осадчины, остерскаго повѣта, гдѣ соединяется р. Днѣпръ и Десна, до села Клюсовъ, городницкаго; эта цѣпь впослѣдствіи была протянута до самаго Кіева. Интересно, что этой „кордонной цѣпью" завѣдывалъ не военный, а совѣтникъ черниговскаго генеральнаго суда, надворный совѣтникъ Прудниковъ. Подробныхъ донесеній о дѣйствіяхъ ополченія по охранѣ этой цѣпи мы не встрѣтили въ архивѣ. Сохранилось одно донесеніе Прудникова, что въ сентябрѣ 1812 года близъ м. Абакумова замѣтили 4 человѣкъ французовъ, стрѣлявшихъ въ козаковъ, и одному изъ нихъ пострѣлили полукафтанъ и „тѣмъ выстрѣломъ дали контузію". Устройство этой цѣпи было мѣрой предосторожности, сдѣлано было на всякій случай; непріятель прошелъ много сѣвернѣе этой границы. Въ распоряженіи Прудникова на пристаняхъ Каменской, селѣ Радулѣ и м. Любечѣ было 165 лодокъ [2].

[1] См. Кіев. Стар. 1906 г. кн. 9.

[2] Арх. губ. правленія 1812. № 55.

Другая часть ополченія была въ корпусѣ генерала Ожаровскаго и другихъ начальниковъ и принимала участіе въ дѣлахъ съ французами. Сохранились данныя объ этомъ командира 9 пѣхотнаго полка маіора Товбичева. Полкъ этотъ сражался съ непріятелемъ въ смоленской губерніи, гдѣ имѣлъ нѣсколько серьезныхъ стычекъ. Ему удалось въ одномъ сраженіи захватить до 1000 человѣкъ въ плѣнъ, безъ большихъ потерь съ своей стороны. Полкъ этотъ сражался подъ Краснымъ, гдѣ атаковалъ французовъ, но вскорѣ же долженъ былъ отступить по многочисленности непріятеля. Въ этомъ сраженіи былъ раненъ самъ Товбичевъ. Не мало и затѣмъ полкъ имѣлъ стычекъ съ непріятелемъ онъ уменьшился на половину, лошадей пало болѣе 800 [1]). Нѣсколько полковъ (преимущественно черниговскіе) были въ герцогствѣ варшавскомъ, въ распоряженіи генералъ-лейтенанта Рота, и участвовали при взятіи крѣпости Замостье. Сохранилось очень интересное письмо къ кн. Лобанову командира 6 полтавского полка Н. Свѣчки, рисующее положеніе ополченія.

„Сіятельнѣйшій князь милостивый государь. Наконецъ достигаемъ мы своей цѣли. Черезъ четыре мѣсяцы, стоя въ лагеряхъ, подъ крѣпостью новаго Замостья!. Имѣя вѣрное свѣдѣніе отъ дезертировъ, что скоро сдадутъ намъ сію крѣпчайшую обузу. Большая часть воиновъ, находящихся въ ней, умерли отъ цинготной и голоду. Каждый солдатъ получаетъ не больше фунта хлѣба въ сутки. Да на недѣлю полтора фунта лошадинаго мяса, а господа офицеры за раритасъ (рѣдкость) покушали всѣхъ кошекъ. Сей день была сильная вылазка. Пули и ядра летѣли, какъ градъ. Но кончилось малою потерею съ нашей стороны. Счастливѣйшій есть для меня сей день по объявленному приказу, что и мы и корпусный нашъ начальникъ, господинъ генералъ-лейтенантъ Ротъ, поступаемъ подъ командою князя Дмитрія Ивановича. О! какъ бы я счастливъ былъ попасть къ нему съ полкомъ въ тѣлохранители. Ей богу, не пожалѣю до послѣдней капли крови живота въ какомъ бы то ни было случаѣ.

Стоящіе здѣсь войска совершенно обезмонетились, такъ что ежели бъ не благодѣтельные маркитанты, навѣрное бы ѣли козацкую кашу съ сухарями, ибо за десять мѣсяцъ не получаемъ жалованья, нами уже заслуженнаго, а болѣе прискорбно смотрѣть на нижнихъ чиновъ, которые, въ довольно уже холодное

---

[1]) Арх. г. правл. 1812. № 16.

время, несутъ службу въ ветхой одеждѣ и безъ обуви. Наконецъ, сіятельнѣйшій князь, позвольте безпокоить васъ и о моемъ положеніи, то есть не о себѣ лично, а о оставшейся женѣ моей и братѣ, коихъ не отрѣшите, сіятельнѣйшій князь, взять подъ мощную защиту вашу. А я на службѣ милостиваго нашего монарха, съ двѣнадцатилѣтнимъ и единственнымъ моимъ сыномъ, не надѣюсь ни о чемъ нуждаться, а ласкаю себя надеждою пользоваться его милостями. За честь поставляю пребыть съ совершеннымъ высокопочитаніемъ и такою же преданностью вашего сіятельства и проч. Николай Свѣчка [1]).

1813 г. 1 ноября, подъ крѣпостью Новаго Замостья, на бивакахъ".

Есть указанія о походѣ нѣкоторыхъ полковъ ополченія въ западную Европу. 3 черниговскій полкъ „былъ во Храмъ-фуртѣ (Франкфуртъ) на маршѣ въ Швейцарію. „Но онъ былъ во Франціи, что было въ январѣ 1814 года. 4 козачій полкъ былъ въ Гамбургѣ [2]) а 5 черниговскій полкъ былъ привлеченъ къ устройству летучей почты въ корпусѣ адмирала Чигагова [3]). Вотъ и всѣ данныя объ участіи ополченія въ военныхъ дѣйствіяхъ.

Кн. Лобановъ въ 1812 г. осенью, озабочиваясь о медицинской помощи ополченцамъ, устроилъ лазаретъ въ м. Добрянкѣ [4]): „для пользованія защитниковъ". Врачомъ былъ Воронкевичъ, занимавшій должность повѣтоваго врача. Повѣтовый начальникъ Бутовичъ ревизовалъ этотъ госпиталь и писалъ Воронкевичу: „вашимъ стараніемъ наблюдается въ ономъ чистота, продовольствіе пищею, а равно пользованіе больныхъ медикаментами производится въ исправности и успѣхъ выздоровленія очевиденъ". Въ госпиталѣ, во время его ревизіи, было около 100 больныхъ [5]).

Высочайшимъ указомъ отъ 30 сентября 1814 г. ополченіе было отпущено въ „домы свои". Указъ объ этомъ командиры полковъ получили 15 октября.

„Имяннымъ Его Императорскаго Величества высочайшимъ указомъ отъ 30 минувшаго сентября, къ главнокомандующему арміей господину генералъ-фельдмаршалу графу Барклаю де-Толли послѣдовавшимъ, повелѣно: малороссійское ополченіе, изъ

---

1) Арх. г. пр. 1813. № 29, л. 62.
2) Арх. г. правл. 1813. № 32, 1814. № 64.
3) Арх. г. правл. 1812. № 13.
4) Городницкомъ уѣздѣ, черниг. губ.
5) Арх. г. правл. 1812. № 64.

козаковъ составленное, отправить въ свои губерніи, гдѣ и они расположены будутъ по усмотрѣнію малороссійскаго генералъ-губернатора. Во изъявленіи же особеннаго благоволенія къ сему ополченію государь императоръ всемилостивѣйше пожаловать соизволилъ при семъ случаѣ нижнимъ чинамъ не въ зачетъ жалованья по два рубля на человѣка ассигнаціями единовременнаго вознагражденія.

Вслѣдствіе сего и по повелѣнію господина генералъ-фельдмаршала предписывается всѣмъ господамъ полковымъ командиромъ полтавскихъ ополченій: 1) по собраніи, на основаніи ближнихъ откомандировокъ людей, тотчасъ выступить со ввѣренными имъ полками и слѣдовать по прилагаемому здѣсь маршруту въ полтавскую губернію, гдѣ встрѣтитъ васъ малороссійскій генералъ-губернаторъ повелѣніемъ о томъ, въ какихъ именно мѣстахъ должно будетъ вамъ расположиться.

2) По принятіи отъ генералъ-кригсъ-коммисара Татищева всемилостивѣйше пожалованныхъ денегъ единовременно по два рубля на человѣка, выдать оные тотчасъ всѣмъ нижнимъ чинамъ по рукамъ и наблюсти, дабы они непремѣнно имѣли на себѣ исправную одежду и обувь; съ возвращеніемъ же въ Россію, во всей суммѣ, какая вамъ отпущена будетъ, представить отчетъ малороссійскому генералъ-губернатору.

3) Во время слѣдованія наблюдать во всемъ порядокъ и дисциплину и чтобы всѣ офицеры находились всегда при своихъ мѣстахъ, также имѣть попеченіе о сбереженіи людей въ пути, о продовольствіи оныхъ и о призрѣніи больныхъ, что возлагается на особенную обязанность и отвѣтственность вашу.

4) Ежели на походѣ могутъ найтиться изъ числа откомандированныхъ ими выздоровѣвшихъ въ госпиталяхъ людей, командуемому вами полку принадлежащіе, то всѣхъ таковыхъ забирать и присоединять къ себѣ.

5) Буде изъ ввѣреннаго вамъ полку находится довольное количество людей въ госпиталяхъ и дальнихъ отлучкахъ, коихъ предъ выступленіемъ не успѣете присоединить къ себѣ, то для собранія оныхъ оставить здѣсь одного надежнаго чиновника и приказать ему состоять въ вѣдомствѣ дежурнаго генерала арміи, по распоряженію коего и будутъ отправляемы собранные имъ люди въ свои губерніи. Чиновники сіи должны быть снабжены именными вѣдомостями всѣмъ отлучнымъ людямъ съ подробнымъ объясненіемъ, въ какихъ именно откомандировкахъ или госпиталяхъ и съ котораго времени они находятся. Кто же имен-

но и гдѣ оставленъ будетъ, также въ которое время выступаетъ въ походъ, донесли бы мнѣ съ приложеніемъ рапортовъ о числѣ людей и лошадей, на продовольствіи состоящихъ, и особыхъ вѣдомостей о находящихся въ дальнихъ откомандировкахъ и по госпиталямъ.

6. Малороссійскому генералъ-губернатору и управляющему военнымъ министерствомъ генералъ отъ инфантеріи кн. Горчакову донести также, съ какимъ числомъ людей и лошадей выступаете и когда вступите въ границы Россіи. По прибытіи же въ полтавскую губернію извольте представить имъ отчетъ о людяхъ: Какое число было получено при первоначальномъ выступленіи полка изъ своей губерніи; сколько и когда и какими случаями убыло и сколько осталось въ какихъ госпиталяхъ и откомандировкахъ; равномѣрно о лошадяхъ, оружіи, аммуниціи и о всѣхъ воинскихъ снарядахъ, сколько чего, отколь получено было, сколько изъ того числа какими случаями убыло и затѣмъ сколько остается на лицо и въ какой годности? Приказъ этотъ изданъ начальникомъ Главнаго Штаба Сабанѣевымъ. Къ сожалѣнію, въ архивѣ не могли сохраниться статистическія свѣдѣнія по послѣднему пункту, такъ какъ эти данныя, согласно приказу, были отосланы управляющему военнымъ министерствомъ[1]). Полки двинулись въ свои губерніи въ слѣдующемъ составѣ: въ 9 полтавскихъ было 7632 ч. и лошадей 7418; въ 6 черниговскихъ 4852 ч. и лошадей 5047. Составъ былъ далеко не полный, полагаемый по штату[2]).

Въ 5 черниговскомъ полку осталось ко времени выступленія въ городъ всего 316 ч., и этихъ козаковъ повелѣно было „обратить въ прислугу въ гошпитали, а лошадей, числомъ 945, дозволено было козакамъ продать. При этомъ было назначено слѣдствіе о причинахъ такой убыли козаковъ въ этомъ полку, что было поручено генералу Римско-Корсакову. Чѣмъ окончилось слѣдствіе, неизвѣстно; слѣдовъ объ этомъ въ архивѣ нѣтъ[3]). На пути возвращенія полковъ въ свои губерніи, командиръ четвертаго полка полковникъ Муравьевъ тяжко заболѣлъ въ Минскѣ, гдѣ долженъ былъ остаться, а полкъ двинулся дальше. Въ Житомирѣ явился въ полкъ дворянинъ Галиковскій, яко бы посланный отъ Муравьева, запечаталъ своею печатью въ канцеляріи всѣ дѣла,

---

[1]) Арх. г. прав. 1814, № 46.

[2]) Арх. г. пр. 1814, № 46.

[3]) Арх. губ. прав. 1816, дѣло № 33.

найденныя на другой день распечатанными. При этомъ Галиковскій сообщилъ, что полковникъ Муравьевъ скоро оправится отъ болѣзни. Съ какою цѣлью все это сдѣлалъ Галиковскій, трудно сказать. Быть можетъ, была необходимость скрыть какіе либо документы, которые могъ взять этотъ дворянинъ, или что либо въ этомъ родѣ.... Подпоручикъ Ашанинъ отправилъ нарочнаго навести справку о камандирѣ, и оказалось, что онъ „трудно безъ чувствія боленъ и не только не можетъ сдѣлать никакихъ распоряженій, но и рѣчей произнесть.“ Подпоручикъ Ашанинъ остался во главѣ этого полка. Открылось, что на командирѣ Муравьевѣ было не мало казенныхъ, такъ и „портикулярныхъ претензій“. При немъ остался одинъ оберъ-офицеръ, 30 козаковъ и 11 козачьихъ лошадей. Обо всемъ этомъ подпоручикъ Ашанинъ донесъ кн. Лобанову-Ростовскому, который утвердилъ его командиромъ полка[1]). Въ полку, которымъ командовалъ де-Конноръ, произошелъ случай, не столь интересный по существу, сколько рисующій порядки въ судахъ того времени. 15 мая 1815 г., когда полкъ стоялъ въ прилукскомъ повѣтѣ, 20 человѣкъ, вооруженные кольями и дубинами, подошли къ полковому цейхгазу. Часовой три раза окликнулъ: кто идетъ? отвѣта не было. Онъ еще разъ окликнулъ: кто идетъ, говори, убью.... Это было ночью. Тогда эти люди набросились на часового, который, защищаясь, ранилъ одного саблею въ голову, другому разрѣзалъ руку, но скоро былъ обезоруженъ и избитъ. Отъ полученной раны часовой палъ замертво на землю, но его потащили въ огородъ и начали бить. Сюда прибѣжалъ еще козакъ, слышавшій крикъ, но его избили. Затѣмъ прибѣжали еще два козака и съ ними два чиновника, Чаговецъ и Сварика. Прибывшіе вслѣдъ за ними козаки заставили нападающихъ разбѣжаться. Это случилось въ с. Иваницѣ, гдѣ въ то время былъ засѣдатель нижняго земскаго суда Затыркевичъ, къ которому де-Конноръ и обратился съ просьбой произвести разслѣдованіе, но онъ отказался, такъ какъ не имѣлъ на это предписанія отъ земскаго суда. Самое же прошеніе де-Коннора о производствѣ слѣдствія, отправилъ въ нижній земскій судъ. При немъ же открылось, что нападеніе на цейхгаузъ совершено было дворовыми помѣщика Горленка. Затыркевичъ арестовалъ двухъ подозрѣваемыхъ въ нападеніи, но отъ ареста дворовыхъ отказался, при чемъ сказалъ,

[1]) Арх. г. прав. 1814, № 47.

„что, хотя онъ и отвѣчать будетъ, но къ изслѣдованію сего дѣла и ко взятію дворовыхъ помѣщиковъ Горленковъ не приступитъ.“ Надо сказать, что засѣдатели нижняго земскаго суда избирались дворянами изъ своей же среды. Не желая нажить себѣ враговъ при будущихъ выборахъ, они защищали интересы помѣщиковъ. Затыркевичъ уѣхалъ, и вслѣдъ за нимъ пріѣхалъ земскій комиссаръ, также избираемый дворянствомъ. Комиссаръ произвелъ дознаніе, описалъ раны часового и козака и уѣхалъ. Затѣмъ опять пріѣхали засѣдатели, тотъ-же Затыркевичъ и Гашинскій. Производили они разслѣдованіе, не допустивши депутата отъ полка Цвѣтковскаго[1])...

Знамена полковъ, по предписанію кн. Лобанова, должны были храниться въ каѳедральномъ соборѣ, въ Полтавѣ и Черниговѣ, Первый полтавскій полкъ, по случаю своего возвращенія, соорудилъ образъ Спасителя, стоимостью 1500 р., который почему то былъ помѣщенъ въ соборной преображенской церкви, въ Черниговѣ[2]).

Таковы данныя, извлеченныя нами изъ архивныхъ дѣлъ о малорусскомъ козачьемъ ополченіи въ достопамятный 1812 годъ. Попытаемся, на основаніи этихъ данныхъ, сдѣлать посильный выводъ объ этомъ ополченіи. Малорусское казачество сослужило не малую службу Россіи, организовавъ изъ себя ополченіе въ 18 тыс. человѣкъ, но это былъ первоначальный только составъ 15 полковъ, а съ постоянными замѣнами выбывшихъ изъ строя, число ополченцевъ далеко превышало цифру въ 18 тыс. Помимо того, что козачество жертвовало своей жизнью, оно несло большія пожертвованія. Имъ были собраны сотни тысячъ на обмундированіе, на вербовку лошадей. Стоявшіе во главѣ нерѣдко ихъ экстлоатировали, вымогали у нихъ деньги, прибѣгали къ разнаго рода притѣсненіямъ для достиженія своей преступной цѣли. Козаки охотно шли въ ополченіе, что отчасти можно приписать обѣщанію генералъ-губернатора, что, по возвращеніи „въ дома свои“, они составлятъ козацкое войско, какъ было въ старину.

Ополченія были составляемы въ это тяжелое время и дворянствомъ, но дворянство организовало ихъ изъ крѣпостныхъ и жертвовало только средства, козачество же само жертвовало своею жизнью, помимо большихъ матерьяльныхъ пожертвованій, что и составляетъ историческую его заслугу.

---

[1]) Арх. г. прав. 1815, № 49.

[2]) Арх. п. губ. правл. 1812, № 82,

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Обозрѣніе Малороссіи въ лѣто 1812 года.

(*Генералъ-губернатора Малороссіи кн. А. И Лобанова-Ростовскаго*).

По вторженіи непріятеля въ предѣлы Россійской имперіи, губернія черниговская, положеніемъ своимъ гранича съ завладѣнной минской, могилевской и смоленской, съ нею же смѣжной, находилась въ необходимости брать найдѣятельнѣйшія средства оградить себя, какъ не отъ самой злодѣйской арміи, то, по крайнѣй мѣрѣ отъ разбойничьихъ нападеній мародеръ и конфедераціи, наипачѣ собираемыхъ въ чериковскомъ, климовицкомъ, чаусовскомъ и мстиславскомъ повѣтахъ, поелику и за не выпускъ изъ Малороссіи продуктовъ, селеніи ея уже огнемъ угрожаемы, въ уваженіи чего и учреждена была первоначально пограничная цѣпь. Изъ ближайшихъ къ тѣмъ пунктамъ обывателей, коя послужила и къ обезпечиванію себя отъ тайныхъ, всякихъ сношеніевъ евреевъ и продчихъ неблагонадежныхъ людей, среди того, первый объ ополченіи манифестъ поступя и представя уравнительное и лучшее для губерніи средство оградиться, приступилъ всякъ къ составленію его толико усерднымъ рвеніемъ, что отъ каждыхъ пятьнадцати душъ дано по одному защитнику, вооруженному пикой или саблей и снабженнаго деньгами на полугодовое содержаніе провіантомъ и жалованьемъ, опредѣля также оное сотеннымъ и полусотеннымъ начальникамъ; полтавская губернія таковое же вооруженіе учинила отъ 25 человѣкъ, снабдивъ каждаго всѣмъ годовымъ содержаніемъ, опредѣля, чтобъ изъ тѣхъ людей было и 6500 конницы, генералъ-губернаторъ къ подкрѣпленію всей той силы пригласилъ старой службы артиллерійскихъ чиновниковъ и, вруча имъ 46 орудій разнаго калибра, отъ помѣщиковъ на временное употребленіе истребованныхъ, поручилъ привести ихъ въ надлежащую исправность и снабдить каждое 50 кортечными снарядами, что и исполнено, орудіи тѣ при выступленіи отрядовъ были размѣшены подъ вѣдѣніемъ губернскихъ начальниковъ ополченія, колико жѣ всѣ то послужило огражденію и спокойствію обывателей, свидѣтельствуетъ общая въ семъ краю признательность, а колико всѣ того ради приуготовленія и единою оглаской своей дѣйствовали надъ непріятелемъ и присталой къ нему сволочи, могутъ свидѣтельствовать и

плѣнные и завладенныхъ тогда губерніевъ жителей. И полтавской губерніи вооружиться нужно было для усиленія черниговскаго ополченія. Ополченіе то послѣдствіемъ подтвердилось, ибо свѣтлѣйшимъ княземъ первоначально приказано было обоимъ силамъ войти въ могилевскую губернію, а нынѣ велѣлъ онъ имъ слѣдовать въ волынскую, до того же пѣхота и конница полтавскія держались въ переяславскомъ и въ продчихъ съ Кіевомъ пограничныхъ повѣтахъ, съ тѣмъ, что естлибъ непріязненное что съ Кіевомъ случилось, ретирующеяся армія, найдя себѣ подкрѣпленіе, могла бы надежнѣе дѣйствовать, или бъ сіе ополченіе на тоже употребленіе обратилось къ Глухову, естьлибъ обстоятельство Тулы и Калуги того потребовали мѣры тѣ, тѣмъ благонадежнѣе употреблялись, что генералъ-губернаторъ, занимаясь огражденіемъ въ ввѣренныхъ ему губерній видѣлъ, что и могущіи государству встрѣтилися нужды въ сильной укомплектовки, средства оныя тому бы благопріятствовали арміи, ибо никаковой рекрутскій наборъ не представлялъ еще здѣсь 42182 человѣкъ, какъ составило то ополченіе, напачѣ съ 6500 конницы, могущихъ вообще замѣнить знатное къ пополненію число.

Но къ привѣденію въ действо всѣхъ тѣхъ мѣръ, не стало бы всѣй генералъ-губернаторской благонамѣренности печности, естлибъ обоихъ губерній маршалы и помѣщики не были движимы благомысліемъ и равнымъ къ пользъ царя и царства усердіемъ, обращая взоръ на сію истенну всякаго уваженія достойною, подлежитъ обратить вниманіе коликихъ еще государственныхъ пользъ сей край былъ и есть причастенъ; козачье состояніе вызвавшись вооружаться, дало 15 полковъ, составляющихъ 18000 чел. конницы и благословляя соизволеніе о томъ государя своего, обязывается вооружаться въ предь двойнымъ противъ того числомъ; то войско ими въ полнѣ ремонтируясь можетъ почесца безсмертнымъ, не требуя жъ въ мирное время никаковыхъ казенныхъ издержекъ, а находясь готовымъ платятъ, какъ и всегда до 1364949 р.

Изъ сего въ кратцѣ изложеннаго, удобно уже бы рѣшить прошлое или нынечное сихъ людей положеніе лудчѣ съ выгодами казны согласуетъ; но къ вящему того поясненію пріобщаются слѣдующія подробности—въ губерніяхъ малороссійскихъ числится козаковъ 454983 ч., обязанность ихъ состояла по самымъ послѣднимъ надбавкамъ и разныхъ наименованій податей по 10 р. съ души, и во время набора со ста душъ одинъ пѣшій рекрутъ, нынѣ платитъ по три рубля, дають со ста по четыре

рекрута конныхъ, вооруженныхъ и вѣчныхъ, обязываясь давать впредь до 8 человѣкъ, слѣдственно, сто душъ за 700 р. въ казнѣ убыли даютъ 7 рекрутъ одѣтыхъ, вооруженныхъ и 8 лошадей съ конской сбруей; естлибъ таковой пользы очевидность встретитса могла съ каковымъ либо еще замѣчаніемъ о валовой массѣ денегъ, въ безденежной часъ изъ доходу убываемой, всемъ случае достаточно будетъ сказать, что за пріумноженіемъ войска отъ 18 до тридцати шести тысячъ людей, убавя по произволу изъ старыхъ три или четыре полка, сумма та вознаградитса, а въ войскѣ знатная прибыль окажется, чемъ всегда и оправдится усердная печность ходатайствовавшаго о новомъ сего края устройствѣ. На щотъ же общей ремонтировкѣ кавалерійскихъ полковъ останется замѣтить, что тотъ же самый родъ людей уже здѣсь наполняетъ губерніи слободо-украинскою, новороссійскія, кіевскою, подольскою и волынскою и что сверхъ того и въ обоихъ здѣшнихъ губерніяхъ крестьянъ казенныхъ и помѣщичьихъ остается къ рекрутской повинности до 800000 душъ, слѣдственно и по сей части нѣтъ вреда, наипачѣ, коль вспомнить пожелаешъ, что не токмо 30 но и 15 полковъ сами уже добрый ремонтъ замѣняютъ; при обстоятельствахъ же, въ коихъ государство находилось, коликое число было здесь политическихъ причинъ къ сему новому образованію приступить, того упоминать было бъ пространно, а довольно будетъ сообразить только число мелкомѣстныхъ здѣсь владѣльцовъ и вѣдавъ, въ какомъ они съ крестьянами своими другъ къ другу отношеніи, заключить, что не онѣ бы огонь тушить помогли, а казаки, коимъ за достиженіемъ уже цѣли своей нѣчемъ было бы соблазнится. Всѣ таковыя дѣйствій и заключеніи къ свѣдѣнію и усмотрѣнію почтеннѣйше и представляются. Князь Лабановъ-Ростовскій. [1])

Это донесеніе было отправлено 27 декабря 1812. министрамъ полиціи, финансовъ, управляющему военнымъ министерствомъ и главнокомандующему въ С.-Петербургѣ.

Переписка генералъ-лейтенанта Рота съ княземъ Я. И. Лобановымъ-Ростовскимъ.

Ваше сіятельство милостивый государь! Я смѣю предупредить ваше сіятельство, что не остается мнѣ другихъ средствъ, какъ довести до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества бѣдст-

[1]) Арф. п. губ. правлен. 1812 г. по списк. № 1.

венное состояніе войскъ малороссійскаго ополченія; совѣстно имѣть въ чужой землѣ россійское войско въ такомъ положеніи, наго, босо, не имѣетъ и необходимыхъ въ движеніи и дѣйствію потребностей, какъ котловъ, и шанцевого инструмента и по предписанію долженствующихъ быть въ ополченіяхъ патронныхъ ящиковъ и провіантскихъ фуръ.

Нарочно посланный полтавскаго ополченія 1 коннаго полка господинъ штабъ ротмистръ Гребенникъ до сего времени еще не возвращается, который былъ снабженъ депешами къ вашему сіятельству, касательно необходимыхъ недостатковъ въ войскѣ малороссійскаго ополченія.

Я въ обязанности безпокоить ваше сіятельство моею всепокорнѣйшею просьбою о неоставленіи содѣйствіемъ вашимъ и пособіемъ въ доставленіи аммуниціи и обуви, какъ для ополченія, такъ и для регулярныхъ полковъ черниговскихъ и полтавскихъ, я опишу вамъ настоящее состояніе сихъ войскъ: въ полкахъ регулярныхъ весьма мало надежныхъ и исправныхъ офицеровъ, лошади почти всѣ вообще никуда не годятся и весьма малорослы, отчего полки сіи теряютъ свое достоинство и не могутъ дѣйствовать фронтомъ, чѣмъ теряютъ славу соотчичей своихъ и націи, за которую они вышли на полѣ брани; я смѣю увѣрить васъ, ваше сіятельство, если полки сіи привести въ должное состояніе, то оные отличатъ себя, потому люди въ оныхъ чрезвычайно хорошія и надежныя. Какъ ополченіе не имѣетъ при себѣ лѣкарей, священниковъ, то я самъ всепокорнѣйше прошу не оставить предписаніемъ вашимъ кому слѣдуетъ о высылкѣ оныхъ, какъ аммуниціи и обуви для ополченія и регулярныхъ полковъ, кои также не могутъ остаться безъ оной, безъ чего наступающее зимнее время заставитъ лишиться множества людей, осень сдѣлала свое начало, болѣзни уже начались и число больныхъ день ото дня все увеличивается, и буде сіе не будетъ предупреждено и недостатки не будутъ исправлены, то я ожидаю ужасныя послѣдствія и дабы сіе не осталось на моей отвѣтственности, въ обязанности себя нахожу довести до свѣдѣнія Его Императорскаго величества.

Сообщая вашему сіятельству настоящее положеніе малороссійкаго ополченія и регулярныхъ полковъ полтавскихъ и черниговскихъ, всепокорнѣйше прошу не оставить по возможности пособіемъ вашимъ, черезъ что сохранятся воины сіи. При совершенномъ моемъ къ вамъ почтеніи и преданности честь имѣю

вашего сіятельства милост. государя, все покорнѣйшимъ слугою С. Ротъ[1]).

Кн. Лобановъ-Ростовскій самъ былъ этого же мнѣнія, что слѣдуетъ довести объ этомъ до свѣдѣнія императора. Онъ отказался дать средства дворянскому ополченію, такъ какъ не въ правѣ былъ „чинить поборовъ“ такъ какъ не имѣлъ на это предписанія. Онъ отправилъ 10500 р. на пріобрѣтеніе 480 котловъ и по 50 р. на человѣка для постройки обмундированія и, предписавъ черниговскому губернатору озаботиться внесеніемъ козаками на этотъ предметъ по 1—50 к. съ каждой ревизской козачьяго состоянія души. Въ этомъ же мѣсяцѣ генералъ-лейтенантъ Ротъ обратился опять съ слѣдующимъ отношеніемъ къ кн. Лобанову-Ростовскому.

Ваше сіятельство милостивый государь князь Яковъ Ивановичъ!. Ваше сіятельство изволили препроводить ко мнѣ черезъ ш.-ротмистра Гребенника на исправленіе несостоящихъ до сего времени въ ополченіи, артельныхъ котловъ 10 тыс. государственными ассигнаціями, я оные деньги получа отправилъ господину генералъ-маіору кн. Жевахову на исправленіе сего недостатка[2]). Положеніе малороссійскаго ополченія заставляетъ меня еще разъ обременить ваше сіятельство моею всепокорнейшею просьбою; войско сіе не имѣетъ еще необходимыхъ къ движеніямъ потребностей, какъ то: провіантскихъ фуръ, патронныхъ ящиковъ, шанцоваго инструмента и терпитъ нужду въ одеждѣ и обуви, а воины черниговской губерніи ни кобеняковъ, ни шинелей, что могло бы ихъ укрыть и сберечь отъ погодъ теперешняго времени. Содѣйствіе вашего сіятельства въ семъ случаѣ необходимо, пособіе дворянства не будетъ излишнее, вы можете сдѣлать ихъ способными и съ пользою противъ дѣйствующими силамъ непріятельскимъ, а безъ чего войско сіе останется безполезнымъ, я не полагаю, чтобы значительная сумма потребна была на исправленіе всего описаннаго недостатка.

Господинъ главнокомандующій польскою арміею генералъ отъ кавалеріи и кавалеръ баронъ Бенигсенъ по высочайшей воли Его Императорскаго величества, предписать мнѣ изволитъ 5 и 9

---

[1]) Арх. п. г. правл. дѣло № 28, 1813 г. л. 55, бумага за № 5310 отъ 5 сентября 1813 года.

[2]) Кн. Жеваховъ стоялъ во главѣ ополченія, снаряженнаго въ 1812 г. полтавскимъ дворянствомъ, см. объ этомъ 1 томъ нашего труда „Къ исторіи полтавскаго дворянства“. Двор. ополченіе было также подъ начальствомъ Рота.

конно-казачьи регулярные полки полтавской губерніи укомплектовать людьми и лошадьми, въ коихъ они имѣютъ недостатокъ, я не смѣю сказать, чтобы и другіе регулярные конные полки сего самаго войска не имѣли равнаго недостатка, который также необходимо нужно пополнить, на пополненіе ихъ въ войскѣ мнѣ ввѣренномъ, я ни людей, ни лошадей не имѣю; люди, въ ополченіи состоящія, такъ полагаю не могутъ поступить въ составъ на укомплектованіе сихъ полковъ, которыя, сколько мнѣ извѣстно, должны быть составлены изъ козачьихъ слободъ на всемъ своемъ содержаніи (я имѣлъ честь видѣть изъ предложенія вашего сіятельства черниговскому губернскому правленію отъ 23 августа 1812 года). О недостаткахъ въ полкахъ сего войска честь имѣю препроводить вашему сіятельству вѣдомость, изъ коей усмотрѣть изволите число людей и лошадей потребныхъ на укомплектованіе полковъ сихъ, въ коихъ и состоящія на лицо лошади не надежны. Я всепокорнѣйше прошу вашего сіятельства, согласно воли Его Императорскаго величества, приказать, кому слѣдуетъ, недостающее число людей и лошадей пополнить, на что я надѣюсь, что ваше сіятельство изволите имѣть особое писаніе и не оставите меня увѣдомленіемъ вашимъ, приказавъ людямъ симъ имѣть направленіе герцогства варшавскаго, къ крѣпости Замостью. Буде на исправленіе вышеобъясненыхъ недостатковъ вашему сіятельству угодно будетъ ассигновать сумму, то не оставьте поручить оную для доставленія ко мнѣ прежде командированному мною къ вашему сіятельству по сему же предмету господину сотенному товарищу Коновалову, въ противномъ случаѣ почтите меня увѣдомленіемъ вашимъ. Съ истиннымъ почтеніемъ и проч. С. Ротъ[1]).

Кн. Лабановъ-Ростовскій не бездѣйствовалъ: онъ предписалъ черниговскому губернатору Бутовичу озаботиться въ возможно скорый срокъ взносомъ козацкими обществами слѣдуемыхъ денегъ. Губернаторъ, въ свою очередь, предписалъ земской полиціи принять мѣры къ сбору этихъ денегъ, при чемъ предупреждалъ полицейскихъ чиновниковъ, что, въ случаѣ медленности или неполнаго взноса въ казначейство тѣхъ денегъ, они, какъ обязанны, пещись о поспѣшномъ исполненіи предписаннаго, подвергнутъ себя строгой отвѣтственности и пополненію невзноса[1]). О пополненіи убыли въ полкахъ людей, а также и лошадей, князь Лоба-

[1]) Арх. г. губ. правленія, дѣло № 28, 1813 года и 71—72.

новъ-Ростовскій много заботился; получая свѣдѣнія отъ ремонтеровъ о необходимости пополненія убыли козаковъ, князь постоянно предписывалъ земскимъ комисарамъ и городничимъ принять мѣры для его ускоренія; въ архивныхъ дѣлахъ объ ополченіяхъ мы встрѣчаемъ десятки такихъ предписаній. Въ такомъ духѣ и отвѣтилъ князь Лобановъ генералу Роту. Что же касается ополченія, упоминаемаго въ бумагахъ Рота, то рѣчь идетъ о дворянскомъ ополченіи, расходы на которое, по вступленіи въ составъ дѣйствующей арміи, были приняты на счетъ казны. [1] 10 ноября 1813 г. генералъ Ротъ опять пишетъ кн. Лобанову-Ростовскому письмо, гдѣ упоминаетъ о неполученіи на всѣ бумаги отвѣта. Въ этой бумагѣ генералъ Ротъ опять повторяетъ свою просьбу ускорить присылку денегъ и озаботиться о скорѣйшемъ укомплектованіи полковъ людьми и лошадьми. [2] Что же оказалось? Кн. Лобановъ-Ростовскій увѣдомилъ Рота о своихъ распоряженіяхъ и отправилъ донесеніе черезъ того же Коновалова, который присланъ былъ генераломъ Ротомъ, но Коноваловъ не счелъ нужнымъ тотчасъ же отправиться по назначенію, а заѣхалъ домой, къ своимъ роднымъ, гдѣ пробылъ долгое время, и князь отправилъ другаго нарочнаго нѣкоего Миткевича. Деньги были собраны только къ январю 1814 года, когда и были отправлены на имя Д. И. Лобанова-Ростовскаго. Интересенъ размѣръ суммъ, посланныхъ для полковъ.

Полтавскія полки:

Въ	1	полкъ на	972 ч.	48600 р.
„	3	—	517 „	25850 „
„	4	—	919 „	45950 „
„	5	—	759 „	37950 „
„	6	—	915 „	45750 „
„	7	—	905 „	45250 „
„	8	—	810 „	40500 „
		Итого		289850 р.

Черниговскія полки:

„	1	полкъ на	885 ч.	44250 р.
„	2	—	883 „	41700 „
„	3	—	1092 „	54600 „
„	4	—	829 „	41450 „
„	9	—	860 „	43000 „
		Итого		225000 р.

а всего, на всѣ полки—514850 р. [3]

Изъ этой суммы, 365 тыс. отосланы кн. Лобановымъ-Ростовскимъ кн. Д. И. Лобанову-Ростовскому, который уже отправилъ ихъ къ генералу Роту. Послѣдній увѣдомилъ о полученіи кн. Я. И. Лобанова-Ростовскаго.

---

[1] Увѣдомленіе Лобанова за № 4058, дѣло 1813, № 28, л. 78—79.

[2] Бумага отъ 10 ноябрь, ibidem л. 80—81.

[3] Арх. г. правл. 1813, дѣло № 28 л. 157.

Ваше сіятельство милостивый государь кн. Яковъ Ивановичъ. Я имѣлъ честь получить письмо и 365 тыс. государственными ассигнаціями черезъ господина титулярнаго совѣтника Енько, котораго и снабдилъ надлежащею квитанціею. Смѣю просить вашего сіятельства, ежели вы впредь будете посылать ко мнѣ деньги, приказать размѣнивать ихъ на червонцы, ибо въ промѣнъ таковыхъ въ здѣшнемъ краѣ претерпѣвается много убытку, ассигнаціи должно опять отсылать въ Россію, что производитъ затрудненія всякого рода и большія издержки; сверхъ того въ числѣ полученной мною суммы находятся сто стопятидесяти рублеваго достоинства ассигнаціи, которыя не имѣютъ здѣсь курсу, остальное же составлено изъ ветхихъ бумажекъ, что здѣсь никто не принимаетъ, я предписалъ всѣмъ козацкимъ полкамъ откомандировать офицеровъ для полученія ремонтовъ и представить подробнѣйшія рапорты, сколько именно въ какомъ полку и какого повѣта умерло людей и пало лошадей. 9 полтавскій конно-козачій полкъ, на которой вашимъ сіятельствомъ не прислано никакой суммы, въ рапортѣ показываетъ на лицо людей 570; лошадей 520, то не благоугодно ли будетъ вашему сіятельству прислать мнѣ слѣдующее на такое число людей сумму? Прилагаю при семъ копію съ приказа даннаго мною господамъ командирамъ полковъ и назначенія сдѣланнаго мною вещамъ съ оцѣнкою оныхъ, ваше сіятельство усмотрѣть изволите, что желаніе мое есть изъ 50 р. вашимъ сіятельствомъ на каждаго козака присланныя, построитъ самое нужнѣйшее для приведенія ихъ въ состояніе нести службу, но таковое число для нихъ еще недостаточно, я даже сомнѣваюсь, чтобы командиры полковъ могли искупить все нужное по назначеннымъ мною цѣнамъ. Это зависитъ отъ краю, въ коемъ мы будемъ находиться, и отъ старанія ихъ; также прошу покорнѣйше вашего сіятельства прислать мнѣ офицеровъ, полки имѣютъ въ нихъ большой недостатокъ, особенно жъ въ людяхъ хорошаго поведенія. Здѣсь есть множество такихъ, которые наносятъ имъ большія непріятности дурными поступками.

Касательно ополченія. Оно поступило подъ начальство мое почти голое, ибо оно выступило изъ Малороссіи мгновенно и безъ одежды, я приказалъ брать реквизиціею сукно, сапоги, полотно и прочее и посредствомъ неотступныхъ моихъ требованій, я дошелъ до того, что верховный совѣтъ герцогства варшавскаго утвердилъ оныя реквизиціи, въ 4 полкахъ уже передняя и средняя шеренги обмундированы, какъ регулярныя войска воору-

жены и хорошо выучены, они сражались всегда съ мужествомъ подъ Замостьемъ съ гарнизономъ сей крѣпости, которыя до послѣдняго дня не переставалъ дѣлать вылазки, всѣ полки сіи ничѣмъ не различествуютъ отъ регулярныхъ войскъ. Прилагаю при семъ копіи съ бумагъ, полученныхъ мною отъ господина генералъ-криксъ комисара резервной арміи и кавалера Ланча, изъ коихъ ваше сіятельство усмотрѣть изволите, что ополченіе не будетъ, конечно, распущено до окончанія войны. Я надѣюсь, что ваше сіятельство прикажите, чтобы вещи, означенныя въ сей бумагѣ, которыя столь необходимы, а долженствующіе быть построены на щотъ пожертвованныхъ на ополченіе суммъ, были бы выданы или натурою или деньгами, господинъ генералъ-маіоръ Шемшуковъ отправилъ вѣдомство къ губернскому маршалу о всѣмъ нужнѣйшемъ, сумма имъ требуемая есть необходима и изъяснена подробно. Сверхъ того, дворянство можетъ положиться на безкорыстіе и усердіе господина Шемшукова. Я увѣренъ, что онъ не причинитъ ни малѣйшаго убытка лишними издержками и я постараюсь доставить ему всѣ способы къ разсчетистому распоряженію, какъ и до сего времени поступалъ; что же касается до полтавскаго ополченія господина генералъ-маіора кн. Жевахова, безъ сумнѣнія, отнесемся равнымъ образомъ къ маршалу полтавскому Д. Т. С. Трощинскому. При ономъ ополченіи были лошади, которыя могли бы служить на укомплектованіе нашихъ, если бы господинъ генералъ-маіоръ кн. Жеваховъ не отдалъ бы ихъ на артиллерійскіе парки; нынѣ же принужденнымъ находится покупать, ибо онъ въ нихъ нуждается.

Прошу покорнѣйше ваше сіятельство не оставить своимъ вспомоществованіемъ къ приведенію малороссійскаго ополченія и козацкихъ полковъ въ состояніи не претѣрпевать недостатка въ вещахъ для нихъ полезныхъ и поддерживающихъ ихъ благосостояніе, равномѣрно ревность и доброе поведеніе ихъ доказанное неоднократно. Поступкомъ сотеннаго товарища Коновалова я весьма недоволенъ и не промину наказать его строжайше за невосполненіе обязанностей и долга своего. Съ истиннымъ почтеніемъ и проч. С. Ротъ[1]).

№ 35. Января 7, 1814 года.

---

[1]) Арх. п. г. правл. 1830, № 28 л. 177—179.. Деньги на обмундированіе 9 коз. полка, по 50 р. на человѣка, всего 31500 р. (было 630 ч.) были посланы генералъ-губернаторомъ въ октябрѣ этого же года, см. №2160, л. 216 тоже дѣло.

Генералъ Ротъ, получивъ эти суммы, приступилъ къ обмундированію полка; что поручилъ сдѣлать полковымъ командирамъ, назначивъ точно цѣны и самыя вещи. На каждаго ополченца предписано купить: 5 польскихъ локтей сукна, по 2 р. 50 к., кожа для шароваръ—6 р., краснаго сукна на выкладку шароваръ—3 р. 60 к., пуговицы, крючки, нитки и работа 2 р. 35 к., рубаха—2 р. 50 к., сапоги—3 р., поясъ—1 р. 50 к., шапка—4 р. 25 к., галстукъ—30 к., подкладка 15 локтей по 30 к.—4 р. 50 к., а всего 40 р. 50 к.

Оставшіеся 9 р. 50 к., генералъ Ротъ приказалъ употребить на ремонтъ конской сбруи. Ротъ предписалъ командирамъ сдѣлать, „добропорядочно съ разсчетомъ“[1]).

Письмо Я. И. Лобанова-Ростовскаго Д. И. Лобанову-Ростовскому.

Милостивый государь мой князь Дмитрій Ивановичъ! На отношеніе вашего сіятельства отъ 6 декабря истекшаго года по случаю донесенія вамъ генералъ-лейтенанта Рота, что 5 и 9 конные козачьи полки требуютъ укомплектованіе людьми и лошадьми, поспѣшаю представить краткую записку изъ дѣлъ, при мнѣ находящихся, ибо она объяснитъ, какія были дѣйствія и причину частной въ нѣкоторыхъ изъ нихъ остановки, исторія или существованіе сихъ полковъ слѣдующее: малорусское козачье общество, простирающееся свыше четырехъ сотъ тысячъ людей, по случаю бывшаго въ Россіи непріятеля, обязалось составить изъ себя 15 конныхъ козачьихъ полковъ, каждый изъ 8 эскадроновъ, составляющихъ 1200 человѣкъ рядовыхъ, одѣтыхъ и по возможности вооруженныхъ, велѣно было руководствоваться инструкціей, генералу Милорадовичу данной; потомъ одежда, высочайшимъ рескриптомъ разрѣшена быть, только прочная и съ елико можною единообразностью, такъ и сформированы были оныя съ 1 сентября 1812 г. и поступили частью къ главной арміи, частью въ Бѣлоруссію и Мозырь. Въ главной квартирѣ, въ Калишѣ свѣтлѣйшій поручилъ командоваше всѣхъ оныхъ генералъ-маіору князю Кудашеву, отъ коего поступили образцовыя для людей одежды, по коимъ нынѣ весь новый ремонтъ здѣсь (не разобрано, вѣроятно, изготовляется) а на наличное число при полкахъ людей выслано на первый часъ въ каждый полкъ по 50 р. на

[1]) Арх. п. губ. правл. 1813, дѣло № 28, л. 230.

человѣка, что и составляетъ упоминаемую въ запискѣ сумму 514850 р. Общество то, затрудняясь добываніемъ многихъ изъ тѣхъ вещей, какъ алое сукно и одѣяла и прочая въ продажѣ здѣсь не имѣющаяся, даетъ къ подряду оныхъ деньги и тѣмъ сіе новое дѣло по всей возможности и исправляется, но колико желать должно, чтобы одинъ ремонтъ людей и лошадей лежалъ на нихъ натурою, а о протчемъ взымалось бы съ каждаго рядового деньгами. Ваше сіятельство, сами благоусмотрѣть то изволите, сіе говорю я, какъ должны онѣ будутъ всегда нынѣшней формѣ сообразоваться, ибо держась простаго только единообразія станетъ ихъ..... Изъ тѣхъ полковъ о пятомъ черниговскомъ было высочайше повелѣніе, чтобы, по случаю слабаго состоянія того полка, по коему онъ служить уже не можетъ, остающихся въ немъ наличныхъ 316 человѣкъ, равно и другихъ въ откомандировкѣ находящихся обратить для прислуги въ госпитали, состоящихъ же при полкахъ 945 лошадей, какъ оные составляютъ собственность козаковъ, позволить распродать. Покидая жъ сію статью, считаю не лишнимъ пояснить, что кромѣ сего войска, находящагося при ополченіи конница, изъ крѣпостныхъ и простаго состоянія людей названныхъ козаками, но они къ составу и положенію прежде помянутыхъ не подлежатъ, а къ тому земскому войску..... состоитъ по волѣ государя на казенномъ ихъ содержаніи. Обо всемъ томъ, считаю долгомъ представить, имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью, вашего сіятельства, милостивый государь мой Лобановъ-Ростовскій? [1]).

И. Фр. Павловскій.

---

[1]) Арх. п. губ. правленія 1813 г. № 28, и 160—161.

Воспоминанія и Автобіографія Одесскаго Протоіерея Николая Ивановича Соколова.[1]

Поступленіе въ Кіевскую Академію.

(1827—1831 гг.).

Отъѣздъ изъ Орла на почтовыхъ—съ *Доброхотовымъ* и *Переверзевымъ*.—Въ гостяхъ по дорогѣ—у священника черниговской губ.—Непріятное приключеніе на одной изъ станцій.—Пріѣздъ въ Академію.—Начальники и товарищи.—Увлеченіе автора историческими науками—рѣшимость его взять одну изъ задачъ по русской исторіи, предложенную на премію *м. Евгеніемъ*.—Какъ и кѣмъ преподавались въ Академіи философія и эстетика. Переходъ на старшій академическій курсъ въ 1829 г.—Развитіе въ авторѣ *критицизма*.—Неожиданная смерть товарища *Успенскаго*.—Знакомство съ ученымъ монахомъ Михайловскаго монастыря.—Поѣздка на родину въ каникулярное время.—Пребываніе въ г. Мценскѣ у родныхъ.—На свадьбѣ у товарища по семинаріи—*Тихвинскаго*.—Авторъ неожиданно играетъ роль свата.—Рѣзная *статуя Святителя Николая* въ Мценскомъ соборѣ и интересные факты изъ исторіи этой статуи.—Назначеніе орловскаго архіерея *Гавріила* въ Екатеринославъ и несчастное приключеніе съ архіерейской коровницей.

Пріѣхавши изъ дому въ Орелъ съ тѣмъ, чтобы отсюда отправиться въ Кіевъ уже со своими спутниками, какъ объ этомъ раньше было условлено, я уже засталъ въ Орлѣ *Доброхотова*. А другой мой спутникъ, *Переверзевъ*, жилъ у брата своего, смотрителя духовныхъ училищъ, въ Орлѣ же. Изъ-за прощаній Доброхотова съ разными священниками, бывшими товарищами его по семинаріи, мы выѣхали на почтовыхъ только 1-го или 2-го сентября. Кто-жъ это былъ Доброхотовъ? Это—товарищъ *Ивана Алексѣевича Борисова*[2]. Борисовъ поѣхалъ въ Академію

[1] См. Кіев. Стар. 1906 г. № 9.

[2] То есть—будущаго архіепископа херсонскаго *Иннокентія*.—Л. М.

по окончаніи семинаріи, а онъ оставался учителемъ училища въ Сѣвскѣ. Борисовъ звалъ его въ Академію; но Доброхотовъ не соглашался. Но когда Доброхотовъ сталъ просить мѣста въ городѣ, а архіерей сталъ навязывать ему въ невѣсты одну дѣвушку, которая ему нисколько не нравилась, то вышла непріятность, — и вотъ, послѣ 4-хлѣтней службы учительской, Доброхотовъ бѣдняга самъ искалъ спасенія въ академіи. Онъ принятъ былъ прямо въ старшій курсъ и кончилъ со степенью магистра, вѣроятно потому, что, поступая въ Академію, письменно изъявилъ согласіе принять монашество, по окончаніи курса академическаго [1]).

И такъ, мнѣ пришлось летѣть на лихихъ тройкахъ по той самой дорогѣ, по которой годъ назадъ плелся я богомольцемъ. Но теперь эта дорога не представляла прелести новизны и не то было настроеніе духа. Когда перевалились мы въ черниговскую губернію, то напали на дешевую вишневку: не рѣдко случалось быть отъ нея въ ненормальномъ состояніи.—Въ одномъ мѣстѣ черниговской губ. Доброхотовъ свернулъ немного въ сторону отъ большой дороги и завезъ насъ къ знакомому ему священнику, кажется товарищу его по семинаріи. Многіе черниговцы воспитывались почему-то въ Сѣвской семинаріи, какъ напр., въ мое время *Крыловскіе,* два брата. Священникъ съ круглою черною бородкою, оттѣнявшею бѣлое лицо, и супруга его, молодая, роскошная женщина, приняли насъ, казалось, не совсѣмъ радушно. Подали чай—съ подливочкой спирта, настояннаго на вишневыхъ косточкахъ. Эта подливочка сперва развязала языки и гостей и хозяевъ, а потомъ привела въ такой экстазъ, что начались пѣсни и поднялся безцеремонный гамъ. Жена священника первая начала пѣть: „Охъ нудно мнѣ, охъ тяжко мнѣ, що пипъ съ бородою". Тогда и въ Великороссіи борода была принадлежностію мужика и ея всѣ, кромѣ купцовъ, стыдились; а въ Малороссіи тѣмъ болѣе не любили ея, что сами мужики постригали боро-

---

[1]) *Никаноръ Васильев. Доброхотовъ*—окончилъ Кіевскую Академію въ 1827 г., а въ 1828 г. постриженъ въ монашество съ именемъ *Николая.*—Съ 1837 г. по 1841 г. былъ ректоромъ С.-Петербургской д. академіи; съ 1841 по 1857 г. былъ епископомъ Тамбовскимъ —Съ 1857 г. жилъ на покоѣ въ *Трегуляевѣ* монастырѣ (въ 8 верстахъ отъ Тамбова) и скончался 21 Окт. 1864 г.—Интересную характеристику его, какъ епископа Тамбовскаго, см. въ „Русской Старинѣ" за Іюнь 1905 г. въ „Запискахъ Протоіерея Виктора Пѣвницкаго"—стр. 135—143.—Л. М.

ду. По сему заключаю, что жена священника своею пѣснію выражала искреннее сожалѣніе, что мужъ ея, по священническому званію, навсегда останется съ бородою. Въ горницѣ происходило пѣніе и взаимныя изліянія души, а въ кухнѣ рѣзали и жарили разную птицу. Ужинъ былъ прекрасный, съ разными наливками. И на другой день не выпустили насъ изъ дому безъ двухъ пуншовъ и завтрака.

Въ дорогѣ я сдѣлалъ такую погрѣшность, за которую совѣсть мучила меня долгое время. На одной станціи мы хотѣли переждать дождикъ и помѣстились въ корчмѣ. Пообѣдали, выпили вишневки. Вдругъ входитъ человѣкъ высокаго роста съ заплывшими отъ жиру глазами, лѣтъ 40, въ польскомъ кунтушѣ. У него была гитара. Потребовалъ онъ себѣ рюмку вишневки, сѣлъ и началъ пѣть съ акомпаниментомъ на гитарѣ: „У сусіда хата біла, у сусіда жінка мила“. Мои товарищи спокойно отнеслись къ игрѣ и пѣнію и даже пошли на печь обсушиваться и отогрѣваться послѣ ненастной дороги. А я приросъ къ игравшему на гитарѣ и слухомъ, и взоромъ. Игра и пѣніе прекратились. Незнакомецъ въ кунтушѣ, вынимая давно подержанныя карты и обращаясь ко мнѣ съ кошачьею улыбкою, спросилъ: „не съиграемъ ли, пока дождь не пройдетъ?“—Пожалуй, въ дурачка, или въ возокъ,—отвѣтилъ я.—„О, нѣтъ, что тамъ возиться; развѣ въ трилистика? на вишневку?“—продолжалъ онъ.—По копѣечкѣ пожалуй,—согласился я. Но это былъ не *Пальчикъ*, незабвенный компаньонъ мой, когда я квартировалъ у Сопова. Онъ проигралъ 12 коп. и приказалъ подать чвертку наливки. Подъ парами наливочки игра продолжалась. Чтожъ? Я ли сдаю, онъ ли, но у него, особенно при его сдачѣ, всегда три туза. Я проигрываю до рубля и останавливаюсь; но онъ ободряетъ надеждою отыграться—и я продолжаю. Гляжу—мѣлокъ сводитъ счетъ почти на три рубля. Я плачу и требую, чтобы на все количество куплено было вишневки. Тотъ покупаетъ чвертку, а остальныя деньги кидаетъ въ карманъ. Я начинаю спорить, а онъ, не обращая вниманія на мои слова, начинаетъ играть и пѣть: „У сусіда хата біла, у сусіда жінка мила“. Доброхотовъ съ печки кличетъ меня къ себѣ, и не зная, сколько я просадилъ, строго потребовалъ, чтобы я оставилъ дѣло. Я послушалъ, и когда кунтушъ продолжалъ свое „У сусіда хата біла“, какъ мнѣ показался гадокъ и страшенъ онъ и какимъ упрекомъ звучала его пѣсня! Послѣ—долго я не могъ слышать этой пѣсни безъ того,

чтобы она не пробуждала во мнѣ мрачное воспоминаніе и не вызывала у меня досаду на самого себя [1]).

Прибыли въ Кіевъ. Тогда былъ ректоромъ академіи архимандритъ *Кириллъ* [2]). Его почему-то студенты называли *Цирилломъ*. Митрополитъ Евгеній любилъ его за знаніе французскаго языка. Онъ былъ изъ воспитанниковъ старой академіи.—Ректоръ принялъ наши билеты и отослалъ насъ въ новый корпусъ. Насъ помѣстили въ номеръ, завѣдуемый старшимъ—*Подгурскимъ* [3]). Товарищами по номеру были кіевскіе студенты: *Максимовичъ* [4]), *Климовичъ* и *Лаврентій Егоровичъ Орловъ*. Черезъ недѣлю открылись пріемные экзамены. Не помню темъ, предложенныхъ тогда для разсужденій; но онѣ были изъ предметовъ, вовсе незнакомыхъ. Какъ бы то ни было, но я поставленъ былъ въ первомъ пяткѣ втораго разряда.

При академіи оставались еще окончившіе студенты 3-го курса [5]). Они сбиты были въ двухъ нумерахъ стараго корпуса и

---

[1]) *„У Сусіда хата біла"*—старинная и популярнѣйшая украинская пѣсня Вотъ первые два куплета ея:

У сусіда хата біла,
У сусіда жінка мила,
А у мене ні хатинки,
А ні щастя, а ні жинки.
А вже сусід жито сіє
У сусіда зеленіє,
А у мене ні орано,
А ні жито не сіяно.

Напѣвъ этой пѣсни—грустный.—Л. М.

[2]) *Кириллъ Куницкій*, сынъ священника села *Гвоздова*, Кіевскаго уѣзда, *Алексѣя Куницкаго*, умершаго въ 1807 г Послѣ окончанія курса въ старой Кіевской академіи, онъ оставался въ ней наставникомъ до самаго преобразованія ея въ 1819 г.—Л. М.

[3]) *Давидъ Александровичъ Подгурскій*, тогда студентъ старшаго курса,—впослѣдствіи профессоръ Кіевской академіи.—Л. М.

[4]) *Иванъ Петровичъ Максимовичъ*, сынъ Кіевскаго протоіерея, впослѣдствіи профессоръ Кіевской академіи—Л. М.

[5]) То есть—*3-го выпуска* изъ академіи, бывшаго въ 1827 г., или 3-го *пріема* въ академію, происходившаго въ 1823 г. Пріемъ въ академію и выпускъ изъ нея бывали не такъ, какъ теперь—*ежегодно*, а черезъ *два года*. И студенты академіи сохраняли навсегда *числовое* имя пріема или выпуска, зависѣвшее отъ хронологическаго порядка—со времени преобразованія Кіевской академіи въ 1819 г.—и знаменовавшее собою *курсовое товарищество* студентовъ, столь для нихъ памятное и дорогое.—Первый пріемъ въ академію былъ въ 1819 г., и потому студенты это-

цѣлую треть по обычаю ожидали отъ тогдашней комиссіи духовныхъ училищъ при Св. Синодѣ утвержденія въ ученыхъ степеняхъ и назначенія мѣстъ службы. Изъ нихъ я хорошо помню нѣкоторыхъ и большею частію изъ орловскихъ: *Крыловскаго, Орлова, Реэнта* (забылъ его фамилію [1]), *Данкова,*—а также изъ другихъ губерній: *Яцина, Маляревскаго.* Окончившіе курсъ явно стѣсняли экономію академіи [2]).

Началось ученіе. Потянулись дни, не различавшіеся одинъ отъ другого. Кромѣ исторіи философіи, которая проходилась по *Брукеру,* и эстетики, проходимой по запискамъ, предметы ученія были одни и тѣ же, что проходились и въ семинаріи. Я записался изъ вспомогательныхъ предметовъ на математику и французскій языкъ. Но профессоръ математики съ такою поспѣшностію преподавалъ предметъ свой, что въ два или три урока прошелъ до уравненій 2-й степени. Я отсталъ и долженъ былъ перейти на классъ исторіи. Для этого я обратился къ ректору, а онъ обратилъ меня къ профессору *Граникову.* Граниковъ согласился принять меня, но требовалъ, чтобы самъ я не смѣлъ войти въ классъ на его предметъ, а внѣ класса у порога ожидалъ его. Какъ ни тяжело было мнѣ, а все это было мною исполнено. Граниковъ читалъ по своимъ *запискамъ.* Оказалось послѣ, что онъ слово въ слово переписывалъ съ выписанной имъ книжки: исторія *Буръена.* Я считалъ себя отставшимъ въ этомъ предметѣ и потому во время рождественскихъ каникулъ забралъ изъ академич. библіотеки всѣ существовавшіе въ ней исторіи. Но ихъ было мало; я воспользовался только *Ролленемъ* и еще какою-то книгою. Послѣ чего, когда Грановскій спрашивалъ меня, я всег-

---

го пріема удержали навсегда названіе студентовъ *перваго курса;* второй пріемъ былъ—въ 1821 г.,—это студенты *втораго курса;* а третій пріемъ былъ въ 1823 году—это студенты *третьяго курса,* — и т. д.; слѣдов. авторъ этихъ записокъ, *Н. И. Соколовъ,* поступившій въ академію въ 1827 г., былъ студентомъ *пятаго курса* Кіевской академіи.—Л. М.

[1]) То есть регента академич. хора. Это былъ *Андрей Вас. Бакулинъ,* изъ Орловской семинаріи.

[2]) Они стѣсняли академію, и сами, бѣдные, были въ высшей степени стѣснены, ожидая назначенія на мѣста и не имѣя въ карманѣ ни копѣйки... Мѣсто въ старомъ корпусѣ, гдѣ ихъ скучивали и гдѣ они спали просто на полу,—называлось *вертепомъ.*—Ректоръ академіи *Иннокентій* обращалъ вниманіе высшаго петербургскаго начальства на бѣдственное положеніе оканчивающихъ курсъ студентовъ... См. сборникъ „Старина и Новизна"—*книга девятая*—(1905 г.) стр. 216.—Л. М.

да отвѣчалъ пространнѣе, нежели мнѣ читано, что приводило его въ досаду и онъ ставилъ меня по списку послѣднимъ.

Черезъ годъ митрополитомъ Евгеніемъ предложены были археологическія задачи младшему и старшему отдѣленію академіи. Задачи были слѣдующія: 1) О мѣстѣ, гдѣ находилась церковь, въ которой присягали Варяги Игорева времени. 2) О крещеніи Владиміра и 3) О крещеніи Ольги. Тому, кто рѣшитъ, обѣщались 100 рублей. Первую задачу удалось рѣшить *Остромысленскому*—и онъ получилъ призъ 100 р. изъ процентовъ Румянцевскаго капитала [1]). Второю задачею занимался Амфитеатровъ. Разработывая предметъ, онъ вдался въ посторонніе, но самые важные вопросы: о происхожденіи Варяжскихъ князей—не изъ Скандинавскаго полу-острова, а изъ южныхъ областей Россіи—изъ Галиціи, или изъ Крымскаго полуострова—изъ Тмутаракани, въ которыхъ жило христіанство еще до Владиміра, Ольги и Оскольда и Дира. Эти предметы составили только *введеніе* въ трактатъ, и какъ это введеніе въ 20 листахъ показалось огромною пристройкою въ маленькой клѣти и его соображенія не сходились съ общепринятыми тогда взглядами,—то задача была брошена. Она принята была моимъ товарищемъ *Спасскимъ-Автономовымъ*, и рѣшеніе ея, хотя не удостоилось приза, но было отпечатано [2]). Третья задача: о времени крещенія Ольги не была принята никѣмъ. Первыя каникулы я не ѣздилъ домой, а провелъ надъ книгами академич. библіотеки. Какъ въ рождественскія, такъ и въ эти лѣтнія каникулы я бралъ большею частію книги по исторіи; но какъ ихъ было мало, то бралъ и *лѣтописи*. Ими я такъ увлекся, что прочиталъ даже рукопись о Варяжской вѣрѣ препод. Ѳеодосія Печерскаго. Шлецеровъ критическій разборъ лѣтописи Нестора развилъ во мнѣ и безъ того закравшійся критицизмъ.—Вдумавшись въ подробную программу задачи о времени крещенія Ольги и приготовивши источники, указанные въ

---

[1]) Сочиненіе студента *Евфима Андр. Остромысленскаго* было напечатано въ типографіи Кіево-Печерской лавры и вышло съ свѣтъ отдѣльной брошюрой 29 апрѣля 1830 г. подъ такимъ заглавіемъ: „О древнѣйшей кіевской церкви св. Иліи".—„Руководимый ученѣйшимъ архипастыремъ, авторъ превосходно раскрылъ и объяснилъ этотъ темный пунктъ нашей древнѣйшей лѣтописи". Смотри *В. И. Аскоченскаго*: „Исторія Кіевской Академіи"—стр. 118-я.—Л. М.

[2]) Сочиненіе студента *Козьмы Ѳедор. Спасскаго* было напечатано во 2-мъ томѣ „Опытовъ упражненій воспитанниковъ Кіевской д. академіи пятаго учебнаго курса"—(Кіевъ, 1832 г.)—подъ заглавіемъ: „Объ обращеніи великаго князя Владиміра въ христіанскую вѣру и о насажденіи оной въ Россіи".—Л. М.

программѣ самимъ митрополитомъ Евгеніемъ, я взялся за рѣшеніе, но не объявилъ о томъ начальству. Подобно Амфитеатрову, я раздвинулъ предметъ широко, стараясь доказать, что на Руси было много христіанъ и не одна церковь, стоявшая въ Кіевѣ у Боричева Взвоза—въ концѣ Пасынчи Бесѣды, что мы давно были въ сношеніяхъ съ Константинополемъ, Болгаріею и Богеміею, съ христіанами Крыма; но выходило у меня, что Ольга не имѣла нужды ѣхать въ Царь-Градъ за крещеніемъ. Жаль было разстаться съ работою; но я придумалъ способъ склонить трактатъ къ тому, что Ольга крестилась въ Константинополѣ, хотя уже имѣла своего священника и открытую церковь въ Кіевѣ. На другой годъ пребыванія моего въ академіи, зимою, кажется на святкахъ, митрополитъ посѣщаетъ столовую студенческую и здѣсь спросилъ: „а кто еще пишетъ задачи на Румянцевскую премію?“ Надобно замѣтить, что сочиненіе Остромысленскаго уже печаталось.—„Я пишу о времени крещенія Ольги“,—отозвался я.—„А читалъ ли указанные источники?“—Читалъ, кромѣ *Григорія Амартолоса*; его нѣтъ въ библіотекѣ.—„Ну, безъ него обойдешься; онъ также кратко упоминаетъ объ Ольгѣ, какъ Кедринъ, Зонара и Куропалатъ“.—Начальники насмѣшливо смотрѣли на меня. „Не изъ тучи громъ“,—думали они...

При переходѣ изъ младшаго отдѣленія академіи въ старшее былъ экзаменъ въ конгрегаціонной залѣ. Спрашивали по предмету исторіи. Мнѣ достался вопросъ о царствованіи Анны Іоанновны. Граниковъ прошелъ только до Екатерины I, а въ программѣ показалъ, что пройдено до Отечественной войны включительно. Но мнѣ какъ разъ передъ этимъ пришлось прочитать, не помню гдѣ, о царствованіи Анны, кажется у Щербатова. Я началъ говорить нѣсколько подробно. На словѣ, что ограниченіе самодержавной власти сдѣлано помимо духовенства, митрополитъ Евгеній прервалъ меня, начавъ говорить такія подробности, какія извѣстны были ему только изъ рукописей. Ректоръ сталъ объяснять митрополиту, что 18-й вѣкъ и начало 19-го не повторено воспитанниками.—„А эти вѣка нужнѣе, чѣмъ древніе“, сказалъ митрополитъ Евгеній.—Взглянувъ на послѣднюю статью программы, онъ продолжалъ: „Вотъ Отечественная Война,—они ее не помнятъ, а какъ надобно бы знать! Ну, что вы можете сказать объ этомъ великомъ событіи?“, обратился онъ ко мнѣ.—Я пріосанился и началъ разсказывать что недавно читалъ въ журналѣ Глинки, или Качановскаго.—Митрополитъ сказалъ: „хорошо, хорошо, что любите исторію“.—Тогда и Граниковъ согласился поставить меня четвертымъ во 2-мъ разрядѣ.

Другіе предметы я проходилъ безъ любви и охоты. Только исторія философіи занимала меня. Руководство *Брукнера* тѣмъ хорошо, что въ немъ главнѣйшія мнѣнія философовъ приводятся ихъ собственными словами, только на латинскомъ языкѣ; жаль только, что руководство кончается Лейбницемъ и не касается новѣйшей философіи. Впрочемъ протоіерей *Скворцовъ* знакомилъ насъ съ Кантомъ, но на столько, на сколько нужно было, чтобъ показать относительность нашихъ познаній къ нашимъ чувствамъ и нашему уму и существованіе истинъ, не доступныхъ уму и составляющихъ предметъ вѣры. Одна лекція посвящена была *антиноміямъ* Канта. Четвертый курсъ [1]) особенно занимался философіею; ходили межъ студентами въ переводѣ и въ рукописи Фихте, Шелингъ, Оконъ. Но Гегель не былъ извѣстенъ. Проводникомъ новѣйшей философіи или піонеромъ ея въ академіи былъ студентъ *Окопенко*—изъ екатеринославской д. семинаріи. Я уже не засталъ его. Онъ до того увлекся *Велланскимъ*, что уволился изъ академіи и поступилъ въ медико-хирургическую академію [2]). Оказалось, что Велланскій проводилъ свое философское воззрѣніе только на домашнихъ своихъ лекціяхъ, а въ классѣ онъ былъ обыкновеннымъ физіологомъ. Чтобы слушать домашнія лекціи этого Гегеліанца (?), которые иногда замѣняла и жена его, какъ писалъ Окопенко,—надобно было платить ему. Для чего Окопенко долженъ былъ давать уроки на сторонѣ и заработокъ свой относить Велланскому. И надобно было при этомъ изучать реальные предметы по медицинѣ. Бѣдняга впалъ въ чахотку и померъ. Его карьера отрезвила Остромысленскаго, но не меня...

Преподавалась эстетика; выдавались профессоромъ *Крышинскимъ* листики; списывались, заучивались; но я не могу припомнить теперь, въ чемъ состояла эта наука. Въ ней говорилось о высокомъ и прекрасномъ, равно какъ и о противоположныхъ имъ—низкомъ, пошломъ, безобразномъ въ пластикѣ и словѣ.

---

[1]) То есть—студенты принятые въ академію въ 1825 г. и составлявшіе тогда *старшее отдѣленіе* студенчества; а Соколовъ (авторъ *записокъ* сихъ) былъ въ *младшемъ* или низшемъ отдѣленіи.—Л. М.

[2]) *Данило Михайловичъ Велланскій*—родился въ г. *Борзнѣ*, черниговск. г., и до поступленія въ Кіевскую академію носилъ фамилію *Кавунникъ*.—Поступилъ въ медико-хирургическую академію въ 1806 г. и сдѣлался знаменитымъ ея профессоромъ. Онъ былъ ученикомъ Шеллинга и особенно увлекся его *натурфилософіею* —Самъ онъ увлекалъ своихъ слушателей до экстаза. См. „Русскую Старину" янв. 1901 г.: „Русскій философъ Д. М. Велланскій". Ст. акад. *К. С. Веселовскаго*.—Л. М.

Приводились и образцы въ родѣ: „Рече и бысть“ и немногія строфы изъ оды *Богъ*. Разъ профессоръ потребовалъ отъ насъ даже опыта въ стихахъ. Я написалъ: „*Апостолъ Андрей на горахъ Кіевскихъ*“, сохранившійся у меня доселѣ. Какъ первый опытъ, очень удаченъ; но Крышинскій поставилъ вмѣсто 1, которая считалась тогда высшею отмѣткою, только 2. Странная была тогда метода. Учили прекрасному въ словѣ, требовали изящной одежды для облаченія мыслей и чувствованій, а запрещали читать Пушкина, по крайней мѣрѣ—игнорировали его. Не знаю, дороги ли тогда были сочиненія Пушкина, что я ни одного не видѣлъ въ академической библіотекѣ. А вѣдь это было въ 1828 и 1829 годахъ. Кажется, тогда сочиненія Пушкина помѣщались большею частію въ журналахъ. Но академія не получала журналовъ [1]). И изъ духовныхъ журналовъ тогда издавалось только *Христіанское Чтеніе*.—Впрочемъ нѣкоторыя сочиненія Пушкина и романы *Загоскина* прокрадывались сквозь стѣны академіи, и я помню, съ какимъ наслажденіемъ въ кружкѣ читали подобныя сочиненія. Чтецомъ былъ всегда *Димитрій Самсоновичъ Любицкій*, который на долго оставилъ память о себѣ тѣмъ, что въ столовой на столѣ вырѣзывалъ полными словами свое имя, отчество и фамилію; но кто-то вырѣзалъ подъ ними: *Nomina stultorum ubique jacent*—т. е. имена дураковъ вездѣ лежатъ [2]).

Кромѣ философіи, исторіи, эстетики, еще читались въ младшемъ отдѣленіи греческій, французскій и нѣмецкій языки. Не помню, кто былъ лекторомъ французскаго и нѣмецкаго языка. Но на греческій приходилъ *Колоколовъ*. Это былъ худой, сугорбенный человѣкъ, смотрѣвшій внизъ и всегда одною рукою закрывавшій лицо. Видъ его возбуждалъ состраданіе и смѣхъ. Не помню, что онъ переводилъ съ нами съ греческаго. Черезъ годъ онъ померъ [3]).

---

[1]) Въ тогдашней (*до-Иннокентіевской*) Кіевской академіи господствовало отчужденіе отъ современной ей науки и литературы. Когда Иннокентій сдѣлался ректоромъ (съ 1830 г.), тогда, излагая нужды кіевской академіи предъ тогдашнимъ оберъ-прокуроромъ св. Синода С. Д. Нечаевымъ, онъ писалъ ему между прочимъ такъ: „...Нить современной литературы давно выпущена (если только была когда либо) изъ ~~рукъ~~ нашихъ, и ~~мы потому~~ самому обращаемся въ давно-прошедшемъ времени и нерѣдко принуждены трудиться надъ тѣмъ, что, можетъ быть, сдѣлано уже нѣсколько разъ, и притомъ лучше“...—„Старина и Новизна“—IX, 214.—Л. М.

[2]) *Дим. Сампсон. Любицкій*, товарищъ автора, былъ изъ харьковскаго коллегіума.—Л. М.

[3]) *Алексѣй Дмитр. Колоколовъ*—магистръ с.-петербургской д. академіи—выпуска 1819 года—сначала былъ профессоромъ кіевской семинаріи, а въ концѣ 1825 г. перешелъ въ академію. Скончался 29 іюня 1829 года.—Л. М.

Каждый мѣсяцъ требовалось отъ студента *два разсужденія*: одно—на русскомъ языкѣ, другое—на латинскомъ. Я подавалъ ихъ неупустительно. Но что это были за разсужденія? Онѣ отнимали только время для чтенія книгъ. Эти задачи, эти частые экзамены мѣшали свободѣ занятій. Было не ученіе, не образованіе, а погоня за отмѣтками, за разрядомъ и номеромъ въ спискѣ, за ученою степенью,—утомительная погоня, продолжавшаяся цѣлыхъ 4 года...

Прошли два года. Перевалилъ я въ старшее отдѣленіе. Голова осталась такою же пустою, какъ и была, только въ ней развивался больше и больше *критицизмъ*, а съ нимъ—страшное колебаніе вѣры. Я уже не готовился къ духовному званію. Цѣлію воспитанія я поставилъ себѣ быть *адъюктомъ университета*. Насъ было четверо такихъ отшепенцевъ: *я, Спасскій, Максимовичъ* и *Успенскій* изъ Курчанъ. Съ Успенскимъ я раздѣлялъ занятія по философіи; съ Максимовичемъ—изученіе мѣстной археологіи, съ Спасскимъ—занятія исторіею [1]). Кіевъ посѣтилъ докторъ *Пелехинъ* [2]). Спасскій сталъ кашлять кровію. Онъ обратился къ Пелехину; его сопровождалъ Успенскій. Пелехинъ, выслушивая грудь, не нашелъ въ ней ничего подозрительнаго. Успенскій, человѣкъ совершенно здоровый, съ голосомъ звонкимъ и съ выдавшеюся впередъ грудью, просилъ медика посмотрѣть и его грудь. Не долго Пелехинъ держалъ трубку при груди Успенскаго, какъ спросилъ его: можетъ ли онъ совсѣмъ оставить академію и поѣхать домой? Успенскій отвѣчалъ: нѣтъ. Докторъ сталъ совѣтовать ему поѣхать домой хоть на одно лѣто—для поправленія здоровья. Успенскій, ссылаясь на Спасскаго, увѣрялъ Пелехина, что онъ совершенно здоровъ, что приглашенъ только сопровождать больного.—Это было весною. Успенскій не оставилъ академіи въ ожиданіи каникулъ,—какъ чрезъ недѣлю вдругъ полилась у него изъ горла кровь. Пошелъ въ больницу. *Бунге*,

---

[1]) На поляхъ сдѣлана позже авторомъ такая прибавка: „Максимовичъ и Спасскій впрочемъ не были отщепенцами, а только не расположены были быть священниками".—Л. М.

[2]) *Петръ Петр. Пелехинъ*—воспитанникъ старой кіевской академіи и затѣмъ наставникъ ея. Послѣ преобразованій кіевской академіи въ 1819 г., Пелехинъ поступилъ въ число студентовъ с.-петерб. медико-хирургической академіи, блистательно окончилъ въ ней курсъ, оставленъ въ ней профессоромъ и сдѣлался *медицинскою знаменитостію*.—Въ 50-хъ годахъ XIX в. онъ перешелъ на жительство въ Кіевъ и состоялъ штатнымъ врачемъ при кіевской академіи и семинаріи.—Въ 1857 г. мы еще застали его въ Кіевѣ—глубокимъ старцемъ.—Л. М.

академическій лекарь [1]), нашелъ у него чахотку. Кровохарканіе продолжалось; больной сталъ слабѣть—и въ двѣ недѣли его не стало. Умирая онъ не произносилъ имени Христа, а только взывалъ: *Отецъ мой, Отецъ Небесный!* Причащаться не хотѣлъ; его однако причастили, когда онъ былъ въ жару и бреду.—Съ нимъ вмѣстѣ лежалъ больнымъ и землякъ мой *Переверзевъ*, съ коимъ я вмѣстѣ ѣхалъ первый разъ въ академію,—тоже въ чахоткѣ, приключившейся отъ напряженія голоса въ пѣніи. Но онъ умеръ съ совершеннымъ спокойствіемъ духа; даже самъ распорядился своимъ погребеніемъ: назначилъ, какой сюртукъ надѣть на него.—За погребеніемъ Переверзева заболѣлъ горломъ и кашлемъ красавецъ *Климовичъ*—изъ кіевской семинаріи, со-номерантъ мой; онъ тоже надорвалъ горло и грудь пѣніемъ. Онъ старался пѣть басомъ, тогда какъ у него такого голоса не было.

Смерть этихъ трехъ товарищей моихъ сильно подѣйствовала на меня. Я тогда старался быть христіаниномъ,—но *критицизмъ* одолѣвалъ меня, и я долго оставался съ колеблющеюся вѣрою. Надежда утвердиться въ истинахъ вѣры не оставила меня—и я ожидалъ этого отъ предстоявшихъ богословскихъ занятій въ старшемъ отдѣленіи.

Когда я поступилъ въ академію, въ семинаріи орловской оставался ректоромъ Гавріилъ Косой и инспекторомъ іеромонахъ магистръ, человѣкъ лѣтъ 25, небольшого росту, съ малою бородкою и прекрасною наружностью. Не знаю, за что епископъ Гавріилъ напалъ на обоихъ этихъ начальниковъ и скоро лишилъ ихъ должности. Ректоръ успѣлъ скоро найти должность, кажется, при Казанскомъ университетѣ: тамъ читалъ онъ исторію философскихъ системъ и издалъ ее на русскомъ языкѣ. Это, кажется, первое философское сочиненіе, появившееся у насъ на русскомъ языкѣ. Мѣсто ректора въ Орловской семинаріи занялъ или *Арсеній*, недавно умершій кіевскимъ митрополитомъ, или *Исидоръ*, теперешній митрополитъ петербурскій [2]). Новый ректоръ, по настоянію архіерея, такъ налегъ на семинарію, что многихъ учениковъ въ высшемъ отдѣленіи вогналъ во гробъ. Не знаю, кто поступилъ на мѣсто инспектора, но бывшій инспекторъ очутился въ Кіевѣ—

[1]) Отецъ бывшаго ректора кіевскаго университета и затѣмъ министра финансовъ *Николая Христіановича Бунге*.—Л. М.

[2]) Ректоромъ Орловской д. семинаріи, послѣ *Гавріила Воскресенскаго*, былъ сначала *Арсеній Москвинъ*, именно съ 1827 по 1829 г., а потомъ *Исидоръ Никольскій*—съ 1829 по 1833 г.—Л. М.

въ Михайловскомъ монастырѣ простымъ монахомъ. Вотъ въ этомъ-то человѣкѣ я нашелъ философа съ христіанскимъ направленіемъ, и, похоронивши товарищей, я съ Спасскимъ частенько ходилъ къ нему для собесѣдованія. Онъ помѣшанъ былъ на Эккартсгаузенѣ и явленіяхъ магнетическихъ ясновидѣній. Онъ снабжалъ меня книгами, подобными книгѣ Эккартсгаузена.

Настали каникулы. Я нашелъ случай поѣхать домой и поѣздка обошлась не дорого. Въ домѣ нашемъ всѣ были живы и здоровы. Только дядя *Никаноръ* взятъ былъ въ солдаты и отъ жестокаго обращенія съ нимъ учившихъ унтеръ-офицеровъ заболѣлъ и умеръ. И зять Иванъ Николаевичъ потребованъ былъ для разбора. Сестра Катя убивалась. Но Слава Богу—на третій день моего пріѣзда зять возвратился благополучно. Объ этомъ писано мною въ жизни отца.

Въ эти каникулы я былъ въ Мценскѣ. Машенекъ уже не было въ городѣ, повышли замужъ: двоюродная—за священника села Горохова, а троюродная—*Оболенская*—за урода и пьяницу, учителя Орловскаго духовнаго училища[1]).—Степанъ Ѳедоровичъ и тетка Поля приняли меня радушно. Саша ихъ расцвѣтала и становилась невѣстою; Дуню готовили въ монастырь, такъ какъ она потеряла одинъ глазъ, выколовъ его вилкою, когда отнимала ее у брата. Степанъ Ѳедоровичъ былъ уже священникомъ кладбищенской церкви. Сынъ его Степанъ, окончивъ курсъ, получилъ въ какомъ-то селѣ священническое мѣсто. Все это дѣлалось чрезъ старшаго сына его Петра, моего товарища по семинаріи. Служа при архіерейскомъ домѣ смотрителемъ надъ пѣвчими, Петръ не только помогалъ отцу и брату получить священническія мѣста, но и себѣ выпросилъ у архіерея Гавріила мѣсто въ г. Мценскѣ при Пятницкой церкви, стоящей на Торговой площади и считающейся богатою. Онъ искалъ невѣсты. Во Мценскѣ много было красавицъ и достаточныхъ; но тогда требовалось, чтобы духовные брали у духовныхъ. Была одна невѣста у священника Мценской Георгіевской церкви; но она была засватана за товарища моего по семинаріи *Тихвинскаго*—и назначена была свадьба на другой день моего пріѣзда. Отцу хвалили невѣсту въ Болховѣ—у тамошняго протоіерея. Чего-же долго думать,—ѣхать туда.

---

1) Эту *Оболенскую*, въ которую авторъ былъ влюбленъ, онъ называлъ выше *Сашей*. А теперь ее и дочь о. Стефана Троицкаго онъ называетъ уже *Машеньками*.—Л. М.

Пока наняли тройку, я на другой день успѣлъ побывать на свадьбѣ Тихвинскаго. Когда я подходилъ къ дому Георгіевскаго священника,—изъ церкви вели повѣнчанныхъ съ процессіею. Впереди шелъ вѣнчавшій священникъ съ крестомъ и дьяконъ въ облаченіи, за ними—женихъ и невѣста, а за послѣдними—свахи и дружки, сопровождаемые народомъ. Когда обрядъ встрѣчи въ домѣ окончился, я вошелъ въ домъ, отрекомендовался... Женихъ бросился въ мои объятія, и пока накрывали свадебный столъ, Тихвинскій, взявъ меня и невѣсту, вышелъ въ садикъ, Тутъ пошли у насъ объясненія. Я завидовалъ его счастію, а онъ—моей участи. Я приглашенъ былъ къ обѣду. Послѣ обѣда началось пѣніе свадебныхъ, пѣсень: „Груша—яблоня садовая, кора золотая“ и другихъ. Меня оставляли на вечеръ; но мнѣ нельзя было изъ-за поѣздки въ Болховъ. Подвода была готова. Утромъ я и братъ Петръ Троицкій отправились въ Горохово, которое лежало на полдорогѣ къ Болхову, чтобы взять сестру Машу и мужа ея—священника. Въ полдень мы были уже въ с. Гороховѣ. Сестра съ изумленіемъ и радостію встрѣтила насъ. На утро блины и выѣздъ. Священникъ почему-то не могъ отлучиться изъ дома. Дорога была веселая. Машенька немного измѣнилась, но за то свободнымъ обращеніемъ такъ обворожила меня, что я зацѣловалъ бы ее, еслибы не было съ нами брата. Братъ Петруша, оказалось, былъ не совсѣмъ здоровъ: лицо его было затянутое, глаза тусклые, и смѣялся онъ сонною улыбкой. Прибывъ въ обѣдъ въ городъ и остановясь на постояломъ дворѣ, мы запискою просили позволенія протоіерея быть у него. Послѣдовало тотчасъ приглашеніе на чай въ 4 часа. Мы не заставили себя ждать. Протоіерей и жена его приняли насъ ласково. Я отрекомендовался студентомъ академіи, братъ—студентомъ семинаріи, имѣющимъ поступить въ Пятницкую церковь, а наивная сестра—прямо свахою брата своего. Спустя четверть часа вышла невѣста, на головѣ жемчужное ребретто (sic.), въ фисеровой рубашкѣ, золотой душегрѣйкѣ и парчевой юпкѣ, въ башмачкахъ шитыхъ золотомъ, лицомъ бѣлая, волосами не бѣлокурая, а русая. Она поклонилась и, принявъ подносъ съ чаемъ у служанки, поднесла сперва сестрѣ, потомъ мнѣ; но я отклонилъ отъ себя, показавъ ей жениха. Принявъ чашку, женихъ, по требованію обычая, спросилъ дохлымъ и трепещущимъ голосомъ: „какъ ваше имя и отечество“?—Невѣста отвѣтила голосомъ звучнымъ и пріятнымъ.—„Сколько вамъ лѣтъ“?—опять спросилъ женихъ.—16—отвѣчала невѣста. Только и позволялось жениху говорить; онъ долженъ

былъ только узнать: не глуха ли, и не нѣма ли невѣста.—Выпивъ по чашкѣ, мы должны были выйти въ другую комнату и спросить жениха: нравится ли ему невѣста? Такъ и сдѣлано. Петръ отвѣчалъ: *хороша*. Послѣ этого должны были войти и брать по другой чашкѣ уже отъ прислуги; невѣста не должна была выходить. На постояломъ дворѣ мы условились, чтобы я спросилъ родителей о согласіи ихъ выдать дочь за Петра Степаныча; а Степанъ Ѳедоровичъ просилъ, чтобы я даже торговался за приданое, начавъ 1000 до 500. Но вышло такъ, что сестра все приняла на себя. Взявъ другую чашку, она говорила: „Ваша прекрасная дочь очень нравится моему брату; согласны ли будете осчастливить его NN—овною?“[1])—„Мы не прочь отъ добрыхъ людей; но она молода,—жаль выдавать ее такъ рано“,—сказали родители въ одинъ голосъ, а мать при этомъ заплакала.—Сестра продолжала: „Какъ ни молода ваша дочь, но вы, конечно, приготовили ей приданое“.—Мать начала пересчитывать бѣлье и одежду, жемчужныя украшенія,—сестра прервала ее на какомъ-то словѣ: „Кромѣ одежды нужно и обзаведеніе; а нынѣ хорошій домъ купить въ Мценскѣ—надобно по крайней мѣрѣ 1000 р.; вы, конечно, не пожалѣете наградить ее хоть 1000-ю“.—Тогда протоіерей, возвышая голосъ, говоритъ: „Гдѣ нынѣ 1000-у взять? Да кто нынѣ имѣетъ ее, кромѣ большихъ помѣщиковъ? Въ пору намъ собраться хоть бы съ 2 сотнями“.—Началась торговля. Сестра мало по малу спустилась на 500, какъ совѣтовалъ Степанъ Ѳедоровичъ, а протоіерей поднялся на 300 р.—Кончили тѣмъ, что мы признались, что такого важнаго вопроса мы не осмѣливаемся рѣшить сами. Обѣщали скорый пріѣздъ родителей и рукобитье, прибавляя: „а до того времени пусть дѣло останется между нами“. Съ тѣмъ и распрощались.

По возвращеніи въ Мценскъ, мы услышали отъ Степана Федоровича, что есть у деревенскаго священника невѣста съ приданымъ въ 1000 р. и что онъ рѣшился самъ ѣхать. Я отправился домой въ Спасское.

Въ эту поѣздку во Мценскѣ мнѣ разсказано было и дядею и теткою, какимъ образомъ *рѣзная статуя* Николая угодника оставлена въ Мценскомъ Соборѣ, тогда какъ во всей Россіи такія изображенія отобраны и скрыты. Такъ, въ г. Сѣвскѣ, близъ Архангельской мельницы, надъ ручьемъ въ капличкѣ, стояла статуя Бо-

---

[1]) То есть, она назвала имя и отчество невѣсты.—Л. М.

жіей Матери въ одеждѣ еще въ 1816 и въ 1817 гг., а когда въ 1820 г. я опять поступилъ въ Сѣвскъ, этой статуи уже не было.

Около 1818 г. послѣдовалъ указъ Св. Синода отобрать вездѣ статуйныя иконы. Пріѣхалъ отъ архіерея протоіерей съ чиновникомъ во Мценскъ взять рѣзной образъ святителя Николая. Граждане не дали. Городничаго не послушали. Губернаторъ прислалъ особаго чиновника уговорить гражданъ; но и этого чиновника не послушали. Поѣхала депутація къ губернатору и просила у него дозволенія ходатайствовать у Государя и до той поры повременить исполненіемъ указа, доказывая, что указъ не касается чудотворныхъ иконъ, а мценская икона св. Николая чудотворная. Губернаторъ дозволилъ ходатайствовать установленнымъ порядкомъ, но не иначе, какъ съ представленіемъ неопровержимыхъ доказательствъ чудесъ, совершившихся при этой иконѣ. Такихъ чудесъ не было, а въ преданіи сохранилось, что эта икона найдена въ рѣкѣ *Зушѣ* и поставлена была въ соборѣ. Соборъ два раза горѣлъ, а икона оставалась невредимою, а только чернѣла. Говорили еще, что когда городъ сосредоточивался на горѣ и осаждаемъ былъ Литвою, Николай угодникъ или являлся за городомъ на конѣ и прогонялъ непріятелей своимъ мечемъ, или ослѣплялъ ихъ. Дѣйствительно же икона эта—католическаго устройства. Св. Николай сдѣланъ изъ прочнаго матеріала: въ одной рукѣ у него—мечъ, въ другой—церковь. Явно, что это образъ символическій, означающій то, что святитель защищалъ св. церковь на Вселенскомъ соборѣ. Мѣстность Мценска принадлежала литовскому княжеству. Но когда она была взята Москвитянами и обращена въ пограничную крѣпость, то икону, какъ папежскую, бросили въ рѣку Зушу. Это, положимъ, было при Іоаннѣ III. Спустя сто лѣтъ, крѣпость стала считаться искони русскою, и когда въ рѣкѣ найдена икона и принята въ церковь, ее уже считали православною. Подобныхъ изображеній святителя Николая много въ западныхъ губерніяхъ. Какъ бы то ни было, чудеса были собраны, прошеніе Государю приготовлено; депутація избрана. Главный депутатъ, кажется, *Баборыкинъ*, въ день молебствія на путь, устроилъ у себѣ обѣдъ духовенству и почетнымъ гражданамъ, а на дворѣ и на улицѣ—нищей братіи. Кибитка была на готовѣ. По окончаніи обѣда, купецъ сталъ прощаться съ семействомъ. Во время прощанія хватились двухлѣтняго сына,—его нѣтъ. Къ нянькѣ—нянька отвѣчала незнаніемъ. Пало подозрѣніе, не украденъ ли нищими. Пошла суматоха. Городничій оцѣпилъ нищихъ и городъ. Одна изъ ни-

щихъ вспомнила, что ребенокъ былъ на рукахъ няни, что она оправляла рубашку на ребенкѣ, поставивъ его на срубъ колодезя: не уронила ли его въ колодезь? Колодезь не глубокій, но воды въ немъ всегда на аршинъ. Спустились по бадьѣ въ колодезь,—ребенокъ тамъ, вынули мертвымъ, но качнули два раза,—и онъ ожилъ. Отъѣздъ отложенъ до слѣдующаго утра. Ребенокъ трясся отъ холода и просилъ ѣсть. Тогда все духовенство сказало: „на что намъ другія чудеса? Вотъ чудо св. Николая!“ Начался благодарственный молебенъ. Городничій составилъ актъ и за подписью всѣхъ свидѣтелей чуда вручилъ депутатамъ.

Чрезъ нѣсколько недѣль депутація достигла Петербурга. Тамъ только узнали, что государь—за границею, и неизвѣстно, когда возвратится. Что дѣлать? ходили по вельможамъ. Одинъ изъ нихъ, добрый человѣкъ, посовѣтовалъ депутаціи обратиться къ великому князю Николаю Павловичу, увѣряя, что князь часто пишетъ къ государю и много добра дѣлаетъ. Депутаты на другой же день отправились слишкомъ рано къ Николаю. Служитель замѣтилъ имъ, что пришли очень рано, что имъ придется долго ожидать пріема великаго князя, и, чтобы не стояли на дворѣ, позволилъ имъ ожидать въ залѣ. Чрезъ залъ разновременно прошло нѣсколько военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ и каждый изъ нихъ просилъ депутатовъ сидѣть. Но вотъ проходитъ черезъ залъ человѣкъ высокаго роста, худощавый, въ поношенномъ военномъ сюртукѣ. Депутаты и ему привстали, но тотчасъ сѣли. Чиновникъ подходитъ къ нимъ и, садясь на стулъ, спрашиваетъ: „вы къ князю? о чемъ намѣрены просить его?“—„За великаго угодника Николая чудотворца,—берутъ его отъ насъ; а вотъ чудеса его“, показывая тетрадку и актъ. Чиновникъ прочелъ только актъ и просьбу—и долго разспрашивалъ, какъ отбиралась начальствомъ и какъ защищалась икона гражданами, наконецъ сказалъ: „дайте, братцы, мнѣ эти бумаги,—я представлю ихъ великому князю; онъ на досугѣ прочтетъ, а то вамъ прійдется и долго ожидать, и просить его вмѣстѣ съ другими,—тогда некогда будетъ князю поговорить съ вами и прочесть бумаги“.—„Нѣтъ уже, господинъ, бумагъ тебѣ не дадимъ, а подадимъ ихъ самому князю“,—отвѣчали депутаты.—„Да долго ждать!“—замѣтилъ чиновникъ.—„Мы небольшіе господа, подождемъ“.—Чиновникъ удалился въ другія комнаты. Началъ собираться въ залу народъ. Къ 11-ти часамъ набралось много просителей. Вдругъ изъ другой комнаты отворяются двери. „Великій Князь! Великій Князь!“—зашептали всѣ. Мценскіе купцы

какъ глянулн, такъ душа въ нихъ замерла. Это они съ княземъ калякали и не дали ему бумагъ. Князь былъ въ мундирѣ, вытянулся и, кланяясь просителямъ, звучнымъ голосомъ позвалъ къ себѣ мценскихъ депутатовъ. Они приблизились и пали на колѣни. Князь еще звучнѣе крикнулъ: „встать съ колѣней! Это не нужно! Гдѣ ваши бумаги?"—Вскочивъ съ колѣней, депутаты уже безъ всякаго поклона вручили ему бумаги.—„Дѣло ваше мнѣ извѣстно, отправляйтесь съ Богомъ домой, кланяйтесь вашимъ согражданамъ и скажите, что св. икона останется въ соборѣ".—Одинъ изъ депутатовъ заикнулся было о губернаторѣ, но великій князь прервалъ его, сказавъ: „и губернатору, и архіерею теперь же объ этомъ дано будетъ знать".—И дѣйствительно, депутаты застали городъ свой въ ликованіи: и губернаторъ, и архіерей объявили городу и духовенству о монаршей милости. Одни говорили, что губернатору далъ знать прокуроръ сената, а архіерею—прокуроръ синода. Другіе же утверждали: будто курьеръ привезъ именной Высочайшій указъ за подписомъ Александра, и будто государь оставилъ великому князю бланки.

По возвращеніи изъ города Мценска домой, я услышалъ пріятную новость: епископа Гавріила переводятъ въ Екатеринославъ, и на мѣсто его назначенъ *Никодимъ* [1]). Эту новость привезъ зять мой, возвратившійся изъ Орла священникомъ на мѣсто дѣда—священника села *Сычева*. Какъ онъ нигдѣ не обучался, то опредѣленіе его діакономъ въ село Спасское, стоившее ему 200 рублей, считалось чудомъ. Теперь онъ получилъ священство. Хотя это священство стоило ему 700 рублей, но это не много значило, когда съ священствомъ онъ получалъ домъ дѣда даромъ, а свой продавалъ другому дьякону, поступавшему на его мѣсто.—Чрезъ недѣлю этотъ зять пріѣзжаетъ къ намъ—въ Спасское и разсказываетъ страшную новость. Его тетка, молодая вдова—дьячиха, была коровницею у архіерея Гавріила. Прощаясь съ нею, архіерей наградилъ ее деньгами и надарилъ много вещей. Келейники давно злобились на эту, покровительствуемую архіереемъ, женщину,—и вотъ въ ночь подъ тотъ день, когда архіерей въ послѣдній разъ долженъ былъ служить въ соборѣ и

---

[1]) Епископъ *Гавріилъ Розановъ* перемѣстился въ Екатеринославъ лѣтомъ 1828. На его мѣсто въ Орелъ въ то же лѣто поступилъ епископъ *Никодимъ Быстрицкій*.—Между тѣмъ авторъ *записокъ* пріурочиваетъ описываемое имъ вакаціальное время къ лѣту 1829 г.—Очевидно, въ его старческой памяти перемѣшались событія того и другого лѣта и тѣхъ и другихъ академ. вакацій.—Л. М.

послѣ обѣда выѣхать изъ Орла, эти негодяи втроемъ (два келейника и кучеръ) ворвались въ помѣщеніе женщины, поочередно насиловали ее, а затѣмъ ругали ее, издѣвались надъ нею, сѣкли розгами, густымъ дегтемъ мазали голову и деготнымъ помазкомъ совали въ оба нижніе прохода, между тѣмъ ротъ ея былъ забитъ платкомъ. Наконецъ ограбили ее: взяли деньги и лучшія вещи. Послѣ полуночи женщина пришла въ себя, освободила ротъ отъ платка и выползла вонъ изъ своего помѣщенія. У воротъ она гдѣ-то притаилась, и когда съ звономъ на утреню ворота отворились, она выползла на улицу слободки. Тутъ услышанъ былъ стонъ ея, собрался народъ; но никто не рѣшился взять ее въ домъ, а дали знать полиціи. Полиція свезла несчастную въ больницу. Она была вся распухшая, въ жару и бреду. На первый разъ полиція узнала, кто она, и то, что она, какъ показывали въ архіерейскомъ домѣ, разсчитана была архіереемъ наканунѣ; наканунѣ вышла изъ монастыря и, гдѣ проходила ночь, неизвѣстно. Архіерей послѣ обѣдни поспѣшилъ выѣхать. По обычаю, его проводили за городъ съ помпою. Свѣтскіе его любили. Такъ: отецъ Ермолова даже построилъ себѣ домъ рядомъ съ архіерейскимъ монастыремъ, чтобы постоянно наслаждаться бесѣдою съ Гавріиломъ и ходить въ его домовую церковь [1]). По выѣздѣ архіерея, едва ли полиція производила слѣдствіе; потому что несчастная женщина черезъ недѣлю возвратилась въ деревню къ своимъ роднымъ.—Нерасположенные къ архіерею изъ орловскаго духовенства распускали слухъ, будто коровница, наканунѣ ея страданій, имѣла счетъ и неудовольствіе съ архіереемъ и что негодяи дѣйствовали не безъ воли его. Но это совершенная клевета.. Несчастная, которую спустя недѣлю видѣлъ Поликарпъ, племянникъ ея, а нашъ зять, далека была отъ подобнаго подозрѣнія и отзывалась объ архіереѣ, какъ о благодѣтелѣ своемъ.

---

[1]) „Отецъ Ермолова“—это статскій совѣтникъ *Петръ Ермоловъ*, отецъ знаменитаго богатаго генерала первой четверти XIX вѣка—*Алексѣя Петровича Ермолова*, жившій въ отставкѣ въ г. Орлѣ. Послѣ отъѣзда преосв. Гавріила Розанова изъ Орла,—Петръ Ермоловъ написалъ о немъ статью—съ выраженіемъ благодарныхъ чувствъ къ нему—и помѣстилъ ее въ журналѣ *Отечественныя Записки*, издававшемся тогда *Павломъ Свиньинымъ*. См. этотъ журналъ за 1828 г.—Л. М.

Послѣдніе мои два года въ Кіевской Академіи.

(1829—1831 гг.).

Возвращеніе въ академію съ вакацій.—Мысли при проѣздѣ чрезъ Батуринъ.—Ректоръ *Смарагдъ Крыжановскій*.—Инспекторъ *Нилъ Исаковичъ*.—Профессоры *Іоакимъ Орловъ*, *Аверкій Пушновъ* и баккалавръ *Шокотовъ*.—Печальный случай съ баккалавромъ іером. *Рафаиломъ Шипулинскимъ*.—Молодой баккалавръ *Яковъ К. Амфитеатровъ* и его научные планы.—Тяжесть 2-хъ часовыхъ лекцій для наставниковъ и для студентовъ. — Работа надъ преміальной задачей, данной М. Евгеніемъ.—Работа надъ курсовымъ сочиненіемъ на академич. степень.—Перемѣна начальниковъ: новый ректоръ академіи *Иннокентій Борисовъ* и увлеченіе студентовъ его лекціями по богословію.—Новый инспекторъ *Іеремія Соловьевъ*.—Археологическія экскурсіи по Кіеву и его окрестностямъ въ вакаціи 1830 г.—Посѣщеніе театра.—Академическій обычай угощенія товарищей послѣ произнесенія проповѣди.—Академическій столъ.—Религіозное вольнодумство студентовъ.—Перемѣна темы для курсоваго сочиненія.—Причины неудачи въ полученіи высшей академической степени.—Сочувствіе студентовъ къ подвигамъ русскихъ войскъ во время тогдашнихъ войнъ Россіи на балканск. полуостровѣ, въ Персіи и на Кавказѣ.—Посѣщеніе Кіева Импер. Николаемъ Павловичемъ.—Холера и польскій мятежъ.—Окончаніе академич. курса и послѣднія каникулы въ академіи.

Проведши на родинѣ лѣтнія каникулы, я возвращался въ академію. На пути я съ большимъ вниманіемъ разсматривалъ столицу гетмана Мазепы — *Батуринецъ*. Не смотря на то, что въ недѣлю Православія Иванъ Мазепа проклинался наравнѣ съ Стенькою Разинымъ и Гришкою Отрепьевымъ, я нѣсколько иначе смотрѣлъ на гетмана, измѣнившаго Петру. Я жилъ въ стѣнахъ академіи, молился въ церкви Братскаго монастыря, построенныхъ гетманомъ; въ академической библіотекѣ я читалъ рѣчи студентовъ, которыми они встрѣчали покровителя наукъ. — Въ Батуринѣ мнѣ указывали его дворецъ. — Проѣзжая Нѣжинъ, я остановилъ вниманіе на Лицеѣ больше, чѣмъ прежде. Лицей стоялъ за прудомъ или стоячею рѣкою, опушенною осокою. Мѣстоположеніе—хорошее, но едва-ли здоровое.

Прибылъ въ академію. Ректоръ Кириллъ уже былъ викаріемъ. На его мѣсто поступилъ ректоръ кіевской семинаріи *Смарагдъ*, человѣкъ бездарный, но кичливий, простотою обращенія прикрывавшій монашескую гордость, презиравшій всѣхъ и особенно науку; умѣвшій артистически падать предъ митрополитомъ, а не позволявшій никому итти съ нимъ рядомъ; неопрятный циникъ, не заботившійся о приличіи въ служеніи до того, что никто не могъ угодить ему; онъ толкалъ кого-ни-попало и дер-

галъ діаконовъ за волосы. Преподавая Богословіе, онъ только критиковалъ положенія автора и мнѣнія другихъ: и то не такъ, и тотъ дуракъ, а какъ?, — объ этомъ ни слова. Только ни къ селу, ни къ городу съ самохвальствомъ вспоминалъ о своемъ прохожденіи академическаго курса. „Вѣдь у меня вышло 20 аппробованныхъ задачекъ!", — всегда говорилъ онъ, оканчивая свое самохвальство. [1]).

Инспекторомъ оставался іеромонахъ *Нилъ* (послѣ архіепископъ иркутскій), человѣкъ съ дарованіями, но грубый и деспотъ. Онъ читалъ священное Писаніе и только одни Евангелія. Когда преподаваніе дошло до евангелиста Іоанна и разсматривались замѣчательныя мѣста, — я обратилъ вниманіе на мѣсто, на которое особенно опираются нѣкоторые духоборы. И на первый взглядъ вкушеніе хлѣба, сшедшаго съ небесъ, правильнѣе понимать въ смыслѣ не собственномъ. Самъ Господь сказалъ, что Его глаголы надобно понимать духовно. Не помню, какъ я сказалъ, но Нилъ рѣзко зарычалъ на меня, произнося скрипучимъ въ носъ голосомъ: „только развращенному придетъ въ голову гнилая мысль объ иносказаніи въ словахъ Евангелія, гдѣ говорится такъ прямо и просто." „*Глаголы моі духъ и животъ*",— доказывалъ я, „по крайней мѣрѣ эти слова Спасителя требуютъ изъясненія." — „Для вѣрующаго все ясно, а для развращеннаго сердца—всюду тьма. Садись!"—Вотъ вамъ и ученіе въ академіи!

Однажды я послѣ обѣда не пошелъ на греческій языкъ, и заперся въ своемъ номерѣ на замокъ. Вдругъ стучитъ Нилъ, „Отвори!", кричитъ онъ. Я отворилъ. — „Почему ты, красная рожа, не въ классѣ? Пошелъ!" — Я повиновался, но объяснялъ, что не совсѣмъ здоровъ. Онъ словно на веревкѣ привелъ меня въ классъ [2]).

---

[1]) Ректоръ *Смарагдъ* (въ мірѣ *Александръ Петровичъ Крыжановскій*) былъ родомъ изъ села *Великой Березянки*, таращанскаго уѣзда, кіевской губ., гдѣ священствовали его отецъ и еще дѣдъ *Михаилъ*.—По окончаніи курса въ старой Кіевской Академіи въ 1815 г.,—Александръ Крыжановскій былъ назначенъ въ. С.-Петербургскую д. Академію, въ которой окончилъ курсъ въ 1819 г. со степенью магистра и принялъ монашество.—Скончался въ санѣ архіепископа рязанскаго 11 ноября 1863 г.—Личность его многими порицается, но многими и восхваляется. Безспорно, она была типична и своеобразна.— Л. М.

[2]). Инспекторъ *Нилъ Исаковичъ*, магистръ С.-Петербургской д. академіи выпуска 1825 г.. передъ службою въ кіевской академіи, былъ инспекторомъ черниговской д.-семинаріи,—и, какъ таковой, фигурируетъ въ воспоминаніяхъ *Іосифа Акимов. Самчевскаго* и въ письмахъ архим. *Іеронима Визерскаго*, помѣщенныхъ въ *Кіевской Старинѣ* 1894 г. и 1904 г.—Л. М.

Изъ прежнихъ профессоровъ священникъ *Іоакимъ Егоровичъ Орловъ* преподавалъ церковную исторію, священникъ *Аверкій Пушновъ* греческій языкъ, а баккалавръ *Шокотовъ* — еврейскій языкъ. — Іоакимъ Егоровичъ теръ Библейскую исторію Филарета почти весь курсъ, а для Церковной исторіи — самой важнѣйшей части предмета, — для которой единственнымъ руководствомъ служило сочиненіе пензенскаго Иннокентія, — оставлялась одна или двѣ трети курса. Онъ всегда ходилъ на лекціи безъ приготовленія и потому ничего не прибавлялъ къ печатнымъ руководствамъ, съ которыми мы были знакомы еще въ семинаріи.— Священникъ Пушновъ, тоже одинъ на приходѣ, грызъ вторую часть Греческой христоматіи и въ цѣлый двухгодичный курсъ прочиталъ только нѣсколько страницъ изъ Климента Александрійскаго. — Еврейскій языкъ ограничивался только Грамматикою *Павскаго*, да нѣсколькими главами изъ Еврейской христоматіи болѣе историческаго содержанія, и потому баккалавръ Шокотовъ (студенты звали его *Шокотко*) хорошо зналъ, что читалъ. Онъ впослѣдствіи былъ архіепископомъ кишиневскимъ.

Я забылъ сказать, какъ молодой монахъ баккалавръ *Рафаилъ Шипулинскій*, первый магистръ III курса или выпуска, *перочиннымъ ножичкомъ* вздумалъ зарѣзаться и не дорѣзался, послѣ того, какъ Шокотка женился и онъ увидѣлъ супружеское счастіе товарища по службѣ. Начальники-монахи, начиная съ инспектора до митрополита, любили завлекать въ монашество даровитыхъ, или красивыхъ студентовъ. Къ первымъ принадлежалъ *Шипулинскій*; да и надѣлалъ же онъ хлопотъ начальникамъ! Однажды великій князь *Михаилъ Павловичъ* былъ въ церкви Братскаго монастыря. Шипулинскій подалъ ему прошеніе.—О чемъ прошеніе?—о томъ, чтобы предоставлено было ему, монаху, снять свой чинъ и возвратиться къ состоянію свободнаго христіанина. Не знаю всѣхъ послѣдствій такого прошенія. Кажется, просителя насильно удержали въ монашествѣ и поступили съ нимъ или какъ съ больнымъ, или какъ съ узникомъ [1])

---

1). Баккалавръ іером. *Рафаилъ* (въ мірѣ *Степанъ Дмитріевичъ Шипулинскій*) первый магистръ 3-го курса кіевской д. академіи, т. е. выпуска 1827 г., былъ родомъ изъ черниговской губерн.—Принятіе монашества послужило для него источникомъ большихъ душевныхъ страданій... Послѣ подачи прошенія вел. князю Михаилу Павловичу о снятіи монашества, онъ былъ признанъ *лишеннымъ ума* и посланъ въ заточеніе въ извѣстную ссылочную для духовенства крѣпость въ *Суздальскій Спасо-Евѳиміевъ Монастырь*, Владимірской Епархіи.—Въ 1836 г., по ходатайству мѣстнаго архіерея-преосв. *Парѳенія Черткова*, добросердечнаго

Къ старымъ преподавателямъ присоединились новые изъ IV курса: *Мелитонъ Переверзевъ*, бывшій *Михаилъ*, и *Яковъ Амфитеатровъ*. Мелитонъ читалъ, кажется, герменевтику, или же одинъ отдѣлъ св. писанія, а Амфитеатровъ церковное собесѣдованіе или краснорѣчіе. Первый не помню какъ читалъ, а послѣдній занимался только разборомъ проповѣдей. Не помню, чтобы онъ давалъ какія записки и чтобы мы что-либо учили по его предмету наизустъ. Да и самъ онъ еще не уяснилъ себѣ тогда даже названія своего предмета. Ему не нравились слова: *церковное краснорѣчіе, церковная словесность, церковное собесѣдованіе*. Въ головѣ его носился идеалъ проповѣди, идеалъ поученія, но въ существовавшихъ тогда печатныхъ *словахъ*, или проповѣдяхъ, онъ не находилъ осуществленія этого идеала. Всѣ *слова* ему не нравились по своей вычурности, *поученія*—по недостатку искренности. Онъ удовлетворялся нѣкоторыми *словами* св. Димитрія Ростовскаго. Но тогда еще не была рѣшена задача, на сколько долженъ быть допускаемъ въ словахъ и поученіяхъ *Славянскій языкъ*. Не нравились ему тогдашніе образцы: *Массильонъ*, по его мнѣнію, *резонеръ; Филаретъ* митрополитъ московскій . . . , но онемъ тогда не смѣли говорить правды. И то была большая смѣлость со стороны преподавателя, что изъ словъ епископа *Гавріила* онъ приводилъ *образцы безсмыслицы* и преднамѣренной темноты, выдававшіеся за выраженіе глубокихъ и великихъ истинъ. Амфитеатровъ тогда требовалъ въ церковныхъ словахъ простоты и приличія, и не допускалъ тѣхъ оборотовъ, которыми выражались благоговѣйный восторгъ, или сокрушеніе сердца. Въ требованіяхъ своихъ относительно формы церковнаго собесѣдованія *словъ, рѣчей* и *поученій* онъ былъ *демократомъ*.

Въ то время каждый урокъ продолжался 2 часа. Ихъ до обѣда было два, и послѣ обѣда—одинъ. И преподавателю нужно было наполнить чѣмъ-нибудь двухчасовой урокъ. Хотя онъ теръ одно и тоже, пересыпая *изъ пустого въ порожнее*, но весь обливался потомъ и съ нетерпѣніемъ ждалъ благодатнаго звонка. А чтобъ ему принесть добрую книгу и читать ее—или самому, или для облегченія своей груди, всегда надорванной, заставляя это дѣлать студентовъ, обладающихъ даромъ чтенія? Правда, на

пастыря, Рафаилъ былъ освобожденъ изъ заключенія, принятъ въ число монашествующихъ архіерейскаго дома, и скоро былъ назначенъ профессоромъ богословскихъ наукъ, а затѣмъ и инспекторомъ Владимірской д. семинаріи.—О дальнѣйшей судьбѣ его мы пока не добыли свѣдѣній. Л. М.

многихъ урокахъ такъ почти и было. Отважные студенты, во время преподаванія, читали, скрывая книги за столомъ. Но этого нельзя было дѣлать на урокахъ Смарагда и Нила. Часы, занимаемые ихъ уроками, считались временемъ погибшимъ по преимуществу.

Не помню, какого автора читали Богословію; но только она была на латинскомъ языкѣ; даже и тексты Св. Писанія цитовались въ ней изъ *Вульгаты*. Вотъ вамъ русская духовная академія!..

Въ первый же годъ старшаго отдѣленія даны были темы сочиненій *на степень*. Не успѣлъ я выбрать себѣ тему, какъ митрополитъ Евгеній потребовалъ археологическихъ задачъ, предложенныхъ имъ годъ назадъ. Я уже говорилъ, какъ я похвастался митрополиту, что принялъ на себя рѣшеніе одной задачи. Вопросъ *о времени крещенія великой княгини Ольги* самъ по себѣ не важный; но, по программѣ митрополита, онъ былъ обставленъ многими другими, обнимавшими чуть-ли не всю исторію Руси до временъ Владиміра. Тутъ были вопросы о *Крымской Руси* (Тмутаракани, Суражѣ), о Юго-Западной Руси (Волынскомъ и Галицкомъ княжествахъ), Казарской (Донской) Руси, о Варягахъ преподобнаго Ѳеодосія или его рукописи, неудобной для печати (?), и о Варяжскихъ пещерахъ. Изслѣдованіе по этимъ вопросамъ привело къ неожиданнымъ догадкамъ и предположеніямъ, которыя и въ настоящее время показались бы слишкомъ смѣлыми. Имп затрогивалась достовѣрность Патерика и Несторовой лѣтописи.—По программѣ митрополита у меня было собрано множество матеріаловъ и сдѣлано множество вѣроятныхъ предположеній, счастливыхъ догадокъ, и все это сведено къ вопросу о крещеніи Ольги. Разсказы со словъ Багрянороднаго, пріемъ княгини въ Цареградскомъ дворцѣ, хожденіе ея по заламъ дворца, представленіе ей русскихъ негоціантовъ, подарки, парадный обѣдъ—съ означеніемъ кто съ кѣмъ сидѣлъ за нимъ; перечислены князья и бояре разныхъ областей и городовъ, бывшіе въ свитѣ княгини. Все это я стачалъ кое-какъ и подчинилъ вопросу о крещеніи Ольги. Сочиненіе вышло обширное... Не знаю, какъ взглянулъ на него митрополитъ, но черезъ мѣсяцъ оно было возвращено мнѣ инспекторомъ Ниломъ для переписки—съ словеснымъ отзывомъ его, что оно сшито изъ разнаго хлама, набито чушью фантастическихъ предположеній и переполнено посторонностями, вовсе не относящимися къ предмету, и что я безъ уваженія относился къ св. лѣтописцу и препод.

Ѳеодосію. Въ отвѣтъ я сослался на Шлецерова *Нестора*. Но крикъ его (инспектора) заставилъ меня молчать.--Возвратившись въ свой номеръ, я съ ужасомъ увидѣлъ, что сдѣлано съ моимъ трудомъ. Все занимательное и все, чѣмъ дорожилъ я, похерено, а въ иныхъ мѣстахъ и переиначено. Изъ большого сочиненія осталась восьмая доля. Переписывая, я рѣшился кой-что помѣстить въ сноскахъ, особенно—о пріемѣ, сдѣланомъ княгинѣ во дворцѣ. Но Нилъ опять замаралъ и требовалъ переписки. Требованіе, конечно, исполнено, но я не подписалъ подъ сочиненіемъ своего имени. Нилъ не замѣтилъ, а сочиненіе, казалось, кануло въ лету. Объ немъ не было помину ни въ теченіе курса, ни по окончаніи мною его. Я занялся сочиненіемъ *на степень*, избравъ темою его *Евангельское Царствіе* [1]).

Для темъ, предлагаемыхъ на степень, не давалось программы и не были указываемы пособія, по крайней мѣрѣ—для темы, избранной мною. Другое дѣло—для темы, предложенной митрополитомъ Евгеніемъ *о Духоборцахъ*... Студенту *Новицкому* [2]), который принялъ эту тему, данъ былъ цѣлый ворохъ рукописей.

И безъ того направленіе критическое развито было во мнѣ въ достаточной степени, а тутъ попались мнѣ изъ библіотеки двѣ книжки: въ одной—проводился взглядъ на исторію человѣчества, какъ на раскрытіе Царствія Божія,—это сочиненіе лютеранское; въ другой—излагались *Евангельскія древности*. Разсуждая о царствіи Божіемъ, о царствіи Небесномъ, какъ преимущественномъ ученіи Іисуса Христа, я нашелъ, что Господь, прежде

---

[1]) Сочиненіе автора *о времени крещенія Ольги* было напечатано уже въ 1832 г.—въ ректорство *Иннокентія*—въ первомъ томѣ сборника подъ заглавіемъ: „Опыты упражненій воспитанниковъ кіевской д. академіи пятаго учебнаго курса". Премія въ 100 р. с. была отослана автору, когда онъ уже былъ на службѣ въ Херсонѣ, о чемъ онъ будетъ говорить ниже--въ своей *автобіографіи*.—Ректоръ Смарагдъ, переведенный на ректорство въ с.-петербургскую д. академію, писалъ оттуда митроп. Евгенію, между прочимъ: „Здѣсь весьма хвалятъ разсужденіе *о времени крещенія Ольги*, котораго впрочемъ я еще не имѣю" (см. „Письма архіеп. Смарагда къ М. Евгенію и архіеписк. Иннокентію" въ „Рязанскихъ Епарх. Вѣдом." 1885 г., сообщ. *Н. И. Барсова*).—Авторъ „исторіи кіевской духовной академіи" (Спб., 1863 г.), *Викт. Ипат. Аскоченскій*, такъ отзывается о сочиненіи Н. И. Соколова: „Вопросъ, слегка затронутый св. Димитріемъ Ростовскимъ, занимавшій Евгенія Булгара, Тунмана", Шлецера, Круга и Геснера, рѣшенъ былъ окончательно, при руководствѣ такого знаменитаго историко-археолога, какимъ былъ митрополитъ Евгеній" (стран. 137-я).—Л. М.

[1]) Студентъ *Орестъ Марковичъ Новицкій*, товарищъ автора,—въ послѣдствіи извѣстный профессоръ философіи въ университетѣ Св. Владиміра.—Л. М.

чѣмъ предложить новое ученіе о своей церкви, старался поправить грубыя и узкія понятія іудеевъ объ ожидаемомъ царствѣ Мессіи, и потому долженъ былъ говорить современнымъ языкомъ, употребляя не только современныя выраженія и метафоры, но и тѣ образы, въ коихъ привыкли Іудеи представлять себѣ ожидаемыя событія въ царствѣ Мессіи. Такимъ образомъ у меня вышло, что многія мѣста Евангелія слѣдовало понимать уже иначе, тогда какъ на нихъ основаны нѣкоторые пункты нашей догматики. Это мое сочиненіе въ свое время послано было въ комиссію духовныхъ училищъ—съ опасеніемъ, но объ этомъ скажу послѣ.

Въ послѣднемъ году моего пребыванія въ академіи послѣдовала перемѣна въ главномъ начальствѣ. Вмѣсто ректора Смарагда поступилъ *Иннокентій Борисовъ*, вмѣсто инспектора Нила—*Іеремія Соловьевъ*. Борисовъ былъ мнѣ извѣстенъ по семинаріи, а прочимъ студентамъ—по *Христіанскому Чтенію*, единственному тогда духовному журналу, гдѣ онъ, будучи инспекторомъ петербургской дух. академіи, помѣщалъ свои проповѣди и свои статьи подъ заглавіемъ: *„Послѣдніе дни жизни Спасителя“*. Это не были тѣ „Послѣдніе дни жизни Спасителя“, которые онъ приготовилъ къ изданію въ Одессѣ—въ послѣдніе дни собственной своей жизни и, сдавши въ типографію, не успѣлъ видѣть ихъ въ печати, а завѣщалъ херсонскому духовному попечительству [1]). И въ этой его послѣдней редакціи мнѣ не нравилось отношеніе автора къ Сыну Божію, какъ лицу политическому. А въ той первоначальной редакціи, какая печаталась въ *Христ. Чтеніи*, Иннокентій позволялъ себѣ слишкомъ большія вольности; но на тогдашнемъ безрыбьи духовной литературы, это сочиненіе Иннокентія, по ясности и живости слога, очень нравилось публикѣ. Старики архіереи покачивали головою, а московскій Филаретъ сильно протестовалъ, но только на словахъ, потому что журналъ издавался подъ покровительствомъ с.-петербургскаго митрополита *Серафима* [2]). Инокентій вообще отличался тогда новыми взгля-

---

[1]) Объ этомъ авторъ подробнѣе говоритъ въ своихъ *запискахъ*—ниже. Л. М.

[2]) Знаменитое сочиненіе Иннокентія „Послѣдніе дни земной жизни Іисуса Христа“ испытало много превратностей.. Тѣ книжки „Христіанскаго Чтенія“, гдѣ оно помѣщалось, были послѣ запрещены. – Въ 40-хъ годахъ, будучи уже архіепископомъ,—Иннокентій хотѣлъ издать отдѣльно это свое сочиненіе, которое въ духовныхъ кругахъ извѣстно было подъ именемъ *Голгофы*. Но духовная цензура воспрепятствовала этому. „Голгофа“,—писалъ Иннокентію одинъ его пріятель изъ С.-Петербурга, протоіерей Кочетовъ,—*для собственной безопасности и для*

дами. Такъ, въ проповѣди на Троицынъ день, длинномъ трактатѣ, который едва ли могъ вынести народъ въ Казанскомъ соборѣ, интересуясь по обычаю больше вечернею и колѣнопреклоненіемъ;—въ этой проповѣди Иннокентій проводилъ мысль, что времена апостольскія были *дѣтскими временами* церкви, что дары языковъ и исцѣленій были низшими дарами Св. Духа, что настоящее состояніе церкви выше и многоплоднѣе — и проч. и проч. [1]).

Когда сталъ читать лекціи послѣ Смарагда Иннокентій, то онъ до того увлекъ насъ, что мы находили его несравненнымъ. Онъ не сновалъ, подобно прочимъ, по классу, а читалъ съ катедры. Онъ былъ молодой архимандритъ, съ прекрасными волосами, почти бѣлокурыми, и недлинною окладистою бородою, съ большими свѣтлыми глазами. Когда онъ говорилъ, лицо его оживлялось. Онъ читалъ намъ *Религіозистику*, т. е. какова должна быть религія и удовлетворяетъ ли требованіямъ идеальной религіи вѣра христіанская. Въ этотъ предметъ входилъ и разборъ другихъ религій. Въ этомъ году Иннокентій мало говорилъ проповѣдей, или, можетъ быть, я забылъ объ этомъ. Осталось только впечатлѣніе, какое произвелъ онъ на меня словомъ предъ Плащаницею, начинавшимся стихомъ: *Да молчитъ всякая плоть человѣча.*—Лекцій онъ не выдавалъ, но ихъ со словъ его списывали и сообщали другимъ; ихъ мы не сдавали на экзаменѣ. А къ послѣднему экзамену онъ заставилъ насъ сдавать богословіе по Филаретову катехизису,—должно быть въ угоду автору; программу этого катихизиса онъ, кажется, представлялъ и въ тогдашнюю комиссію духовныхъ училищъ.

предотвращенія всякихъ недобрыхъ толковъ и перетолковъ, шума, гама и тревогъ, скоро возвратится въ свой кабинетъ" (т. е. будетъ возвращена автору). И только, въ началѣ 50-хъ гг., засѣдая самъ въ св. Синодѣ,—Иннокентій выхлопоталъ разрѣшеніе издать отдѣльно свое сочиненіе, сдѣлавши въ немъ нѣкоторыя исправленія.—Къ сожалѣнію, смерть помѣшала Иннокентію издать уже совсѣмъ приготовленное къ печати сочиненіе это, — и только послѣ смерти автора *Голгофа* явилась на свѣтъ Божій—въ отдѣльномъ изданіи,—въ Одессѣ.—Л. М.

[1]) Объ этой проповѣди Иннокентія вотъ что писалъ къ нему архіепископъ ярославскій *Филаретъ Амфитеатровъ*, впосл. митрополитъ кіевскій: „...слово ваше въ день Сошествія Св. Духа—изъ темы: *„бѣ присно, есть и будетъ"*, требуетъ исправленія. *Нельзя согласиться съ мнѣніемъ, что съ продолженіемъ времени церковь Христова приходитъ въ большее совершенство.* Это значило бы дѣло Божіе смѣшивать съ дѣлами человѣческими"... (См. *„Письма Филарета Амф. къ Иннокентію Борисову"* въ „Трудахъ Кіевской Академіи 1884 г.)—Л. М.

Иннокентій замѣтно рисовался предъ нами, но многіе ли изъ насъ стоили того? Онъ выписывалъ нѣмецкія и французскія книги и давалъ студентамъ переводить отъ листа, платя за листъ съ французскаго по 1 рублю, а съ нѣмецкаго—по 1 р. 50 к.; и мнѣ пришлось заработать рублей пять.

Кто жъ такой былъ новый инспекторъ *Іеремія?* Это *Родивонъ Ивановичъ Соловьевъ*, учитель Сѣвскаго духовнаго училища, товарищъ Борисова по сѣвской семинаріи, высокаго росту, тощій, вспыльчивый, но вмѣстѣ самый добрѣйшій человѣкъ. Его, также какъ и вышеупомянутаго мною Доброхотова, тянулъ въ академію Борисовъ. Но онъ не хотѣлъ и долго оставался учителемъ въ Сѣвскѣ. Съ нимъ случилось то же, что и съ Доброхотовымъ. Тоже ему было отказано епископомъ Гавріиломъ въ мѣстѣ, а тутъ невѣста его вышла за другого. Что-то было похожее на это. Родивонъ Ивановичъ пошелъ въ монастырь,—кажется въ Софоніеву пустынь, черниговской губерн., и не принимая сана іеромонаха, рѣшился навсегда остаться *послушникомъ*. Онъ захотѣлъ подвизаться въ хлѣбнѣ. Услышалъ объ этомъ Иннокентій, тогда уже инспекторъ С.-Петербургской д. академіи, началъ бомбардировать его письмами. Но послушникъ рѣдко отвѣчалъ ему. Однажды онъ изъ одного отвѣта послушника замѣтилъ, что этотъ послѣдній *отказался отъ своей воли*, отдавъ ее духовнику и настоятелю. Послѣдовалъ указъ Св. Синода, возлагавшій на послушника Іеремію, черезъ духовника его, *послушаніе*—слушать богословскія лекціи въ С.-Петербургской д. академіи. Послушникъ повиновался, прибылъ въ С.-Петербургъ и сталъ не опустительно ходить въ классы высшаго отдѣленія академіи. По окончаніи курса, онъ не принялъ ученой степени [1]); но его уговорили принять законоучительство въ кадетскомъ корпусѣ съ принятіемъ сана священника-іеромонаха и этимъ отслужить за свое содержаніе въ Академіи. Среда военно-учебныхъ заведеній такъ подѣйствовала на отшельника, что, когда Иннокентій назначенъ былъ ректоромъ кіевской академіи и просилъ, чтобы дали ему инспекторомъ Іеремію, этотъ не протестовалъ и даже принялъ санъ архимандрита. Не помню, чтобы Іеремія прѣпо-

(2) По этому въ спискѣ воспитанниковъ 7-го курса С.-Петербургской д. Академіи (выпуска 1827 г.) Іеремія поставленъ *самымъ послѣднимъ* подъ № 51-мъ и значится тамъ: *„Іередіаконъ Іеремія Соловьевъ“*.—См. Ил. А. *Чистовича*: „Исторія С.-Петербургской д. Академіи“ (С.-П.-Б., 1857 г.)—стран. 446-я.—Л. М.

давалъ что-либо въ академіи; кажется, онъ былъ только инспекторомъ.

Предъ прибытіемъ Иннокентія и Іереміи я провелъ каникулы 1830 года въ купаньи въ Днѣпрѣ, въ чтеніи книгъ изъ Академической библіотеки, какія относились къ избранной мною курсовой задачѣ, а также и въ экскурсіяхъ археологическихъ. Такъ, съ Максимовичемъ и Спасскимъ я вылазилъ всѣ закоулки Кіево-Софійскаго Собора; къ этому поводомъ послужилъ трактатъ митроп. Евгенія о Софійскомъ соборѣ; ходилъ по Лаврскимъ пещерамъ уже не какъ богомолецъ, а какъ туристъ и археологъ; не разъ подходилъ къ Варяжскимъ пещерамъ и находилъ ихъ закладенными кирпичемъ. Свиньинъ посѣщалъ и эти пещеры, какъ я передъ этимъ прочелъ въ его „Отечественныхъ запискахъ“, и вынесъ оттуда только конскую сбрую. Еще тогда у меня заронилась мысль: всѣ вообще кіевскія пещеры не есть ли работа просвѣщенныхъ народовъ, жившихъ въ Кіевѣ? Тогда я еще не зналъ о катакомбахъ римскихъ и пещерахъ крымскихъ. Ужъ не Иларіонъ же и препод. Ѳеодосій строили такіе искусные ходы и подземные храмы. Это работа инженеровъ.

Въ эти же каникулы инспекторъ Нилъ былъ столько добръ, что разрѣшилъ намъ сдѣлать экскурсію въ Вышгородъ, чтобы видѣть тотъ колодезь, въ которомъ или на половинѣ его, по преданію, сокрыты были мощи Бориса и Глѣба во время нашествія татаръ. Мы видѣли этотъ колодезь и ночевали у священника Вышгородской церкви. Утромъ отправились въ Межигорье, отстоящее отъ Вышгорода на 6 верстъ дальше по Днѣпру. Тамъ видѣли ручей, вытекающій изъ угла двухъ горъ, вода котораго такъ понравилась Екатеринѣ II. Ручьемъ этимъ воспользовались, чтобы сдѣлать на немъ водяную мельницу. Огромнѣйшее колесо, принимая воды малаго ручья на одну сторону свою, отъ тяжести этой воды движется и приводитъ въ движеніе жерновъ. Въ Межигорьи была тогда фаянсовая фабрика. Мы видѣли самый процессъ работы; но, какъ невѣжды въ химіи, не совсѣмъ поняли его. Тамъ была церковь. Священникъ *Левандовскій* радушно принялъ насъ, угостилъ обѣдомъ и вечернимъ чаемъ. Все семейство—отецъ, мать и двѣ дочери—далеко провожали насъ на гору и пѣли при этомъ малорусскія пѣсни, а также нѣкоторыя образцы польскихъ колендныхъ пѣсенъ. Въ памяти у меня остался только голосъ и немногія слова одной изъ послѣднихъ пѣсней: „Іезусови

Христусови, Пану Богу Нашему". [1]) Но все удовольствіе испортилъ увязавшійся съ нами студентъ *Семенъ Иларіоновичъ Липинскій* [2]). Этотъ свинья до того упился, что едва могъ итти,—и мы краснѣли за него.

Всѣ эти каникулы Нилъ былъ такъ добръ, что позволилъ Максимовичу, мнѣ и Спасскому пойти въ театръ. Видно, онъ получилъ извѣстіе о переводѣ его изъ академіи на должность ректора семинаріи. Тогда прибыла въ Кіевъ труппа актеровъ изъ Харькова. Максимовичъ былъ ходатаемъ за насъ; онъ объяснялъ наше желаніе видѣть сценическое представленіе тѣмъ, что никогда мы не были въ театрѣ и что считаемъ для себя нужнымъ имѣть о немъ понятіе. Играли *Богемскихъ разбойниковъ*. Я былъ пораженъ сценою...

Странный обычай былъ въ академіи: студентъ, сказавшій проповѣдь по назначенію, долженъ былъ тотчасъ послѣ обѣдни ставить всему старшему отдѣленію четверть водки; пили изъ плошки или стаканчика отъ иллюминаціи и закусывали хлѣбомъ. Неимѣющій денегъ долженъ былъ продавать казенную рубаху. Я и безъ того продавалъ по одной рубашкѣ въ годъ, потому что отъ отца получалъ не болѣе 5 рубл. сер. въ годъ, а продажную замѣнялъ домашнею. Воспитаннику выдавалось по три рубахи и по три подштанниковъ отличнаго холста, двое сапогъ и одни головки, двое панталонъ—суконные на два года и нанковыя на одинъ годъ, жилетъ изъ бѣлаго тика и чорный шолковый галстукъ тоже на два года, шинель на четыре года; картузъ и

Это была, очевидно, древняя и популярная польская колядка, начинающаяся такъ:

W żłobie leże, —
Kto ż pobieże
Kolędować małemu,
Jezusowi Chrystusowi,
Dziś nam narodzonemu?
Pastuszkowie przybiegajcie.
Jemu wdzięcznie przygrawajcie —
Jako Panu naszemu. —

Въ Юго-Западной Руси, гдѣ малороссы жили и живутъ обокъ съ полякими, нѣкоторыя польскія колядки, наиболѣе старыя и популярныя, извѣстны были и среди малороссовъ, и распѣвались иногда особенно въ семействахъ духовенства.—Въ старинныхъ рукописныхъ сборничкахъ малорусскихъ колядокъ непремѣнно попадаются и польскія колядки.—Л. М.

[2]) Товарищъ автора—изъ курской губерніи.—Л. М.

шляпа—не помню на какое время [1]). Носковъ, перчатокъ и носовыхъ платковъ не полагалось; не помню, были ль полотенцы.—Въ столовой посуда была оловяная, тарелки каменныя, ложки деревянныя.

Пища въ академіи, для меня, не изнѣженнаго по началу, казалась роскошною. Въ скоромные дни—борщъ съ говядиной и каша съ масломъ коровьимъ, или вмѣсто каши жаркое съ подливкою изъ сливъ. Въ праздничные дни—три кушанья: борщъ, соусъ и каша. Хлѣбъ былъ по обычаю ржаной, но всегда хорошей муки и выпеченный; квасъ заварной или спускной. Десерту и салаты, кажется, никогда не было.—Завтракомъ и полудникомъ служилъ ржаной хлѣбъ съ солью. Чаю не знали; но многіе имѣли свой, а я—самоизобрѣтенный 1-й—изъ липоваго цвѣта; 2-й—изъ буковицы и ягодника и 3-й—лѣкарственный, изъ деревея. Я былъ изъ бѣдныхъ: болѣе 5 рубл. не получалъ отъ отца.

Однажды, въ 4 года, на святкахъ, кажется, на Новый годъ, при посѣщеніи столовой митрополитомъ Евгеніемъ, было поставлено на столъ пиво, но въ такихъ же полибенныхъ кувшинахъ, въ какихъ подавали квасъ. Я первый попробовалъ — чувствую: *пиво!* Я тихонько сказалъ сосѣду, и тогда только открыли другимъ, когда въ ближайшемъ кувшинѣ не много осталось. И до сихъ поръ осталось неизвѣстнымъ, кто это распорядился и почему предварительно не было сказано студентамъ.—

Критицизмъ овладѣлъ не однимъ мною, но и многими мыслящими студентами. Мы вѣровали въ догматы христіанской вѣры, но слишкомъ вольно относились къ заповѣдямъ церковнымъ. Вотъ случай, который можетъ характеризовать направленіе, господствовавшее между воздержными и нравственными студентами. На страстной недѣлѣ говѣли; въ четвергъ благоговѣйно причастились. Вечеромъ начались *страсти*, или чтеніе 12 страстныхъ Евангелій. Насталъ Великій Пятокъ. До выноса Плащаницы, студенты, имѣвшіе деньги, заготовляли себѣ на недѣлю Пасхи, что кому нравилось: иной запасался масломъ коровьимъ и ветчиной, другіе чаемъ и сахаромъ и кизляркой для пунша, а иные обзаводились штофиками водки и колбасами. Вотъ послѣ Плащаницы я пошелъ въ 3-й номеръ стараго корпуса такъ, отъ нечего дѣлать. Гляжу—двери на крючкѣ. Я стучу, меня не

---

[1]) Авторъ пропустилъ въ числѣ выдававшейся студентамъ казенной одежи—*сюртуки*.—Въ концѣ курса выдавался форменный *фракъ*.—Л. М.

пускаютъ, спрашивая: кто?—Я отозвался—и меня впустили. Когда я вошелъ къ любимымъ мною полтавцамъ, они пили водку и закусывали колбасой. Я сконфузился и покраснѣлъ. Но меня тотчасъ вывели изъ замѣшательства. Наливъ рюмку, спрашиваютъ: хочешь?—Пожалуй! А хорошая?—Попробуй!—Я выпилъ и хотѣлъ этимъ только отдѣлаться: но мнѣ предложили колбасы. Не принять—было бы обидно для нихъ. Чтожъ? Я принялъ кусокъ небольшой и съѣлъ, говоря,—что „я болѣе люблю ветчину, чѣмъ колбасу; на моей родинѣ рѣдко готовятъ колбасу". Не тутъ-то было.—„А вотъ отрѣжь кусокъ отъ окорока",—говорятъ мнѣ; но я отказался, сказавъ: „слишкомъ жирный!"—Вотъ вамъ и будущіе охранители православія!

Приближался выпускъ. Я подалъ курсовое сочиненіе. Оно было прочитано какимъ-то баккалавромъ. Но инспекторъ замѣтилъ, что его опасно посылать въ Синодъ; въ немъ проведенъ слишкомъ смѣлый взглядъ на происхожденіе Евангельской рѣчи (sic). Объ этомъ извѣстилъ меня баккалавръ Амфитеатровъ. Я спѣшилъ поправить дѣло. Взялъ новую тему: „О формахъ и характерѣ русской церковной проповѣди до Петра I", и у меня написалась исторія древней церковной литературы, тогда еще не существовавшая въ Россіи. Началъ я съ Кирилла Туровскаго, съ Лѣтописей, черезъ Нила Сорскаго перешелъ къ послѣдующимъ іерархамъ и настоятелямъ монастырей. Не упустилъ ничего, что теперь пишутъ объ этомъ предметѣ.—Приближаются конференціи. Я упросилъ студента низшаго отдѣленія—земляка *Якова Ѳедоровича Александрова* переписать приготовленное мною сочиненіе и успѣлъ представить его ректору Иннокентію наканунѣ конференціи. Но это не помогло. Я не удостоенъ даже *старшаго кандидата*, слѣдовательно лишенъ даже права когда-либо имѣть степень магистра. Разсужденіе о Евангельскомъ царствіи ходило въ Синодъ и возвращено мнѣ безъ всякаго признака, что оно кѣмъ-либо было читано. Жаль, что послѣ оно къ несчастью затерялось у *Левицкаго*, теперь протоіерея въ г. Симферополѣ, при лазаретной церкви.—Этой моей неудачѣ со степенью много способствовали три обстоятельства: 1) Въ нашемъ, *пятомъ*, курсѣ было двое родственниковъ профессоровъ,—оба они получили магистра; было два монаха неучившихся [1],—имъ дали старшаго кандидата. 2) Я не могъ не остаться незамѣченнымъ у самого

[1]) *„Неучившихся"* т. е. не особенно усердно изучавшихъ академическія науки, пользуясь привилегіею монастырскаго званія.—Л. М.

Ректора. Однажды до того была худа говядина, что вызвала ропотъ студентовъ. Экономъ объяснялъ это неимѣніемъ лучшей въ мясныхъ лавкахъ. Иннокентій представилъ кому-либо изъ студентовъ выбрать лучшую говядину. Тѣ, которые были поумнѣй, отказались незнаніемъ толку въ этомъ припасѣ. Я не хотѣлъ подличать и сказалъ: „выборъ хорошей говядины—дѣло очень простое". Товарищи подбили меня пойти въ лавки. Я взялъ свѣжую и перваго сорта. Всѣ изумились перемѣнѣ борща и жаркого. Столъ былъ отличный. Послѣ этого и экономъ бралъ вмѣсто третьяго сорта первый. Но опять не надолго. 3] *Яковъ Козьмичъ Амфитеатровъ* не имѣлъ запоя, но весь день пилъ черезъ часъ по малой рюмочкѣ; безъ чего немогъ работать головою. И чтожъ? Черезъ недѣлю или двѣ всегда онъ впадалъ въ тоску. Онъ старался разогнать тоску уже частымъ пріемомъ рюмочки. Вотъ тутъто давали мнѣ знать, и я спѣшилъ къ нему на помощь. Я старался удерживать его,—онъ ругался и метался отъ тоски. Я просилъ служителя на это время скрыться и отпаивалъ Якова Козьмича чаемъ; а настанетъ ночь,—я разваживалъ его по академическому двору. Какъ ни старался скрыть я свои ночныя хожденія съ больнымъ по тротуарамъ; но онѣ доходили и до начальства. Нѣкоторые мою помощь объясняли участіемъ въ его пьянствѣ, [1]

Въ теченіе 4-хлѣтняго пребыванія моего въ академіи, отечество участвовало въ Наваринской битвѣ, вело войну съ Персіей, съ Турціей, боролось съ польскимъ бунтомъ и холерою. Студенты принимали живое участіе въ этихъ событіяхъ, насколько онѣ извѣстны становились изъ газетъ.

Истребленіе турецкаго флота при Наваринѣ, такъ какъ въ этомъ дѣлѣ участвовали и корабли другихъ державъ, не казалось

---

[1]) Авторъ коснулся причинъ, которыя попрепятствовали ему получить степень *магистра богословія,* во первыхъ—потому, что самъ сознавалъ себя заслуживавшимъ этой степени—въ сравненіи съ нѣкоторыми своими товарищами, получившими ее; а во вторыхъ—также, вѣроятно, въ виду недоумѣнія своихъ впослѣдствіи сослуживцевъ и знакомыхъ, которые удивлялись его уму и образованности и между тѣмъ видѣли его только со степенью младшаго кандидата. Такъ, отъ одного стараго одессита мы слышали такой анекдотъ; „разъ въ гостяхъ—среди духовнаго общества—одесскій протоіерей *Іоаннъ Знаменскій* (*магистръ* московской д. академіи) спросилъ протоіерея Н. И. Соколова (автора сихъ *записокъ*): „почему Вы—такой умный человѣкъ, а состоите только *кандидатомъ*?"—Да, потому,—отвѣчалъ онъ, что если бы Вы учились съ нами,—то врядъ ли были бы *магистромъ*."—Л. М.

тогда важнымъ событіемъ и никто тогда не входилъ, какъ оно подготовилось и какія имѣло послѣдствія. Повторялось имя вице-адмирала *Спиридова*, какъ героя въ этомъ морскомъ сраженіи, и появились изъ Франціи матеріи *наваринскаго дыма* года два бывшія въ модѣ. [1]

Въ персидской войнѣ красовалось имя *Паскевича*. Но одинъ подвигъ генерала *Красовскаго* пріобрѣлъ тогда симпатію къ герою. Наша бригада или полкъ подъ командою Красовскаго, въ знойное время, по пескамъ, должна была поспѣшить къ г. Армянскому монастырю. Разстояніе было 20 верстъ, дорога шла между горами. Персы окружили бригаду съ обѣихъ сторонъ и расположились по горамъ. Отрядъ нашъ долженъ былъ итти подъ сильнымъ огнемъ непріятелей. Но командиръ не растерялся. Отражая нападеніе, онъ продолжалъ итти впередъ, поставивъ обозъ въ средину. Въ одномъ мѣстѣ подбитъ былъ или сломался лафетъ. Думали бросить пушку. Но Красовскій бросился къ пушкѣ и закричалъ: „Ребята! Спасите пушку!",—и солдаты утомленные, изнемогающіе отъ жажды и жары и песчаной дороги, хриплымъ голосомъ заревѣли: *ура!*—и пушка спасена.—Не доходя немного до монастыря протекалъ ручей. Солдаты бросились къ ручью и, не слушая команды, припали къ водѣ. Отъ излишняго употребленія холодной воды, вдругъ ослабѣли: многихъ спасли, а многіе были побиты Персами. Когда достигли монастыря, всѣ бросились на землю подъ стѣнами его. Стѣны были вооружены пушками, и Персы оставили въ покоѣ отрядъ.

Изъ турецкой войны, изъ военныхъ дѣйствій на Кавказѣ одинъ эпизодъ принятъ былъ студентами съ восторгомъ. Это—*взятіе Ахалцыха* Ширванскимъ полкомъ безъ выстрѣла со стороны полка. Полкъ двинулся противъ крѣпости съ залихватскою пѣснію. Крѣпость молчала. Но когда пѣлся стихъ пѣсни. *Выгоняли животину на попову десятину,* раздался залпъ изъ всѣхъ крѣпостныхъ пушекъ. Командиръ полка Бурцевъ скомандовалъ: *ружья на перевѣсъ*– скорымъ шагомъ маршъ! Въ это мгновеніе ядро попало ему въ ротъ—и голова разлетѣлась. Тогда по всѣмъ шеренгамъ послѣдовала команда: „Сомкнись-ура!" Полкъ, не давъ ни одного выстрѣла, въ нѣсколько минутъ очутился на стѣнахъ

---

[1]) Эту матерію увѣковѣчилъ Гоголь, описывая фракъ одного изъ главныхъ героевъ „Мертвыхъ душъ", именно знаменитаго Павла Ивановича Чичикова. Фракъ этотъ былъ не изъ какой иной матеріи, а именно изъ сукна цвѣта „наваринскаго дыма– съ пламенемъ".—Л. М.

крѣпости, и крѣпость пала. Дѣйствовали только холоднымъ оружіемъ.

Всѣ студенты русскихъ губерній старались припомнить голосъ вышеупомянутой пѣсни; но по стиху, взятому изъ середины, никто не могъ припомнить. И я, знатокъ великороссійскихъ пѣсенъ, никакъ не могъ привести на память ни начала, ни конца той пѣсни. Легли спать. Перебирая голоса веселыхъ пѣсенъ и начальные стихи ихъ, наконецъ я вспомнилъ и пѣсню и голосъ. Вотъ она:

Солнце на закатѣ,
Время на утратѣ!
Ну-тко, дѣвки, на лужокъ,
Гдѣ муравка и цвѣтокъ,
Гдѣ мы съ вечера рѣзвились,
Въ хороводѣ веселились,
Пригоняли животину
На попову десятину!

А вотъ и голосъ пѣсни.... [1]).

Я не утерпѣлъ, чтобы не запѣть, и, лежа въ постели, заоралъ. Оказалось, что и другіе еще не спали и, можетъ быть, думали о томъ же; они подхватили и, соскочивъ съ постели, начали горланить. Вдругъ бѣгутъ изъ сосѣдняго номера и присоединяются къ нашему хору. Дошло до того, что и всѣ собрались. Нашлись и плясуны. Старшіе въ номерахъ едва могли уговоритъ, опасаясь, чтобы не услышалъ инспекторъ. Однако инспекторъ слышалъ и на другой день вечеромъ, при обычномъ визитѣ къ инспектору, старшіе объяснили ему дѣло. Инспекторъ совершенно успокоился.

Съ театра войны на Балканскомъ полуостровѣ доходили непріятные слухи; войска гибли не отъ оружія, а отъ болѣзней. Брали крѣпости, обложили и *Варну*. Приводили много плѣнныхъ турокъ; болѣе 1000 стояло ихъ въ Кіевѣ—лагеремъ. Мы ходили къ нимъ; подмѣчали нѣкоторыя слова; но у меня въ памяти до сихъ поръ осталось не много, только: *Саламъ лехи*—миръ тебѣ;

---

[1]) Авторъ сообщаетъ и *ноты*, какъ пѣлась эта народная великорусская пѣсня, которая и теперь всегда почти фигурируетъ въ извѣстныхъ дешевыхъ *пѣсенникахъ*, выходящихъ изъ московскихъ типографій. Л. М.

ялимъ (или имимъ) хорошо [1]). Любопытно было смотрѣть, какъ плѣнные боролись между собою. Оба противника снимали чалмы, скидали рубашки, оставались въ однихъ шароварахъ, и схвативъ другъ друга за плечи и упершись головами, неподвижно стояли какъ быки, пока одинъ не перетягивалъ другого и не бросалъ на землю. Что то напоминало олимпійскихъ борцовъ. Если такъ боролись олимпійскіе герои, то сцена была безобразная.

Во время войны съ турками посѣтилъ Кіевъ Императоръ Николай Павловичъ [2]). Я хотѣлъ его видѣть и во-время поспѣлъ въ Печерскую лавру. Здѣсь ожидалъ его митрополитъ Евгеній съ ликомъ монашескимъ; не помню, чтобы тутъ былъ кто-либо изъ бѣлаго духовенства. Отъ св. воротъ до самой соборной церкви по обѣ стороны тротуара были протянуты веревки. Я помѣстился вблизи самой веревки на половинѣ пути. Я ожидалъ видѣть въ государѣ человѣка высокаго, но согнутаго и худощаваго, какъ мнѣ изображали его въ Мценскѣ—съ разсказа о немъ депутатовъ, хлопотавшихъ за рѣзную икону Николая Чудотворца. Каково-жъ было мое изумленіе! Я увидѣлъ великана—плечистаго, съ широкою грудью, державшагося прямо. Когда этотъ величественный императоръ поровнялся со мною, я оказался вровень съ его широкими бедрами. Я затрепеталъ и не могъ взглянуть на его лице. Когда онъ прошелъ, я замѣтилъ, что онъ цѣлою головою возвышается между генералами довольно большого росту, а одинъ изъ нихъ былъ даже высокаго росту. На возвратномъ пути изъ собора я лучше разсмотрѣлъ его. Лицо его—продолговатое, чело—возвышенное, глаза—большіе, голубые. Когда онъ миновалъ меня, я успѣлъ выбѣжать изъ лавры другимъ ходомъ и забѣжалъ далеко впередъ, чтобы еще видѣть его въ экипажѣ. Не могу объяснить, почему дорожніе экипажи его оставались за рѣкою. Государь сѣлъ на первыя дрожки, какіе попались ему. Когда отъѣхалъ онъ саженъ 200, рессора обломилась. Государь соскочилъ на всемъ бѣгу. Тутъ полиціймейстеръ, ѣхавшій за нимъ верхомъ, остановилъ проѣзжавшую коляску, у которой будка и передъ соединялись и представляли родъ кареты. Оказалось—экипажъ биткомъ былъ набитъ дамами и дѣвицами.

---

[1]) Эти *плѣнные турки* работали при возведеніи укрѣпленій нынѣшней кіевской крѣпости. См. статью *Н. К. Шильдера*: „Императоръ Николай I и восточный вопросъ"—*Русская Старина*—1901 г. мартъ стран. 513.

[2]) Это, описываемое авторомъ, посѣщеніе Кіева Императоромъ Николаемъ I происходило отъ 23 по 26 число м. іюня 1829 года.—Л. М.

Пока онѣ вылѣзали, государь стоялъ на разстояніи 4-хъ саженъ. Потомъ, подошедши къ нимъ, что-то говорилъ,—должно быть—въ извиненіе и бралъ каждую особу за руку. Онѣ краснѣли и блѣднѣли. Государь сѣлъ въ экипажъ и поѣхалъ на квартиру. Онъ остановился на Печерскѣ, въ одноэтажномъ домѣ, о 9-ти окнахъ съ воротами, большимъ дворомъ и позади двора садомъ. Вмѣстѣ съ толпою я очутился противъ оконъ. Черезъ нѣсколько минутъ раздался голосъ въ комнатахъ дома: „человѣкъ! окна затвори!“ громкій и звучный голосъ до сихъ поръ стоитъ въ моей памяти.—Находясь въ толпѣ, я не замѣтилъ, что правая рука моя лежитъ на полныхъ и бѣлыхъ плечахъ дѣвицы, въ платье декольте. Должно быть рука дрогнула, что дѣвица оглянулась—съ выраженіемъ неудовольствія. Я отдернулъ руку, извинился натискомъ толпы, покраснѣвъ до ушей, и отодвинулся на шагъ. Мнѣ чрезвычайно стыдно стало. Мнѣ казалось, что это замѣчено окружавшими. Я стоялъ неподвижно, вперивъ взоры на затворенныя окна дома. Я рѣшился взглянуть на дѣвицу и глаза мои встрѣтились съ ея глазами. Она спокойно смотрѣла на меня и, какъ замѣтилъ я, занималась мною. Одежда моя, какъ студента, давала ей знать, кто я. Но я не выдержалъ и отошелъ на другую сторону толпы, къ воротамъ.—Чрезъ нѣсколько минутъ послѣ сего раздается крикъ ямщика: „Пади!“, раздвигается толпа, къ воротамъ подлетаетъ тройка. Лошади въ мылѣ и шатались. Съ телѣги соскакиваетъ офицеръ весь въ пыли и грязи, эполетъ не видно, такъ какъ тогда они были висячіе. На встрѣчу ему выбѣжали придворные и военные изъ царской свиты. Ведутъ къ государю. Чрезъ 10 минутъ возвращается пріѣзжій,—и его обнимаютъ и цѣлуютъ военные и штатскіе. Кто бы это былъ такой? и за что цѣлуютъ его, пыльнаго и грязнаго?—Чрезъ четверть часа узнаемъ: это—курьеръ изъ дѣйствующей арміи, съ ключами крѣпости Силистріи. Нѣсколько оконъ растворилось въ квартирѣ государя. Выбѣжалъ военный и, согнувшись, пробѣжалъ по толпѣ съ крикомъ: *ура!* За нимъ грянула толпа, которой до сихъ поръ запрещено было привѣтствовать государя этимъ крикомъ, даже при подъѣздѣ его къ Лаврѣ [1]).

На другой день праздновано было взятіе крѣпости Силистріи. На валахъ стараго Кіева (тогда эта часть города была об-

[1]) Это извѣстіе изъ дѣйствующей арміи о взятіи крѣпости Силистріи получено было въ Кіевѣ 25 іюня—въ день рожденія Императора Николая Павловича,—См. въ указанной статьѣ Шильдера—стр. 513.

несена крѣпостнымъ валомъ, а на мѣстѣ *Крещатицкой* улицы былъ лугъ, на которомъ паслись коровы; за *Золотыми Воротами* стлалась покатистая равнина съ зеленою муравою; она оканчивалась ручьемъ *Лыбедью*; за Лыбедью—тоже равнина, оканчивалась митрополичьею рощею)—появились пушки, изъ которыхъ данъ былъ 101 выстрѣлъ. Государь шествовалъ въ Софійскій соборъ во всемъ парадѣ, встрѣченный духовенствомъ у св. воротъ, какъ и въ Лаврѣ; только тамъ онъ былъ въ военномъ мундирѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы. Народъ стоялъ по обѣимъ сторонамъ тротуара, какъ и въ Лаврѣ, только теперь явился въ праздничномъ платьѣ. Теперь я любовался своимъ царемъ. Мнѣ казалось—въ цѣлой Россіи нѣтъ такого величественнаго человѣка: лицо его сіяло, какъ архистратига. Я сталъ первымъ въ ряду, держась каната. Когда государь миновалъ, взоръ мой остановился на другомъ ангелѣ, который стоялъ по другую сторону тротуара, какъ разъ противъ меня. Это была дѣвица 16 лѣтъ, блондинка съ большими свѣтлыми и вмѣстѣ кроткими глазами; бѣлые волосы зачесаны были вверхъ и обнажали прекрасное чело и продолговатое лицо, правильный небольшой носъ, свѣжія дѣвственныя щеки и алыя губки,—все это въ цѣломъ, при высокомъ ростѣ и тонкой таліи, представляло идеалъ красоты небеснаго ангела. Дѣвица была въ бѣломъ кисейномъ платьѣ, подпоясана голубою лентою; на шеѣ—маленькій голубой платочекъ. Безъ всякихъ украшеній, она казалась одѣтая лучше всѣхъ. Я не сводилъ съ нея глазъ. Со мной былъ Максимовичъ. Я сказалъ ему: „какъ мало нужно для дѣвицы, чтобы быть хорошо одѣтой! Вотъ передъ нами дѣвица: бѣлое платьице, голубая ленточка для пояса и маленькій платочекъ на шеѣ—и больше для нея ничего не нужно!“ —Да это потому, что она хороша собой,—отвѣчалъ Иванъ Петровичъ.—„А кто эта дѣвица—не пріѣзжая ль откуда?—Онъ мнѣ шепчетъ: это, кажется, *Мѣдинцева*—съ нашего Подола—„Мѣдинцевыхъ я знаю; у тѣхъ красные волосы“, возразилъ я.—Это, кажется,—продолжалъ онъ,—двоюродная сестра ихъ, дочь мѣщанина Мѣдинцева, брата купцовъ Мѣдинцевыхъ, человѣка бѣднаго. Онъ запиваетъ, но имѣетъ свой домъ съ мезониномъ—противъ церкви Притиска-Николая.—Только было мнѣ и нужно. Съ тѣхъ поръ засѣла у меня въ головѣ и сердцѣ эта дѣвица. Я нашелъ домъ ея; узналъ, что она ходитъ къ обѣднѣ въ женскій монастырь. Раза три я видѣлъ ее и недалеко стоялъ отъ ней. Потомъ она стала ходить и въ Братскій монастырь.—Домъ мѣщанина Мѣдинцева примыкаетъ къ Андре-

евской горѣ,—и я часто сиживалъ на скатѣ горы, выжидая, не появится ли она дезабилье. Разъ увидѣлъ ее въ самомъ простомъ платьицѣ; волосы, перевязанные ленточкою, разстилались позади. Что жъ? И въ этомъ видѣ она была прекрасна. Я рѣшился ни на комъ не жениться, какъ на бѣдной, но прекрасной *Маріи Стефановнѣ Мѣдинцевой*. Бѣдность ея даже обезпечивала успѣхъ предпріятія. Я мечталъ: какъ только получу мѣсто, такъ—подъ вѣнецъ, и на другой день—на почтовую повозку. Доѣхавъ до мѣста, нанимаю одну комнату съ пищею; не держу даже прислуги: мы другъ другу будемъ прислуживать. Какъ бы ни было скудно будущее жалованье, при такомъ образѣ жизни его всегда станетъ.

Не помню, прежде ли, или послѣ пріѣзда государя была въ Кіевѣ императрица Александра Ѳедоровна съ молодыми дочерями Маріею и Ольгою [1]). Ей дѣлали пріемъ въ бесѣдкѣ Екатерининскаго сада. Садъ былъ иллюминованъ превосходно; на Днѣпрѣ взадъ и впередъ ѣздили иллюминованныя лодки съ пѣсенниками. Бесѣдка была залита огнемъ, и видъ изъ нея съ горы на Днѣпръ былъ восхитителенъ. Я пробрался къ самой бесѣдкѣ, въ которой была государыня съ дѣтьми и правителями города и пила чай. Двѣ музыки—инструментальная и духовая-исполняли самыя лучшія и мелодическія піесы. Въ 10 часовъ, когда кончился чай и, можетъ быть, ужинъ и пили шампанское, раздался гимнъ: *Боже Царя Храни!* Его исполняли два оркестра—музыкальный и пѣвческая капелла. Тогда былъ и другой напѣвъ, должно быть—англійскій, и другія слова гимна. Слова—не совсѣмъ складныя, но напѣвъ, по моему мнѣнію, болѣе простой и торжественный. Вотъ тогдашній напѣвъ и слова:

Боже, Царя храни,
Сильному долги дни
Дай на земли!

---

[1]) Это посѣщеніе Кіева императрицею Александрою Ѳеодоровною происходило раньше, чѣмъ описанное выше посѣщеніе Кіева Николаемъ Павловичемъ. Именно—государыня императрица была въ Кіевѣ во второй половинѣ сентября 1828 г., на пути въ С.-Петербургъ изъ Одессы, куда она отправилась съ государемъ въ началѣ турецкой войны и гдѣ провела все лѣто 1828 года, пользуясь морскими ваннами на дачѣ барона Рено. Выѣхала она изъ Одессы 3 сентября 1828 г., была въ Вознесенскѣ, Бѣлой Церкви и затѣмъ въ Кіевѣ.—Государь же въ это время оставался въ дѣйствующей арміи.—Л. М.

Царствіе славное
Въ мірѣ прехвальное
Дай на земли!
Всежъ недостойное
Прочь отжени! [1]).

Во время пѣнія этого гимна чувства восторга и умиленія захватили духъ мой и разрѣшились слезами.—Вслѣдъ за гимномъ поданы были одномѣстные дрожки безъ пролета; тогда съ пролетомъ не дѣлали, а—въ одну лошадь. Государыня сѣла бокомъ, посадивъ одно дитя рядомъ съ собою, другое—на колѣно къ себѣ. Лошадь повели за узду шагомъ—по аллеѣ. Я забѣжалъ впередъ и сталъ при аллеѣ. Какъ только дрожки поровнялись со мною, толпа двинула меня къ самымъ дрожкамъ. Я оперся на самыя дрожки. Испугъ овладѣлъ мною. Чтобы отодвинуть толпу, которую отодвигалъ и квартальный, я долженъ былъ протянуть ногу подъ дрожки, и, не чувствуя боли отъ переѣзда колеса, съ напряженіемъ всѣхъ силъ я такъ двинулся назадъ плечами, что повалилъ многихъ и самъ повалился. Никогда не забуду этого случая. Нога болѣла дня три.—Царевны, будущія красавицы, показались мнѣ скулистыми; лица ихъ къ низу слишкомъ были широки.

Въ послѣдніе годы пребыванія моего въ академіи Россія перенесла двѣ невзгоды: новую, прежде не слыханную, болѣзнь холеру и первый польскій мятежъ.

Въ кіевской духовной академіи небыло ни одного случая странной и даже неразгаданной болѣзни, хотя низменная мѣстность благопріятствовала холерѣ. Еще тогда замѣчено было, что эта болѣзнь любила низменныя мѣста и не касалась жителей мѣстъ возвышенныхъ. Она распространялась отъ Каспійскаго моря изъ Азіи и, казалось, шла по рѣкамъ противъ теченія. Это обстоятельство подало мысль, не имѣла ли она подземное теченіе и потому обнаруживалась въ низменныхъ мѣстахъ, какъ близкихъ подземному току. Въ Астрахани и мѣстахъ, ближайшихъ къ Каспійскому морю, процессъ болѣзни не продолжался болѣе часу, двухъ и трехъ; люди умирали иногда среди улицы. Въ Кіевѣ болѣзнь убивала въ полсутокъ и въ сутки. Такъ

---

1) Это нѣсколько переиначенныя строки изъ извѣстнаго стихотворенія Жуковскаго. Авторъ сообщаетъ и ноты, какъ пѣлся этотъ гимнъ.—Л М.

умеръ на Подолѣ протоіерей, изъ древней академіи, кажется—*Маньковскій* или *Малиновскій*. Онъ въ послѣднее время занимался опытами *гальванизма* и *электричества;* къ нему на эти опыты ѣздилъ митрополитъ Евгеній.—Въ академіи на мѣсяцъ прекращены были уроки. Это-ли обстоятельство, или питье дехтярной воды, спасло студентовъ, или умѣренность въ пищѣ, обычная въ то время въ академіи.

Только-что кончилась война съ турками и еще возвращались съ Дуная войска въ слишкомъ уменьшенномъ составѣ полковъ,—какъ поднялся польскій мятежъ. Послѣ измѣны поляковъ въ нашествіе Наполеона I, императоръ Александръ I рѣшился привязать ихъ къ себѣ неразгаданнымъ великодушіемъ. Въ 1815 году, на европейскомъ конгрессѣ, никѣмъ не вынуждаемый, онъ возстановилъ Польшу подъ именемъ *Царства Польскаго*—съ отдѣльнымъ казначействомъ, отдѣльными войсками и отдѣльнымъ сенатомъ, и короновался въ Варшавѣ и оставилъ намѣстникомъ своимъ *Константина Павловича,* наслѣдника престола. Намѣстникъ образовалъ корпуса отличныхъ войскъ. По смерти Александра, Николай также короновался въ другой разъ въ Варшавѣ. Но въ 1830 году Польша взбунтовалась: выгнали намѣстника и войска, доведенныя имъ до совершенства, выставили противъ нашихъ войскъ, ослабленныхъ минувшею войною. По началу они имѣли даже успѣхъ. Носился слухъ, что Константинъ наложилъ на себя руки, главнокомандующій—*Дибичъ-Забалканскій*—тоже; но въ дѣйствительности тотъ и другой сдѣлались жертвою холеры.—Война была упорная и кончилась взятіемъ Варшавы, сопровождавшимся кровопролитнымъ штурмомъ. Николай былъ человѣкъ съ сильною волею: съ тѣхъ поръ онъ держалъ поляковъ въ ежовыхъ рукавицахъ.

При усмиреніи польскаго мятежа, между студентами академіи обнаружилась партія, симпатизировавшая полякамъ. Это были студенты западныхъ губерній. Они все твердили пѣсню: „Еще Польша не сгинела". Противъ нихъ вооружились великороссы; студенты же—малороссы держали нейтралитетъ. И изъ нихъ многіе знали польскій языкъ. И неудивительно: отцы западныхъ и малорусскихъ студентовъ въ экономическомъ отношеніи иногда зависѣли отъ польскихъ пановъ, которымъ принадлежали села въ западныхъ и малороссійскихъ губерніяхъ. Не

знаю, по какому поводу и для какой цѣли передъ этимъ введено было въ Кіевской академіи преподаваніе польскаго языка для охотниковъ?..[1])—Слова польскихъ пѣсенъ мнѣ не нравились; языкъ, какъ пародія на русскій, тоже. Но голосъ былъ хорошъ; подъ этотъ голосъ, къ досадѣ западныхъ студентовъ, я сочинилъ русскіе стихи. Такъ на голосъ пѣсни: „И ты, Жолкевскій“, я пѣлъ слѣдующіе стихи:

---

[1]) Студенты западныхъ губерній [ихъ въ описываемое авторомъ время было нѣсколько человѣкъ въ Кіевской академіи только изъ минской губерніи), а также Юго-западныхъ губерній (кіевской, подольской и волынской) могли пѣть польскія пѣсни просто потому, что, вслѣдствіе близкаго сосѣдства съ поляками, знали польскій языкъ и, хорошо понимая духъ и строй его,—могли даже увлекаться художественностію польской стихотворной композиціи въ пѣсняхъ, не говоря уже о напѣвѣ этихъ послѣднихъ... Для великоросовъ же, которые не понимали польскаго языка,—онъ, какъ въ этомъ сознается самъ нашъ авторъ, представлялся лишъ пародіею на русскій языкъ и потому естественно не могъ возбуждать въ нихъ къ себѣ сочувствія и уваженія...—Польскій языкъ преподавался издавна въ старой кіевской академіи. На немъ, въ 17-мъ вѣкѣ, писались даже многія сочиненія кіевскими академистами въ защиту православной вѣры и русской народности... Такъ тогда необходимо было, по близкой связи Малороссіи съ Польшею... Но и впослѣдствіи польскій языкъ оставался въ старой кіевской академіи и перешелъ въ новую академію, такъ какъ знаніе его было въ высшей степени необходимо въ научныхъ цѣляхъ—именно для знакомства съ исторіею церкви въ Западной и Юго-западной Руси и вообще въ Малороссіи... Это въ особенности сознавалъ митр. Евгеній, самъ прекрасно знавшій польскій языкъ, пользовавшійся имъ въ своихъ историческихъ изысканіяхъ и покровительствовавшій изученію его въ кіевской академіи.—Каѳедра польскаго языка существовала въ этой академіи до 40-хъ гг., когда была открыта, вслѣдствіе того, что возобладали въ тогдашней духовной и свѣтской администраціи Кіева противо-польскіе политическіе интересы, и въ самой академіи сократилась потребность въ изученіи прошлой исторіи родного края.—Когда эта потребность, въ началѣ 60-хъ гг., возродилась, то и почувствовалась опять необходимость въ академіи близкаго знакомства съ польскимъ языкомъ. И вотъ стали учиться ему самоучкою... Примѣры этого мы видимъ въ профессорахъ Кіевской академіи—великороссахъ: Н. И. Петровѣ, С. Т. Голубевѣ и протоіереѣ Ѳ. И. Титовѣ—этомъ достопочтенномъ тріумвиратѣ, которому Кіевская академія предоставила честь—быть ея исторіографомъ—въ виду наступающаго 300-лѣтняго юбилея ея жизни... Что же касается нынѣшнихъ студентовъ Кіевской академіи,—то они часто остаются безпомощными въ своихъ научныхъ работахъ, касающихся исторіи западно-русской и южно-русской церкви по незнанію польскаго языка. А между тѣмъ такія работы имъ задаются... И вотъ, безъ предварительнаго знанія польскаго языка, имъ приходится, наприм., читать и разбирать сочиненія Іоанникія Галятовскаго, написанныя по польски—для защиты догматовъ православія противъ католицизма!.. Какого научнаго значенія можно ожидать отъ такихъ студенческихъ работъ?!...—Л. М.

Гдѣ нашъ Кутузовъ,
Вождь незабвенный?
Билъ онъ французовъ—
Съ Наполеономъ...
И ты, Суворовъ, непобѣдимый
Твой молодецкій
Штыкъ насъ прославилъ!..

Вотъ голосъ на эти стихи: [1])

Настали послѣднія каникулы въ академіи для меня. Дѣло объ утвержденіи въ степеняхъ и опредѣленіи на мѣсто службы послано было въ комиссію духовныхъ училищъ. Праздныхъ мѣстъ профессорскихъ достаточно было только для перваго разряда окончившихъ курсъ [2]). Но были мѣста смотрительскія, и въ числѣ ихъ смотрительское мѣсто при орловскомъ дух. училищѣ, мѣсто умершаго *Василія Лукича Переверзева,* бывшаго уже, кажется, протоіереемъ. Мѣста смотрителей зависѣли непосредственно отъ академическаго правленія. Я подалъ прошеніе о предоставленіи мнѣ этого мѣста. Конкурентовъ не было—и я считалъ его своимъ. Инспекторъ Іеремія посовѣтовалъ мнѣ поѣхать на каникулы домой и воспользоваться даровою подводою, которую онъ нанялъ для болѣзненнаго брата своего—дьячка, пріѣхавшаго тогда на поклоненіе св. мощамъ. „Можетъ быть откроется для васъ,—говорилъ онъ,—и профессорское мѣсто въ какой-либо семинаріи (профессорскія мѣста считались тогда выше смотрительскаго); не лишне проститься вамъ съ родными".—Я согласился. Не помню, какъ я ѣхалъ съ братомъ Іереміи. Но прибылъ домой—въ Спасское—до храмоваго праздника Преображенья. Родители мои были очень рады. Они увидѣли меня во фракѣ и панталонахъ чернаго тонкаго сукна. Особенно радовались тому, что я назначаюсь смотрителемъ орловскихъ духовныхъ училищъ. Но на меня напала тоска... Отецъ былъ здоровъ, но припадки падучей болѣзни стали повторяться съ нимъ очень часто. Сестра Варя была уже невѣста. Мать была спокойна и весела; она интересовалась будущимъ моимъ положеніемъ въ Орлѣ и досадо-

---

[1]) Авторъ сообщаетъ и ноты этой сочиненной имъ пѣсни.—Л. М.

[2]) Здѣсь подъ профессорскими мѣстами разумѣются наставническія мѣста въ духовныхъ семинаріяхъ. Ибо тогда и наставники семинаріи носили званіе профессора, если только имѣли степень магистра богословія.—Л. М.

вала, что нѣтъ для меня достойныхъ невѣстъ; уже обыкновенныя священническія дочери, по ея мнѣнію, не годились для меня. А я ни гу-гу про свою Мѣдинцеву!..—Безъ книгъ и дѣла я не зналъ, какъ могъ проволочь каникулы. „Сіонскій Вѣстникъ“ хотя былъ отобранъ изъ церквей, но у отца сколько-то книжекъ его оставалось; ихъ-то я отъ скуки перечитывалъ, но тогда ничего въ нихъ не находилъ такого, за что бы ихъ отбирать и уничтожать...—Оканчивались каникулы. Въ Мценскѣ—свадьба. Сестра моя, двоюродная дочь о. Степана Ѳедоровича Александрова [1]), выходила замужъ за окончившаго курсъ семинаріи. Мать моя поѣхала на свадьбу, но я не захотѣлъ ѣхать... Тоска душила меня... Какое-то было предчувствіе, что въ послѣдній разъ я дома.—Настало время плестись въ академію—за полученіемъ ученой степени и мѣста. Какъ тяжело было мнѣ вводить въ расходы отца! но я не могу теперь вспомнить, какъ удалось мнѣ найти дешевый случай возвратиться въ Кіевъ, не могу вспомнить, какъ и съ кѣмъ ѣхалъ... Помню только, что со мною прощались безъ слезъ, надѣясь, что я скоро возвращусь смотрителемъ орловскихъ училищъ...

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

1) Этого о. Степана Ѳедоровича авторъ прежде называлъ по фамиліи Троицкимъ. Вѣроятно, здѣсь ошибка.—Л. М.

Критичний розслід над текстом „Кобзаря“ Шевченка.[1]

21. Чигирин.

Вперше видруковано у „Вечерницях“ р. 1863, № 11 [2]), а потім у Львів. Кобзарі р. 1867. (стр. 62 — 64). Автографа немає. Дата *19/11 р. 1844*, у Москві (під час пробування у Бодянського); так воно і в тому зшиткові, що знайдено цього року в Департам. Поліції, де ще додано присвяту: *М. С. Щепкину*.

Що до варіантів поезії, то раніщий з них той, що в „Вечерницях“ та у Львів. Кобзарі 1867, а пізніщий—у Пражск. виданні, яке й має перевагу. Текст, той що в Деп. Пол., має тільки дві одміни од тексту вид. Романчука.

Одміни:

226, 7 зн.: Дніпро *ви*сихає, -- у Львів.: *за*сихає.

227, 4: За що ми різались з ордами, -- це варіант Львів. К., а в Пражському: *за що ж ми різались з панами?*

227, 6: московські ребра,—теж вар. Львівськ. К., передніщий, а в Пражському: *татарські* ребра. — Цей варіант неодмінно треба взяти, як що узято й попереду:.. „з панами“, бо инакше про боротьбу з Татарами зовсім не буде згадано... Що ж до „*московських ребер*“, то їх не так-то вже й багато доводилось „*скородити*“, щоб спеціяльно на цьому спинятися. І це Ш., поправляючи згодом поезії свої, й узяв на увагу.

227, 9: що ж на ниві уродило? — у Львів.: уроди*лось*. Так і в рукоп. Департ. Пол. Але есть краща форма (в Пражськ. пізніщому варіанті): *уродило*.

---

[1]) Див. Кіев. Стар. 1906 г. кн. 9.

[2]) На жаль, цього числа „Вечерниць“ не довелось мені бачити.

227, 12 зн.: нехай же вітер *все* розносить,—так і в Пражськ., а у Львів. К. 1867 — помилка: вітер *віє*, розносить, — через що утрачується ритм.

227, 11 зн.: — теж у Львів. помилка: на *некраянім крилі*, — у д. Романчука, як і в Пражському: *неокраянім*.

227, 6 зн.: степи, *ліси*, — так і в Праж., а у Львів.: степи сині.

227, 2 — 1: Поки тії недолітки
Поростуть гетьмани,—

це варіант Львівського вид., але він кращий за Пражський: *недолюдки*... Раз поет має надію, що Гетьманщина знову настане і гетьмани поростуть, то *недолюдки*, здається, він не міг би сказати..... В рукоп. Департ. Поліц. стоїть *недолітки*, але не *поростуть*, а: *підростуть*.

228, 5: не рвіть, думи, не паліте—так у Праж., а у Львів. К. 1867: *не рвіть душу*. Власне й одне і друге добре і має сенс, але вважаючи на те, що Пражськ. варіант пізніщий — краще брати цей останній.

228, 12 зн.: козацької *тії* крови, — у Льв. К. 1867 сло́ва *тії* немає.

228, 8 зн.: барвінок розіветься,—у Льв.: розів*ю*ться, бо попереду ще стоїть: і *рута*; але Ш. звичайно глагол сполучає з останнім самостійним імям, як це й бачимо ми в варіанті Пражськ. Кобз.

228, 3 зн.: серце боязливе, — у Львів. К. помилка: *богобоязливе*, в pendant до попереднього „*слово богобоязливе*“.

228, 1 зн.: після: і мене згадає, — треба —

229, 1,—після: сльози мої, — треба —

---

22. Сова.

Нова поема, що знайдено цього року в Департаменті Поліції у Петербурзі. Датовано її там *6/г 1844*. Про те, що була така поема, знали ми раніш з листа кн. В. Репниної до Шевченка—того ж таки р. 1844, 20/XII: „Обрадуйте его (А. Лизогуба) и всѣхъ любителей малороссійскаго языка Вашей *Совой*“. [1]) Текст цієї поеми видруковано тільки що в X книзі місячника „Нова Громада“,

---

[1]) Кіевск. Старин. 1887, II, 167.

але подаю його звичайним фонетичним правописом. Редакція журнала ласкаво дозволила мені скористуватися оригіналом цієї (та й инших новознайдених) поезії, на основі якого я й подаю текст, додержуючи буквально правопису в ньому (оригінал той— копія з рукопису, що знайдено в Департ. Поліції).

Породыла маты сына
Въ зеленый диброви
Дала ему кари очи
И чорныи бровы.
Китайкою повивала
Всихъ святыхъ благала
Та шобъ ёму вси святыи
Таланъ-долю слалы.
Пошлы тоби матер—божа
Тіи благодаты
Всего тòго, чого маты
Незуміе даты.—
До схидъ соньця воду брала
Въ барвинку купала
До пивночи колыхала
До свита спивала

Э... Э... Лю ли
Питала зузули
Зузуля кувала
Правдоньку казала.
Буду сто литъ житы
Тебе годуваты
Въ жупани ходиты
Буду пануваты.
Ой выростышъ сыну
За пивчварта року
Якъ княжа дытына
Якъ ясенъ высокій
Гнучкій и дебелый
Щастлывій веселый
И неодинокій.

Найду тоби ривню
Хочъ за моремъ сынімъ
Або крамаривну,
Або сотныкивну,
Таки панну сыну
У червоныхъ черевикахъ
Въ зеленимъ жупани
По свитлыци похожае
Якъ пава, якъ пани,
Та зъ тобою розмовляе
Въ хати якъ у раи;
А я сыну на покути [1])
Тилько поглядаю.

Ой сыну мій сыну
Моя ты дытыно
Чи е крашчій на всимъ свити
На всій Украини!
Нема красчого й не буде
Дывуйтеся люды!
Нема красчого!,.. а долю...
Доля [2]) роздобуде.

Ой зузуле зузуленько
На що ты кувала
На що ты ій довги лита
Сто литъ накувала.
Чи ежъ [3]) така на симъ свити
Слухняная доля?
Охъ якъ бы то!... вмилабъ маты
Зъ нимецького поля
Своимъ диточкамъ заклыкать

---

[1]) В „Нов. Гром." неправильно: „на покутя".
[2]) Очевидно, треба: „долю". В. Д.
[3]) *Чи є жъ.*

И долю и волю,
Та ба!.., а зле безталанья
Зостринеця всюды,
И на шляху и безъ шляху
Усюды де люды.

Кохалася маты сыномъ
Якъ квиткою въ гаи
Кохалася... а тымъ часомъ
Батько умирае.
Осталася удовою
Хочъ и молодою
И не одна... та все жъ тяжко...
Зъ горемъ та нудьгою,
Пишла вона до сусидивъ
Порады просыты...
Присудилы сусидоньки
У наймахъ служиты.
Изныщила, измарнила
Кинула госпóду
Пишла въ наймы... не минула
Лыхои пригоды.
И день и ничъ працювала,
Подушне платыла...
И сынови за три копы
Жупанокъ купила.
Шобъ и воно удовине
До школы ходило...

Ой талане талане
Удовиный поганый
Чи ты въ поли чи ты въ гаи
Обидраный цыгане
Зъ бурлаками гуляешъ.
Тече вода и на гору
Богатому въ хату.

А вбогому въ яру треба
Криныцю копаты.
У багатыхъ ростуть диты
Вербы при долыни;
А у вдовы однымъ одно
Тай те якъ билына

Дождалася вдова доли [1])
Зросту того сына
И письменный и вродливый
Квиточка дытына!
Як у бога за дверима
Вдова панувала,
А дивчата лыцылыся [2])
И рушныкы дбалы.
Полюбила багатая
Не поцилувала,
Вишывала шовкомъ хустку
Не подарувала.
Кралысь злыдни изъ за моря
В удовину хату
Тай пидкралысь... сталы хлопцивъ
В кайданы куваты.
Та повезлы до пріему
Битыми шляхамы
Пишла й вдова зматерями
Зъ дрибными слезами.

Де на ничъ ставалы
Сторожу давалы
Стару, [3]) вдову до обозу
Та й не допускалы.

Ой привезлы до пріему
Чуприны голиты,
Усе дрибни, усе мали
Ве [4]) багатыхъ диты
Той калика не дорика

---

[1]) Замість закресленого: „маты сына“.
[2]) Очевидно, помилка, замість: лицялися.
[3]) Тут (,) не на місці.
[4]) Помилка, замість: „*Все*“.

Той не вміе статы
Той горбатый той багатый
Тыхъ чотыри въ хати. [1])
Уси не владъ усихъ назадъ
Въ усихъ доля маты.
А у вдовы одынъ сынъ
Тай той якъ разъ пидъ
аршинъ.

Покинула знову хату,
Сынову господу;
Пишла въ найми за хлибъ чер-
ствый
Жидамъ носыть воду.
Бо хрищени не прыймають [2])
Стара кажуть стала
Не здужае.... и огризокъ
Въ викно подавалы
Христа рады... Не дай боже
Такого дожиты
Не дай Боже в багатого
И пыть попроситы.
По копійци заробляла
Копу назбирала.
Та до сына лыстъ писала
У висько послала —
Полегшало. Мынае рикъ
И другій минае
И четвертый и десятый
А чутки не мае.

Нема чутки; шо тутъ робить.
Треба торбу браты
Тайты... иты собакъ дражныть
Одъ хаты до хаты.
Взяла торбу пишла селомъ
На вигони сила,
И въ село вже не верталась,
День и ничъ сыдила
Коло поворотъ. А лито
За литомъ минае
Помарнила скаличила
Нихто й не пизнае.
Тай кому тамъ пизнаваты
Калику убогу.
Сыдыть соби та дывиця
Въ поле на дорогу.
И свитае, и смеркае
А москаля іи сына
Не мае немае

По-надъ ставомъ у вечери
Хитаеця очеретъ.
Дожидае сына маты
До досвита вечерять
По-надъ ставомъ у вечери
Шепочеця осока
Дожидае въ темнимъ [гаи] [3])
Дивчинонька козака.
По-на[дъ] [4]) ставомъ витеръ віе
Лозы нагинае

---

[1]) Далі зразу йшли рядки:

А у вдовы одынъ сынъ,
Та й той якъ разъ пидъ аршинъ,

але закреслено і поставлено їх далі, через 2 рядки.

[2]) Зразу було: не прый*нялы*, але — *нялы* закреслено і дописано олівцем: *мають*.

[3]) Цього слова в рукописові немає, але очевидячки його бракує. В. Д.

[4]) В рукописові помилка: *по-наставомъ*.

Плаче маты одна въ хати
А дивчина въ гаи
Поплакала чорнобрива.
Тай стала спиваты
Поплакала стара маты
Тай стала ридаты.
И молылась и ридала
Кляла все на свити
Охъ тяжки вы безталанни
У матери диты.

Скаличени стари руки
До бога здіймала
Свою долю проклынала
Сына вымовляла.
То отъ жалю отходыла
И мовчки [1]) журилась
Та на шляхъ той недалекій
Кризь слезы дывилась.
И день и ничъ дывилася
Тай стала питаты
Чы ны чувъ хто, чи ны бачивъ
Москаля—салдата
Мого сына... нихто не чувъ
Ни хто и не бачивъ.
Сидыть вона нейде въ село
Ны пита й не плаче
Одурила!... и циглыну
Муштруе, то лае
То гудуе якъ дытыну
Й сыномъ называе
И ныщечкомъ тыхесенько
Кризъ слезы спивае

Змія хату запалыла [2])
Дитямъ каши наварила
Поморщила по столы, [3])
Полетили москали
Сіри гусы въ ірій ірій
По чотыри по чотыри
Полетилы гелъ-гелъ
На могили орелъ
На могили середночи
У козака выйма очи,
А дивчина въ темнимъ гаи
Его зъ виска выглядае.

Въ день лазыла на смитныкахъ
Черепки сбирала,
Примовляла то синови
Гостыньця ховала.
А у ночи росхристана
И простоволоса
Селомъ ходыть то спивае
То страшно голосыть,
Люды лаялы... бо бачте
Спать имъ не давала
Та кропиву пидъ ихъ тыномъ
И бурьянъ топтала.
Диты бигалы зъ паличямъ
У день за вдовою
По улыцяхъ,та сміючись.....[4])
Дражнилы *Совою*.

6
Маія
1844
С: П: Б:

---

[1]) Зразу було: *И тяжко*, але закреслено. В. Д.
[2]) Зразу написано було: *затопила*, але олівцем поправлено: *запалыла*.
[3]) Треба: *постолы*.
[4]) Зразу було: *та дражнылы*...

23. Дівочії ночі.

Невідома досі поема, знайдена цього року в Департаменті Поліції в Петербурзі; датовано її там *18/v 1844*. Текст її тільки що опубліковано в місячнику „Нова Громада“ (X кн.). Подаю текст, не одміняючи правопису копії з оригінала.

Дивычіи ночи.

Высущилы кари очи
Дивычіи ночи.
Черныця Марьяна.

Росплилася густа коса
Ажъ до пояса
Роскрылыся перси горы
Фили середъ моря [1])
Засіялы кари очи
Зори середъ ночи
Билы руки простяглыся
Такъбы й обвилыся
Кругомъ стану, и въ подушку
Холодну въ пилыся
Тай закляклы, тай замерлы
Зъ плачемъ рознялыся.
На що мыни коса краса
Очи голубыни
Станъ мій гнучій... колы нема
Вирнои дружины.
Немае зъ кимъ полюбитысь
Серцемъ подилытысь...
Серце мое! Серце мое!
Тяжко тоби битысь
Одинокому. Зкимъ жыты
Зъ кимъ свите лукавый
Скажи мыни... нащо мыни
Тая слава... слава
Я любить я жыты хочу
Серцемъ не красою!
А мыни ще й завидують
Гордою и злою
Злыи люды нарикають
А того й не знають
Шо я въ серци заховала...
Нехай нарикають
Грихъ имъ буде... боже милый
Чому ты не хочешъ
Укоротыть свои темни
Тяжки мени ночи.
Бо я въ день неодынока
Зъ полемъ розмовляю
Розмовляю и недолю
Въ поли забуваю,
А въ ночи... Та й онимила
Слезы полылыся...
Билы руки простяглыся
Въ подушку впилыся.

18
Маія
1844
С: П: Б:

---

[1]) Зразу було: *зори сердъ мор.* (закреслено).

24. Сон.

Вперше видруковано в окремому виданні К. Климковича (Львів, 1865) [1]); варіант дає і у Львів. Кобзарь 1867 р. В Пражськ. Кобзарі, в примітках, дано варіант з якоїсь рукописної редакції. Крім того, у д. В. Науменка єсть копія, писана рукою М. Максимовича, найпізніща од усіх досі знаних редакцій, через те найцінніща, але, на жаль, зшиток переривається на початку поеми (на словах: „Душе моя убогая! Чого марне плачеш?“). Невеличкі відміни подав О. Кониський (З. Н. Т. т. 39, стр. 21) з рукопису Л. Жемчужникова. Єсть ще одна копія (писана рукою Ченстаховського) в Черниг. муз. імени В. Тарновського, але кінчається вона словами в III розділі:

На квиток повірив москалеви!
От і читай, і йми ти ім віри.

Нарешті, цього року знайдено цю поему в арх. Департ. Поліції; текст той—найперша редакція. [2])

Дата поеми досі була *8/VI* 1844, але тепер (з рук. Департ., Поліції) виявляється, що—8/VII 1844.

Відміни:

394, 11: чи нема *Краіни* — скрізь так, крім копії Максимов., де: *Вкраіни*, але тут така поправка, здається, не буде кращою.

394, 12 — 13: Щоб загарбать і з собою
Взять у домовину,—

скрізь так, але в коп. Макс. стоїть (не правдиво) инакше:

Загарбать *із собою*.

394, 17: гострить ніж,—так скрізь, так і в коп. Макс., тілько в прим. Пражськ. К. — *точить*.

395, 7: на сім світі бажаєте, — скрізь по всіх редакціях так, крім прим. до Праж. К.: *на тім світі благаєте*. Так і в рукоп. Деп. Поліції.

---

1) На жаль, не довелося мені бачити цього видання.

2) Що до усих цих редакцій тексту, то, як можна бачити з їх порівняння, за найпершою редакцією (в Департ. Поліц.) хронологично мусить іти текст рукоп. приміток в Пражск. К., потім редакція Львів. вид. 1867 р., потім копія Ченстах., далі основний текст Пражск. Кобзаря і нарешті копія Максимовича. Про рукопис Л. Жемчужникова тяжко щось сказати, бо всього 4 варіанти вона дає.

395, 17: жалуетесь,—скрізь так (і в коп. Макс.), крім приміт. в Пражск. К. та копії Ченстаховськ., де: *жалкуєтесь*. В рукоп. Департ. Поліції—*жалкуєте*.

395, 8 — 7 зн.: — в коп. Макс. і Ченстах., а також у Львів. 1867 — ці рядки посунуто вправо (инший рóзмір).

395, 4 зн.: *отто-ж* я ліг і спати, — так у Львів. 1867, так і в рукоп. Департ. Поліції (без *і*), але на початку рядка: *отто-ж*; так і скрізь, — а в коп. Макс.: *Оттак я ліг спати*.

395, 2 зн.: то хоч коти гармати, — так скрізь, крім коп. Макс., де: *З* гармати.

396,1: сон на *прочуд* дивний,—у Львів. К. 1867 стоїть: на при́чуд, а в Пражск. 1876 — на *про́чуд*. В копії Ченстахов.: на при́чудь, нарешті в коп. Максим.: на *при́чуд*. Так і в рукоп. Департ. Поліції, В прим. у Пражск.: *найпречудовний*.

396, 2. — в коп. Максим., як і у Львів. вид., цей рядок посунуто вправо.

396, 5: щоб позирнуть на ті дива́, — так скрізь, крім копії Максим., де: *на теє диво*,—мабуть тому, що за *дива́* йде ще: *з-два* і *сова*, — аж три склади підряд з кінцевим *а*.

396, 6: *Так* чорта з-два!—у Львів. 1867: *так*, а в Пражск.—*та*... Так воно і в рукоп. Департ. Пол. В коп. Ченстах. і Максим. теж: *та*... Цей рядок посунути треба вправо.

396, 7: дивлюся: так буцім сова, — так в Пражск. вид.; у Львів.—гірше (бо не стає одного склада), хоч ближче до правди: *дивлюсь: так буцім сова*, а найсправедливіше в коп. Ченстах. та Максимов.: *дивлюсь: так буцім то сова*.

386, 9: *Тенетрами (?!)* — це чудне слово появилося в Пражськ. Кобзарі, і означає воно не що инше, як: *Та нетрями*, чи *та нетрами*. В такій формі воно й стоїть у Львів. К. 1867, в коп. Ченстах. і в коп. Максим. (у нього: *та нетрями*), тілько ці два слова додано до рядка 8-го (попереднього). Так воно стоїть і в рукоп. Департ. Пол.

396, 17: моі муки, моі люті, — скрізь так, крім теї ред., що в прим. Пражск. К., де: *свої... свої*...

396, 18: в *хмарі* заховаю,—скрізь: в хмарі, крім прим. в Праж. К., де: в *хмари*...

396, 12: На розмову тиху, сумну,—в рукоп. Деп. Пол.: *тихо сумну*.

396, 9 зн.: з чистою росою, — в прим. у Праж. К.: *рясною* росою. Так воно і в рук. Деп. Пол.

396, 5 зн.: на ворога *ста*нуть.—у д. Романчука — *стануть*, хоча по всіх редакціях (Льв. 1867, Праж. 1876, коп. Ченстах. і Максим.) — *встануть*. Одначе в рукоп. Деп. Пол.: *стануть*.

396, 3 зн.: удово небого, — треба: удово-небого! В коп. Макс. до того ще: небога!

396, 2 — 1 зн.: Годуй діток! Жива правда
У Господа Бога! —

скрізь так, крім коп. Макс., де не *жива*, а — *живе* правда. Крім того, перед *жива* — краще поставити (:), як це в коп. Ченстаховського.

397, 1: лечу, дивлюся, — треба: *лечу.... дивлюся*. В рукоп. Департ. Пол.: *летим* (?).

397, 5: вітер віє, — скрізь так, тілько в коп. Ченстах. через щось: *вітрець*.

397, 11—Стоять, мов сторожі,—в рук. Деп. Пол.: *мов сторóжа*, і це значно краще.

397, 12: розмовляють *в полі*,—так у Праж. К. 1876, а у Львів. 1867 та в обох копіях рукописних, і в рукоп. Деп. Пол, — *з полем*.

396, 13: І усе те, вся країна, — це знов пішло з Праж. К., де: *і усе ж те*, а у Львів. 1867 і в обох коп. рукописних: *і все то те*; так само і в рукоп. Департ. Поліції. А в коп. Макс. ще навіть *Країна* поправлено на *Вкраїна*.

397, 16 — 17: Раньою росою,
Вмивається, красується,—в прим. в Праж. К.:
Дрібною росою
Споконвіку вмивається.

Так і в рукоп. Деп. Поліції.

397, 16 зн.: І нема тому почину, — в прим. в Пражськ. К.: *загину*.

397, 13 зн.: *а ні* розруйнує, — так почалося з Пражськ. вид., а тим часом у Львів., 1867 в обох рук. копіях і в рук. Деп. Поліції: *І не* розруйнує.

397, 12 зн.: і все то те... Душе́ моя! — в которомусь з пізніщих загранишн. видань (Женевск.?) стрічав я: душе моя убогая! але цей рядок трапляється далі, через оден, хоч в тому „Кобзарі“ його вдруге вже немає.

397, 11 зн.: Чого ж ти сумуєш, — в рук. Департ. Поліції: чого ти (без *ж*).

397, 5: *то* глянь подивися,—в одному котромусь загранишн. виданні: *он* глянь, а в рукоп. Ченстахов. варіант: *поглянь*, подивися.

397, 4 зн.: високо, високо, — треба високо-високо (як от і в Пражськ. вид.)

397, 1 зн.: он глянь, у тім раю, — після *глянь* треба *(:)*. В рукоп. Департ. Пол.: у тім *раї*.

398, 1 — 2: здіймають, — у Льв., в коп. Ченстахов. і в рукоп. Деп. Пол. *зніма́ють*.

398, 3: *панят* недорослих, — версія ця пішла з Пражськ. Кобзаря, а тим часом в рукоп. Департ. Поліц., у Льв. Кобз., в рукописові Л. Жемчужникова, в коп. Ченстаховск.: — *княжат*.

398, 6: едину *надію*, — у Льв. 1867 чомусь *дитпну*, хоча *дитину* стоіть в попередньому рядку.

398, 7: а он-де під тином,—так скрізь, так і в коп. Ченстах., в одному лишень котромусь пізніщому загран. виданні (Женевському?): *а там по-під тином*.

398, 10: а он—бачиш? — в тому самому виданні: а там... а там...

398, 14 — 13.: З двадцятою. недолюдок,
Душі пропиває,—

тут повстає чимале непорозуміння. Одні варіанти, як: копія Ченст., Пражське вид., мають з *двадцятою*..., а инші знов, як от Львів. 1867, окреме видання Климковича (у Львові, 1865) — з *двадцятого, недоліток*....,—тоб-то з 20-го року, „коли панич має маєткові права“, — поясняє Климкович. Вже не кажучи про те, що в такій версії поставала б величезна неясність, яку навряд чи допустив би Шевченко, самий ви́раз (з 20-го року) — нічого не вартий, бо кожному ж відомо, що „маєткові“ права у нас настають для неповнолітніх не з 20-го зовсім року. До того ж—для того, щоб пропивати душі, не обовязково треба мати „маєткові права“, а можна й значно раніш. Нарешті, пізніщі варіанти (от як Жемчужникова, Ченстаховського) ясно говорять, що: з *двадцятою*. В рукоп. Депар. Поліції: з *двадцчтою, недоліток*.

398, 13, — після „душі пропиває“, — в Пражському вид. вставлено два рядки:

Душе моє убогая!
Лишенько з тобою!

Через що іх сюди втиснуто (в одному лишень цьому виданню), не відаю: адже через 6 рядків ці рядки знову є.

398, 10 зн: може й бачить, та помóга, як..., — на *помога* неодмінно треба ставити наголос *(помóга),* щоб не заставляти читача думати, що це глагол: помогá (чи помагá). В коп. Ченстах. навмисне поставлено нáголос: помóга.

Так само краще ставити наголос і в 399, 11: ригá змія (глагол ригáє...). У Льв. К. 1867 стоїть недоладня форма: *рига змії (?)*... Одначе це помилка не видавців того „Кобзаря“, а самого оригіналу, бо в рукоп. Департ. Поліції як раз так стоїть: *рига зміи.*

399, 15: А тим часом,—в рукоп. Департ. Пол.: *та тим часом.*

399, 8 зн. кругом *бори* та болота, — одначе ніде, крім редакції приміт. в Пражськ. К. та рук. Департ. Поліції (значить, найперших двох редакцій тексту) немає *бори,* а скрізь *гори,* і в копії Ченст. *гори.* І коли узяти на увагу, що поет, який летить тут ві сні, летить саме десь коло Уральських гір чи по той бік їх, в Сібіру, бо далі:

Аж слухаю —
Загули кайдани
Під землею...

то *гори* було б зовсім до речи. Одначе наголос, очевидно, у Ш. на борú та болотá, і не позволяє, щоб було *гóри*...

398, 7: туман, туман та пустота, — цього рядка у Льв. К. 1867 немає, — він з'явився в Пражськ. вид.

400, 4 — 5: Що ще есть країна
Неполита слізьми, кровью—

так в Пражськ. вид. [основн. текст.], а у Львів. та в коп. Ченст.

Що ще Україна
Не полита,

а у Льв. навіть *непомита* [очевидно, помилка]. Варіант Пражського, як найпізніший, має найбільшу рацію. До того, і в рукоп. Департ. Поліції: *що ще е* країна.

400, 15 зн: в *мені* душу закували,—в примітк. в Пражськ. К.: *в мýку,* в Пражськ. та Льв. 1867: в *мені,* нарешті в коп. Ченстаховськ.: в *тілі*... Цей останній вар.—найближчий до правди. Так і в рукоп. Департ. Поліції. А в *мені* — давало б, крім усього, ще й нáголос незручний: в: *мéні*...

400, 13 зн.: *І, ганячи силу,*
Думи розпустили?

Такий абсурдний варіант узято з Пражського видання. Що має значити: „ганячи силу, думи роспустити?“ М. Кр-ський здогадувався, що тут треба: *гонячи мою силу*,—але це—одне другого варто. Тим часом у Львів. 1867, а також і в копії Ченстаховського, а нарешті—і в рукоп. Департ. Поліції ясно стоїть:

І галичі силу —
Думи роспустили.

Анальогичне порівняння *думки* з *вороном, галичю* стрічаємо ми у Ш. в віршові „Думи мої, думи:“

Нехай думка, як той ворон
Літає, та кряче...

Взагалі ж Ш. уживав *галич* для порівняння не раз, і в „Єретику“, напр. ми читаємо:

Як та *галич поле крила* —
Ченці повалили...

400, 11 — 10 зн.: ....а карають,
І тяжко карають,

так скрізь, крім двох перших редакц. (прим. в Пражск. К. та в рукоп. Департ. Поліції), де: караюсь... караюсь...

400, 6: після „*пустиня*“ неодмінно треба....., так, як це в копії Ченстаховського.

400, 5 зн.: Мов із тісної домовини,—у Львів. К. 1893: *із темної* такий варіант ніде не стрічається: це просто помилка.

400, 4: останній страшний суд, — в рукоп. Департ. Пол.: *остатній*.

400, 2 зн. не зариті,—в перш. двох ред. (в приміт. в Праж. К. і в рук. Деп. Пол.) — *не убиті*.

400, 1 зн.: не суда *ідуть* просити—слово „ідуть“—з'явилося в Пражск. вид., а в рукоп. Департ. Поліц. та у Львів. К. 1867 його немає, так само як немає і в коп. Ченстаховськ. Вважаючи, що варіант Пражск. Кобз. (основн. текст) —найостанніщий, мусимо його прийняти.

401, 2: в кайданах забиті, — в рукоп. Деп. Пол. найгірший варіант: *в кайданах залиті*.

401, 9: *он-де* злодій, — так пішло воно з Пражськ. вид., а у Львів. К. 1867 та в коп. Ченстаховського стоїть: *от де*...

401, 11: От розбійник,—в рукоп. Деп. Пол.: *он* розбійник.

401, 15 зн.: Цар всесвітній,—так і скрізь, крім прим. в Праж. вид., де: *Всевишній*.

401, 11 зн.: Раз добром налите серце,—в рукоп. Деп. Пол.: *нагріте* серце.

401, 10 зн.: В-вік не прохолоне,—в рукоп. Деп. Пол.: *вік* не прохолоне.

401, 7 зн.: Кому ж ти їх, — в рук. Деп. Поліц.: *Кому ти*.

401, 6 зн.: в серці заховав, — в рук. Деп. Поліц.: *поховав*.

401, 5 зн.: Ой не ховай, брате! розсип їх, розкидуй—в рукоп. Деп. Пол.: *о, не* ховай! Звідкіля: *розкидуй*—не відаю, бо й у Львів. К. 1867, і в Пражск., і в коп. Ченстахов.: розкид*ай*, що й натуральніще. Але може бути, що в перш. редакціях стояло: *розкидуй* [за рукоп. Департ. Пол. — певно не знаю].

401, 4 зн.: і у люде вийдуть,—так у Льв К. 1867, так в коп. Ченстах., так і в перших двох редакц.,—в одному Праж. (основний текст): *і вийдуть з їх люде*, що дає добру рифму з дальшим: *чи вже буде...*

402, 4: То город із стома церквами, — в рук. Деп. Пол.: то городи з стома церквами.

402, 5: А в городі, — в рукопис. Департ. Пол.: А *в городах* [власне: а *в горах*,—але це помилка].

402, 6: Замуштрували москалі—так скрізь, так і має бути,—тілько в копії Ченстаховського, очевидно помилкою: замуштровані москалі, — і після *москалі* — знак [;].

402, 15: То город без краю, — в рукоп. Департ. Пол.: *безкраій*.

402, 13 зн.: Огонь — огнем
Кругом запалало,

так скрізь. Здається, найправильніше в коп. Ченстаховського. Огонь [:] Або ще так: огонь... огнем.

402, 11: Аж злякався,—в рукоп. Деп Пол.: *Аж злякавсь я*.

402, 9 зн.: Цу-цу, дурні,—так скрізь, так і в коп. Ченстаховського, а в рукоп. Жемчужникова: *скажені*.

402, 7 зн.: Що орете? Экой хохолъ! — треба: ореté [з наголосом],—як в коп. Ченстах. В рукоп. Департ. Поліції навіть з аспіративним *г*: що горите [=горете]. І не „хохол“, а хахол, — як це у Льв. К. 1867.

402, 6 зн.: не *знаетъ параду*!—так пішло з Пражск. видання, тим часом як у Львів. К. 1867 і в коп. Ченстахов.: не *знаєшь параду?*.

402, 4 зн.: Сегодня гуляти,—в рукоп. Департ. Поліції: *сегодні.*

402, 2 зн.: вонъ, видишь палати?—знак [,] не треба; у Львів. не *вон*, а *вот*, але в коп. Ченстах.: *вон*... Це, здається, й правильніще; так і в рукоп. Департ. Поліції.

402, 1 зн.: штовхаюся, а землячок — так скрізь, крім рукоп. Департ. Поліції та коп. Ченст.: *шховхаюсь я, аж* землячок.

402, 2: з цинковими гудзиками—в рук. Деп. Поліц.: з *ціновими* (може це й помилка?)

403, 4: Гдѣ ты здѣсь узялся,—в рук. Деп. Пол.: *Де ти здесь* узялся.

403, 5: ...Да какъ же ты,—в рук. Деп. Пол.: так як же ти.

403, 5: Й *гаварить* не вмѣешь,—в коп. Ченст.: *Й говоритъ.* В рукоп. Деп. Пол.: й *говорить не вмієш.*

403, 6: по здѣшнему,—в рук. Деп. Пол.: по здешнему.

403, 6—8,—Ба ні, кажу,
Говорить я вмію,
Та не хочу,

немає ні у Львів. вид. 1867, ні в коп. Ченст., що свідчить про близкість цих двох редакцій і про те, що вони молодші за Пражський основний. В рукоп. Деп. Пол.: *говорить умію.*

403, 9: Я всѣ входы знаю,—в рукоп. Деп. Пол.: я *всі* ходи...

403, 10: Я *здѣсь* служу коли хочешь—в рук. Деп. Пол.: я *тут* служу; коли хочеш.

403, 12: тебя,—в рук. Д. П.: тебе.

403, 13: просвѣщенны,—в рук. Д. П.: просвіщенни.

403, 10 зн.: обік його,—в рук. Деп. Пол.: *обок* його.

403, 9 зн.: жіночка,—в рук. Деп. Пол.: *цариця* небога.

403, 6 зн.: *Та ще й на лихо, сердешна*,—в рукоп. Деп. Пол., у Львів. К. і в коп. Ченстах. немає *й*, а в прим. в Праж. К.: *та не на добре.* В рукоп. Деп. Пол., крім того: сердеш*не.*

403, 5 зн.: *хита* головою,—в прим. в Праж. К.: *трясе.*

403, 1 зн.: тебе, цяцю,— в рук. Деп. Пол.: тебе, *цяце.*

404, 5: на *квіток* повірив,—скрізь так, крім коп. Ченстаховського, де правильно: *квиток.*

На жаль, через два рядки далі копія Ченстаховського кінчається.

404, 7: За панами панства, панства—в рукоп. Деп. Пол.: *за богами...*

404, 18: У сріблі—в рук. Деп. Пол.: в серебрі.

404, 7: Об отечестві,—в рук. Д. П.: О отечестві.

404, 5 зн.: та об муштрах,—в рук. Д. П.: *о* муштрах.

405, 7 зн.: дивлюся я—в прим. в Праж. К.: дивуюся.

405, 12 зн.: по кутках стогнали—в рук. Деп. Пол.: по *углах*.

405, 4 зн.: а берег обшитий,—в рук. Деп. Пол.: а берег.

405, 3 зн.: ввесь камінем,—в рук. Деп. Пол.: *увесь камінем. Дивуюсь.*

406, 3: полито людською, — в рук. Деп. Пол.: *пролито* людською.

406, 8: і дзигарі теленькають,—в прим. в Праж. К.: *дзвонарі* (?); у Львів. 1867: дзигарки (!).

406, 16: Кінь басує,—треба не [,], а.....

406, 12 зн: таке диво поставила,—в рук. Деп. Пол: *наставила*.

406, 8 зн: доконала, — в рук. Л. Жемчужн.: *заковала.*

406, 4 зн: після „ накралися“, треба —.

407, 10: У столицю, — в рук. Деп. Пол: *на* столицю.

407, 12: О Боже мій, — в рук. Д. П.: о *Боже наш.*

407, 14: Проклятий, неситий, – в рук. Д. П.: проклятий, *лукавий.*

407, 15: Гаспиде лукавий! — в рук. Д. П.: Аспиде неситий!

407, 18: благородними кістками, — в рук. Д. П.: *костями.*

407, 10 зн: і Бог не розлучить, — такий вар. тільки в перш. двох редакц., а у Львів. К. 1867 і Пражському основн.:—*не розсудить*.

408, 2: після „сине море“ — краще [?].

408, 4—5: в прим. в Праж. К. після *нашу славу* не (?), а (.), а далі так:

На ту славу, Боже милий,
Глянься, Боже милий!

408, 8: Хмара криє .... сине небо, — в Праж. Кобз.: сине море (!), — одначе і в прим. в Праж. К., і у Львів. вид.: *небо*. Та й яке ж там коло Петербургу може бути *синє море*? В рукоп. Деп. Пол.: *сіре небо.*

408, 13–9 зн: Загнав голих і голодних
У сніг на чужину,
Та порізав із шкур наших
Собі багряницю,
Пошив жилами...

так звичайно скрізь стоїть, і може й вражав де кого вислов: *порізав* із шкур наших ... багряницю, одначе так уже й призвичаїлися до цього варіанту. Тим часом текст Деп. Пол. дає значно кращу відміну:

Загнав . . . . . на чужину
Та й порізав, а з шкур наших
Собі багряницю
Пошив жилами..

Таким чином *порізав* не *багрчницю*, а *голих і голодних*, а багряницю — *пошив із шкур*.

408, 7 зн.: подивися,— у Льв. вид.: подивися *ж*.

408, 6 зн.: церкви *та* палати,— у Льв. вид.: *і* палати. — так стоїть в Праж. вид.

409, 15 зн: і з батька і *з* брата,—другого *з* нема ні в рук. Деп. Пол., ні у Льв. 1867, — воно в Пражськ. К. з'явилось.

409, 13: Де-де поглядають, — в рук. Деп. Пол.: *проглядають*.

409, 12 зн: по московськи так і чешуть, — в перших двох редакц. і в рукоп. Л. Жемчужникова: так і *ріжуть*.

409, 9, — цвенькати не вчили, — в рук. Деп. Пол.: *цвенькать не навчили*.

409, 7: в чорнилі, — в рук. Деп. Пол.: в чорни*лах*.

410, 4—5: в німецьких петлицях
Замучені. Плач. Вкраїно! — в прим. в Праж. К.: *в теплицях заглушені* В рук. Деп. Пол.: в петлицях замучені. Плач, *Украйно*!

410, 12: Старшина . . . . сопе, хропе
Та понадувалась,

в рук. Деп. Пол.: понадува*лось*.

410, 14: поглядала, — в рук. Деп. Пол.: погляд*ало*.

410, 10 зн: він *випучив баньки*, — так почалось з Праж. вид., а в рук. Деп. Пол. та у Львів. 1867: *вилупив*.

410, 9—8: і все затрусилось,
Що осталось, — у Львів. вид.:
І всі затрусились,
Що остались.

410, 7: після *гукає* треба —; в рядку 6 му (після: *дрібних*) і в 4-му (після: сунеться) теж—; так само і в 2-му знизу після: *до москалів*.

410, 1 зн: тяжко застогнали, — в рук. Деп. Пол.: *тільки* застогнали.

411, 5: мій ведмедик, — в рук. Д. Пол.: мій *медведик*.

411, 8: ведмежа натура, — в перш. ред.: *ведмедська*, а в рук. Деп. Пол.: *медвежа*.

411, 10: *я аж* засміявся!—В Пражск: я *як* засміявся! Очевидно, що *як* краще, бо воно й сильніше за: *аж* засміявся..., і „ведмедик“ може б і не почув, як би автор голосно не зареготався...

411, 11: він і почув, та як гикне, а у Львів.: він і почув се—та як *зикне!* В рукоп. Деп. Пол: *зикне.* Але Пражськ. варіант, (*гикне*) видимо, пізніший,—то треба вже його й брати.

411, 20— брати моі милі,—в рукоп. Деп. Пол. та у Льв. вид.: брати любі, милі!

411, 21: я не своє росказував,—а у Льв. вид.: *що не своє росказую*; в рукоп. Деп. Пол.: *що не своє росказав вам*; але в Пражськ. К (росказував) краще.

Дата у Львів. виданні стоїть: червень у Петербурзі 1844. Так і всі вважали, що дата 8/VI, а тим часом вона 8/VII 1844.

---

25. Хустина.

(*У неділю не гуляла*).

Вперше надруковано в альманаху „Луна“ на рік 1881. Автографа немає. Текст цієї поезії, видрукований в „Луні“, досить лихий: бракує в ньому в одному місці аж 2 рядки. В паперах д. В. П. Науменка знайшлася копія цього вірша, писана на 5 боках звичайного почтового паперу з вибитою на першій сторінці короною з літерами „А“ і „К“ [1]). Письмо з 70-х чи початку 80-тих років. Копія ця дуже важна тим, що вона дає і повніщий, і поправніщий текст, ніж той, що в „Луні“ та взагалі в „Кобзарях“. Між иншим, текст цієї копії, мало ріжниться од тексту знайденого цього року в Департ. Поліції, хоч, очевидно і поправніщий за нього і пізніщий. Що до дати, то до сього часу „Хустину“ цю датували р. 1841 (її Шевченко заслав був, в першій редакції, Корсунові для 2-го випуска альманаха „Сніп“), але у зшиткові, що знайдено цього року в Департ. Поліції, вірш цей датовано *18/X 1844.*

Відміни:

153, 1—2: У неділю не гуляла
На шовк заробляла,

---

[1]) Як здогадуюся — А. Корсуна [сина того А. Корсуна, що видав „Сніп“]

очевидно, що тут нетає два склади, та й дальші 2 рядки 8-складові. Так воно й есть, бо в копії д. Науменка і в рукоп. Деп. Пол. стоїть: *та на шовки заробляла.* Д. М. Кр—ський здогадувався, чи не: *на шовк вона* заробляла.

153, 5: „Хустиночко мережена*я*".—В коп. д. Науменка: мережа*на*, і це краще, бо далі додатковий рядок: Вишиваная!

153, 7: після *вигаптую* треба —

153, 11--18—ці два куплети в рукоп. Деп. Пол. переставлено так, що спочатку йде куплет: *Здивуються вранці люде*, а потім: *А я косу розплітаю.*

153, 13 зн: *і в* вікончце, — в коп. д. Науменка: *У* віконце.

153, 3 зн: як *доля* чужая, — в коп. д. Н.: *як инша чужая*, бо перед тим [через 1 рядок] стоїть: *доле* моя, *доле*!

154, 1—2: Чи до тебе доріженьки
У *степу* не знаю? —

в коп. д. Науменка: *У степй* [accusativ.]

154, 8: *богачі* купили, — в коп. д. Н.: *багáті* купили,—і це значно краще (цього вимагає й наголос).

154, 9: може *й* дівчину,— в коп. д. Н. немає „*й*".

154, 11: з иншим одружили, — в коп д. Н.: *заручили*..

154, 12: навчи ж мене, доле, — д. М. Кр—ський здогадується, що тут чогось не стає і радитить: навчи мене, *моя* доле, — і дійсно так: воно в коп. д. В. Науменка: навчи ж мене *моя* доле! (рядок треба посунути вліво).

154, 14 — посунути вправо.

154, 16: ой заплакав сивий пугач, — в рук. Деп. Пол.: *ой застогнав.*

154, 13 зн: та повезім товариша, — в коп. д. В. Науменка і в рук. Деп. Пол.: *„та понесем*..

154, 10 зн: й ворожок питали, — в коп. д. В. Науменка: *Ворожки* питали.

154, 8 — після слів: „в дорогу рушали" — бракувало двох рядків, на що звернув увагу і д. Романчук в своіх „Причинках" (стр. 12—13) і радить ставити тут два рядки крапок або павзи. Ці рядки такі (і в рук. Деп. Пол., і в коп. д. В. Науменка):

Чи то праця задавила
Молодую силу?

і тепер буде зразуміло, чому далі:

Чи то нудьга невсипуща
Його з ніг звалила?

154, 6 — *його* з ніг звалила, — в коп. д. Науменка: *того за нічь звалила*, — очевидно, що якась тут непевність, а може навіть і дві: одна, знати, та, що *його* прочитано за— *того*, а друга, що *за ніч* (за ничь) — зам.: *зъ нигъ*, бо навряд чи нудьга могла б так раптом, за одну ніч, звалити — це одне, а друге — що *„звалити“*, без додаткового *„з ніг“* —було б незвичайним виразом, — треба було б: за ніч з ніг звалила... Певніщ усього, що тут ми маємо у всякім разі одну помилку (за ніч — зам.: з ніг), а може ще й другу (*того* — зам.: його),– принаймні в рукоп. Деп. Пол. правильно стоїть: *його з ніг* звалила.

154, 5 зн.: чи то люде *на*робили, — я вже давніще (в реценз. на вид. д. Романчука [1]) здогадувався, що має бути *по*робили — і так воно і есть в копії д. Науменка: *поробили*.

154, 1 зн: Благав Бога, щоб дівчину,

155, 1: Хоч *свою* побачить, —

в такому контексті безпречний нонсенс: чумак благає Бога, щоб побачить дівчину *хоч свою* (то б то, з нього досить було побачити хоч яку—небудь?) А тим часом копія д. Науменка, а також і рукоп. Деп. Пол. дає нам ключ до справжнього сенсу:

Благав Бога, щоб дівчину,
Хоч *с е л о* побачить...

155, 6: Та й розійшлись — в рук. Деп. П.: *й розійшлися*.

155, 8: з сього світ*у*, — в коп. д. В. Науменка: світ*а*.

155, 16: а дівчина у черницях
Косу розплітає,

в коп. д. Науменко: *у черниці*..

Взагалі ж, що до копії д. В. Науменка, то деякі особливости її (з сього світ*а*, тай розойшлись, — як це звичайно уживає Шевч. скрізь, де тільки *і* постає з *о*) показують, що копію списано з самого автографа, а не з якоїсь иншої ще копії.. Порівняння копії цієї з текстом рук. Деп. Пол. позволяють нам значно реставрувати цей вірш.

---

[1]) Кіев. Стар. 1904, кн. 3.

26. Чого мені тяжко.

Вперше видруковано в „Основі". 1861, II. Автографа немає. Датовано цей вірш, на здогад, роком 1846. Цього року знайдено цей вірш въ Департ. Поліції разом з иншими, і дата під ним: *„13/*XI *1844 у Петербурзі"*.

Відмін у виданню д. Романчука — немає. В рукоп. Деп. Пол. передостанній рядок: невкрите, *голодне* (серце) — читається: невкрите, *розбите*.

---

27. Пустка (М. С. Щепкину).

(*Заворожи мені, волхве*).

Вперше видруковано в „Основі" 1861, кн. I, і дату поставлено там *1846. Кіевъ*. Автографа немає. Цього року вірш цей знайдено разом з иншими в Департаменті Поліції, і дата там *13/*XII *1844*. Заголовку там немає, а починається вірш словами: „Заворожи мені, волхве". В рукоп. Деп. Пол., в найраніщій редакції цього вірша, есть чимало одмін.

17, 11 зн: хату руйнувати, — в рук. Д. П.: *пустку* руйнувати.

17, 4 зн: може вернеться *в некриту* — в рук. Д. П.: *з-за світа*, а далі вставлено два нових рядки:

Хоч в середині обілить
Горілую хату.

17, 2 зн: І укрие, і нагріе, — в рук. Д. П.: *і витопить*, і нагріе.

18, 5: Може ще раз пожурюся, — в рук, Д. П.: *помолюся*. Нарешті після кінцевих слів: *Хоч крізь сон побачу*, стоїть ще чотири рядки, незнаних досі:

Встань же братом (?), *хоч одури,*
Скажи, що робити:
Чи молитись, чи журитись,
Чи тім'я розбити.

Так виглядає ця поезія в найпершій редакції.

---

28. Н. Гоголю.

(За думою дума).

Вперше вірш цей видруковано в Лейпцигу, в книжечці „Новые стихотворенія Пушкина и Шавченки“, р. 1859, стр. 22—23, під загол. „Думка“. Автографа немає. Аж цього року знайдено рукопис в Департ. Поліції разом з иншими поезіями, і виявилося, що дата цього вірша не 1846, II, як стоїть у д. Романчука, або по инших виданнях, а 30/XII 1844, і що заголовок його *Н. Гоголю*. І тепер нам стає зрозумілим, до кого це поет звертається:

Ти сміешся, а я плачу,
Великий мій друже,—

і в иншому місці:

Нехай, брате! А ми будем
Сміятись та плакать.

Де-які варіанти маємо і в Пражському Кобзарі, але вони гірші і, знати, редакція тексту в Пражск. Кобзарі ранійша за Лейпцигську. Текст в Кобз. Льв. 1867 та Кожанчиківському 1867 — однаковий, і в обох — 12 рядків, од слів „Не заревуть в Україні“ і кінчаючи „Та німоті плата“ — немає зовсім. Аж згодом видавці Львівськ. Кобзаря в додатках до 2-го тому додали ці 12 рядків з Лейпцигського видання. Таким чином за основу треба брати Лейпцигський текст, як пізніщий од Пражського. Текст Департ. Поліції, здається, нічим не відріжняється од тексту в вид. Романчука.

Одміни:

14, 4: плаче у самому серці, — в Праж.: у самого серця.

15, 6 — 7: А що вродить з того плачу?
Нічого, мій брате! —

це варіант Пражського К., а в Лейпциг., на жаль, щось невиразне: „богинова, брате!“. Видавці Кожанчик., а за ними й Льв. 1867, читали це, як „болиголов, брате“.

15, 11: своеі дитини, — в Праж.: *рідноі.*

15, 12 — 13: За честь, славу, за братерство,
За волю Вкраіни, —

це варіант Лейпциг. вид., тільки там *Краіни*, що й треба лишити. В Пражск. К. значно гірший варіант:

За честь, за віру і за братство,
За славу Вкраїни.

15, 14: не заріже, викохає, — після „заріже“ треба (:).

15, 12 зн: сміятись та плакать, — в Лейпц. і в Праж. сміяться.

---

29. Не завидуй багатому.

Вперше видруковано в „Осн.“ 1861, III. Автографа немає. Датовалося досї (приблизно) р. 1846. Цього року знайдено цей вірш разом з иншими в Департаменті Поліції, і дата там стоїть: 4/X 1845. Миргород.

Одміни тексту Деп. Поліції проти „Основи“ та тексту вид. Романчука:

88, 8 зн: не має, — в рук. Деп. П.: *не знає*.

38, 3 зн: кровю та сльозами вильле, — в рук. Д. П.: *тяжкими* сльозами *вилив*. Очевидно, пізніщий (Кожанч.) текст — поправніщий. Тілько чи дійсно то Шевченк. поправки?

---

30. Не женися на багатій.

Вперше видруковано в „Основі“ 1861, III. — Автографа немає. Досі датовалося [III. 1846]. Цього року в архиві Департ. Поліції знайдено цей вірш разом з иншими. Дата там стоїть: *4*/X *1845*, *Миргород*.

Одміни тексту Деп. Пол. проти „Основи“ і Романч. вид:

87, 5: та ніхто не розважає, ніхто не питає, — в рук. Деп. Пол.:

Та ніхто *не докучає*,
І не розважає.

87, 6: чого болить? і де болить? — сам про тее знаєш, — в рук. Деп. Пол.:

Чого болить? і де болить?
Ніхто не питає.

87, 8: брешуть люде: легче плакать, як ніхто не бачить, — в рук. Деп. Пол.:

Не потурай: легче плакать,
Як ніхто не бачить.

Крім того, вірш цей в рук. Деп. Пол. видруковано не у 8, а в 16 рядків, що значно краще.

---

31. „Єретик“ або „Іван Гус.“

Початок „Посланія“ видруковано вперше р. 1861 в „Основі“ (кн. I), а незабаром вийшло літографоване видання у Відні р. 1863 (оригінал „Посланія“ і частини поеми зостався у сина П. І. Шафарика, професора чешс. техн. Акад. в Празі). Варіанти дає текст, видрукований у „Правді“ р. 1873 [1]), (ч. 15 і 16), а також є вони у Пражському Кобзарі, де крім того в примітках дано варіантн ще з якогось рукопису. Варіанти дає також текст з рукопису Л. Жемчужникова (З. Н. Т. т. 39), але тільки для I і II розділів, — без „Посланія“. Оден листочок автографа з „Гуса“ з поправками Шевченка есть і в Чернигів. музеї імени В. Тарновського (од слів „Розбойники, людоїди“ до кінця розділу — до „Папськоі булли“), а копія з перших 7 рядків того самого автографа есть в паперах В. П. Науменка. Нарешті дуже цінна знахідка цього року — в архиві Департ. Поліції, де знайдено *цілу* поему, з датою 10/X 1845. („Посланіе“, як відомо, датовано 22/XI 1845).

Хронологично редакції ці стоять так:

а) що до „Посланія“, то найдавніща та, що в Праж. Кобз., далі — рук. Деп. Пол., потім — літографованого вид. 1863, і найпізніща — Кожанчиківська; б) що до самоі поеми, то: 1) рук. Департ. Пол., 2) коп. Жемчужникова, 3) близько до неї—

---

1) Редакція „Правди“, подаючи текст, додала таку примітку: „подаємо у сему н-рі одну, а в другому подамо ще другу із доси еще нігде недрукованоі поеми Тараса Шевченка „Иван Гус“, пересланоі поетом славному Шафарикови. *Першу частину чули ми перед то літами і запамятали собі деякі варіанти,* котрі також тутки наводимо. Початок звісний буде і нашим читателям, бо був у нас вірно після рукописи відфотографований“. З підкресленого вище речення я бачу, що примітку зробив д. Ю. Романчук, який і подав „Івана Гуса“ до „Правди“, про що він пише до мене в листі з 24/VII 1906: „деякий відпис (з нецензурних поезій) і затратився у мене, але лишився в моій памяти, і я подав его до Правди з 1873 р. “В „Правді“ р. 1873, крім „Івана Гуса“, инших Шевч. творів не друковалося. В „Правді“ „Посланіе“ не видруковано.

та копія, що в примітках у „Правді“, хоч та що в „Правді“ — пізніща; далі: 4) автограф музея Тарновського, потім нарешті 5) Пражськ. К. (Основ. текст). Текст в виданню Романчука взято з „Правди“ р. 1873, де він же і видруковав вперше початок поеми.

Одміни:

467, 3: сусіди злі – в рук. Деп. Пол.: *Злі сусіди;* в Праж.: *сусідоньки* (так і в рукоп. Шафарика).

467, 4: та й полягли спати, — в рук. Д. П.: *й полягали.*

467, 5: І забули теплий попіл., — так в Кожанч., а в рук. Деп. Пол. і Праж.: *сірий попіл.*

467, 6: *по полю* розвіять, — так в Кожанч., а в рук. Деп. Пол. і Праж.: *по вітру.*

467, 11: Підпалу жде, — в Праж.: *жде підпалу.*

467, 13: злого часу, — так в Кож., а в Праж.: *непевного* (з рук. Шафар.).

467, 14: тихо дотлівала, — так в Кож., а в Праж.: *незримо сіяла.* В рукоп. Деп. Пол.: *тліла — дожидала.*

467, 12 — 11 зн.: Сімю славян раз'єдинила
І нишком — тихо упустила, —

так в Кож. К., а в Праж.:

Славян тих славних порізнила
І тихо — тихо упустила.

467, 11: *Усобиць*, — так в Кож. і в Пражськ., але в літограф.: усобищъ; так і в новознайд. частині поеми — *усобиц* (див. далі).

467, 10 зн: — після цього рядка — новий розмір.

467, 8 зн.: пожар погасили, — так в Кож., а в Праж.: *загасили.*

467, 6 зн.: й сиріт поділили, — в Кож., а в рук. Деп. Пол. і в Пр.: *розділили.*

467, 3 — 2 зн.: І забули у неволі,
Що вони на світі, —

це вар. Пражськ., а в Кожанч. і в літографов. (1863):

І забули невольники,
Чиї вони діти.

468, 7: смілим орлім оком, — так в Кожанч. і в Праж., а в літограф: „смілим *добрим* оком“.

468, 9 зн.: слава тобі, *любомудре*, — так в Кожанчик., а в Праж.: „*славянину*“!

469, 1: і *з добрим* кормилом, — так в Праж.; в Кожанч.: *з* немає.

469, 4: слава ж тобі, Шафарику, — в Кожанч., а в Праж.: *слава тобі, славний чеху.*

469, 6: що злив-єси в одно море, — так в Кожанч., а в Пр.: *злив єси в одно море.*

469, 9: лепту думу, — скрізь: *лепту — думу*, — так і треба.

469, 10: про Чеха святого, — в літографов.: *святого* — підкреслено.

469, 13: а я нишком, — так в Кожанч., а в Пр.: *а я тихо.*

469, 6 зн.: бысть сей, и есть дивенъ, — треба бысть *сіе*, и есть *дивно.*

470, 2: людською кровію *торгує*, — в рукоп. (прим. Праж.) — *шинкує*, так і в рук. Деп. Пол. і в літограф. 1863, так і в рукоп. Л. Жемчужникова, так і в копії В. П. Науменка з автографа муз. Тарнов. За цим рядком в рук. Жемчужникова вставлено: *небесний царю!* суд твій всує.

Такий варіант подано в примітках в „Правді“ р. 1873; так воно і в першій редакції — в рук. Деп. Пол., так і в літографов. вид. 1863, так як і в прим. в Пражськ. К., де: Небесний царь! І суд твій всує.

470, 10: *люде стогнуть у кайданах*, — так в Пражськ. основному, а в примітках у „Правді“ і в перш. редакц. (Деп. Пол.):

Земля плаче,
Як за дітьми мати.
Нема кому розкувати,
Одностайне стати.

Такий самий варіант і в рукоп. Жемчужникова, лишень зам. „як“ — „*мов*“. В автографі музея імени Тарновського — так, як в Пражському.

470, 16 зн.: чи настане великий час, — в прим. у „Правді“: час великий, а в рук. Деп. Пол.: *ні! настане час великий.*

470, 14 зн.: чи розломим три корони, — так в Пражськ., а в вар. Л. Жемчужникова та в приміт. у „Правді“: чи розібем. В автографі муз. імени В. Тарновського зразу було: *чи розломи́мо корони*, але Ш. олівцем поправив згодом: *чи розломим три корони.* В перш. ред. (рук. Деп. Пол.): *чи розпадуться корони.*

470, 12 зн.: Розломимо.... Благослови, — в примітках у „Правді“: *розібємо*, в рук. Д. Пол.: *роспадуться*, а в коп. Жемчужникова: „Благослови, милий Боже!

470, 11 зн.: не на месть і муки, — в рук. Деп. Пол.: *на месть і на муки*, — як раз противне тому, що в дальших редакціях.

470, 8: й слово тихее! о Боже, — так в Праж., а в автогр. муз. імени Тарн. зовсім правильно: *І* слово тихее... Цього рядка і дальшого — в рук. Деп. Пол. зовсім немає.

В автогр. муз. імени Тарновського після „І слово тихее" було одразу так написано (цікаві подробиці):

... Ні, ні!
Вони поснули, не почують.
Огнем збужу іх, напою,
Напою і нагодую
Голодних кровію ... , а олівцем дописано
Царів неситих,

але все це рукою Ш. закреслено, і замість цього всього дописано: о Боже! чи вони ж почують? — те, що й маємо ми в „Кобзарях", а зате далі цілий рядок крапок.

Али чи це частина автографа 40-х. років, чи перерібка з кінця років пятьдесятих? Листочок цей узято з того чималого зшитку (на ньому позначено стор. 93), од якого зберігся чималий шмат на 10 листочках і який містить в собі автограф „Невольника"; зшиток цей, очевидно, виготовлявся до друку, бо в „Невольникові", напр., вставлено одну чвертку паперу і на ньому не Ш-ою рукою вписане те, що вважалося нецензурним. Та про це буде мова далі.

Випадково, набрів я на слід цього автографа в паперах В. П. Науменка, де до копії „Посланія" (в тій редакції, що була літографована р. 1863 у Відні) додано таку примітку: „Стихотвореніе это находится въ рукописи автора, написанное на сложенномъ листѣ бумаги, начиная съ первой странички, которая помѣчена въ верхнемъ правомъ углу цифрой 90; слѣдующіе затѣмъ листики послѣдовательно помѣчены цифрами 91, 92, послѣдній безъ помѣтки. Заглавіе написано: „Шафарикови"; надъ заглавіемъ поставлена крупнымъ почеркомъ цифра 6; эти цифры, а также то, что непосредственно слѣдующее за симъ стихотвореніе начало поэмы „Єретикъ" помѣчено цифрой 7, показываетъ, что это отрывокъ отъ большей тетради. Данное стихотвореніе занимаетъ первыя 5 страницъ. Тутъ же находятся слѣд. сдѣланные другой не Шевченковой рукой помѣтки: вверху надъ заглавіемъ—Власноруччя (автографъ) незабутнёго Українського Кобзаря, Тараса Григоровича у „Народній Домъ" на незабудь скла-

дає Українець Василь Білозерський 29 січня 1863 року. Петербургъ“.

Таким чином — той аркушик автографа, що есть у Черниг. музеі і вгорї має число 93 — це уривок з того зшитку, про який йде мова в копії д. Науменка. З того ж самого зшитку, очевидно, і 10 листочків автографа „Невольника“. Та обставина, що найдавніщу версію „Гуса“ досї ми мали в коп. Жемчужникова, а редакція автогр. Черниг. музея пізніща навіть за примітки у „Правді“ і найближча до останньої редакції (в Пражськ. К.) — свідчить, що Черниг. автограф належить до часів, коли частина „Гуса“ була знайдена в Москві, і Ш. її, очевидно, поправив. Що взагалі рукопис з шматком „Івана Гуса“ та „Невольником“ належить не до 40-х, а до кінця 1850-х — свідчить і текст „Невольника“, виправлений, не такий, як був він в р. 1845 (як це знаємо ми з рукоп. Департ. Поліції).

470, 4 зн.: Роскувать
Народ замучений, —

так в Пражськ. а в примітках у „Правді“ і в автогр. муз. імени Тарновського:

Розірвать
Окови адові —

а в рук. Деп. Пол. та близькій до неї коп. Жемчужникова — так:

Оттак у келії правдивий
Іван Гус думав *розірвать*
Окови адови.

471, 1: Поборюсь! — так в Пражськ., а в примітках у „Правді“: помолюсь.

471, 2: за правду Бог! — так в Пражськ., а в примітк. у „Правді“: *за мною Бог*; в рукоп. Деп. Пол. і коп. Жемчужникова: *за мене Бог*.

471, 4: пїшов молиться *вірний* Гус, — так в Пражському К.; в рук. Деп. Пол.: *добрий* Гус, в рук. Жемчужник. стоїть: *щирий*; так було зразу і в автогр. муз. імени Тарн., але Шевч. поправив на: *певний*. Але маючи на увазі, що редакція Пражськ. К. найостанніща — найкраще буде: *вірний*.

471, 12 — 13: Рабинї божиїй оттій,
Що водили...

в рук. Департ. Пол. кращe:

Рабині божій —
Оттій самій,
Що водили

471, 15. Що хилялась, — в Пражськ.: хилилась. В рук. Деп. Пол. виповнено ту недостачу, що по всіх „Кобзарях“ означено після *хилялась* знаками — — —, і читається так: *Оттій самій, що хилялась.*

471, 14: по шинках, по станах, — в рук. Деп. Пол.: по станях... Чи правильно прочитано, і чи тут справді має бути *станї* (конюшні), а далі (473, 8) вже *стани* [Аж трясуться стани від шопоту) — напевно не скажу. Очевидно тілько, що в останньому разі *станї* не може бути.

471, 5: І вільних розум окував, — в рук. Деп. Пол.: і *вільний розум.* Це, здається, буде справедливіще.

471, 2 — 1: Проснiться, чехи, змийте луду,
Розправте руки, будьте люде;

в Пражськ. так, тілько немає (як в „Правді“) слів: *розправте руки,* — а в коп. Жемчужникова стоїть так:

Розправте руки, змийте луду,
Проснітесь, Чехи.

Так воно і в рук. Департ. Пол., тілько: *прокиньтесь,* Чехи!

472, 2: в тіярах, — у Ш. та і в „Кобзарях“: тіарах.

472, 4: Мов у Москві Татари, — очевидно, тут недоставало 2-х складів (розмір тут скрізь 9-складовий). Д. М. К-ський здогадувався, що треба: *які татари.* Цей дефект поміг нам поправити рук. Деп. Пол., де стоїть: *мов у Московії татари.*

472, 12: святим положено конклавом, — в рук. Деп. П.: *отим* положено.

472, 15: після „за буллу вдвое“ треба —

472, 11 зн.: — після слів: не діеш без вини нікому, — рукой. Л. Жемчужникова чимала вставка:

Молюся Господи помилуй!
Спаси ти нас, святая сило!
Зломи язик мій за хули
Та язви мира изціли:
Не дай згнущатися лукавим
І над Твоею вічной славой,
Й над нами, простими людьми“.

Все це взято з рукоп. Департ. Поліції, де такий самий цей уступ, тільки зам. *зломи язик — язвй язик.*

472, 9 зн.: і *тяжко* плакав, — так в Пражськ., а в коп. Жемч.: і *гірко*. В рук. Деп. Пол.: *тяжко*.

472, 8: що він діяв? — в рук. Деп. Пол.: *діє*.

472, 7: на кого руки піднімав, — так в Праж., але *руку*. В коп. Жемчужникова: „руки“. Очевидно, що *руку* правильніше. В рук. Деп. Пол.: *підійма*.

Далі і в „Правді“, і в Пражськ. К. 2½ рядки випущено (стоять крапки), — а просто читається:

„Всі здрігнули:
Іван Гус буллу розідрав....

Це місце есть в копії Жемчужн., але трохи инакше:

Дивіться люде: ось де булла,
Що я читав!“ І показав
І перед народом
Іван Гус буллу *розірвав*

(у Романчука чомусь: *розідрав*).

473, 4,—після цього рядка в коп. Жемчужникова так:

Зашипіли мов гадюки,
Ченці в Ватикані,
Шепочеться Авиньона...

Це взято з рукоп. Деп. Пол. Здається, й треба писати Авиньона, а не Авиньоно (як напр. в Пражськ. Кобз.).

473, 9: *Від* — в рук. Деп. Пол: *од*.

473, 17: як зачули, — в рук. Деп. Пол.: *як згадали*.

473, 12 зн: Зібрав раду. Положили, — в „Правді“ і в Праж. Кобз. слів „зібрав раду“ немає, — це взято з копії Жемчужникова, а коп. Жем. — з рук. Деп. Пол.

473, 10 зн: Против Гуса, і в Констанцу
Всіх ворон скликати,

цих рядків немає ні в „Правді“, ні в Пражськ.—там тільки:

І всіх . . . . . .
. . . . . скликати;

повний текст узято з копії Жемч. а це те саме, що й в рук. Деп. Пол.

473, 8 зн: Та і стерегти як мога, — в рук. Деп. Пол. цей рядок значно краще: *тай стерегти, яко мога.*

473, 6 зн: щоб не втікла тая птаха, — в рук. Деп. Пол.: *сіра птаха.*

473, 2 зн: До Констанци—в відомій досї частині обидва рази „Констанца", а в новознайденій частині скрізь уже „Констани", і в рук. Деп. Пол.: і в Констанці. Крім того, в рук. Деп. Пол. не *шляхи, степи,* а: *степи, шляхи.*

Щоб мати увесь дотичний тексту матеріал вкупі, подаю і знайдений в Деп. Пол. кінець поеми, додержуючи правопису оригіналу, поскільку його додержано в журналі „Былое" [1906, Іюнь], де видруковано вперше. На жаль, як знати, в тексті переписувач та друкарі зробили не одну помилку.

Відомий нам текст поеми кінчається словами:

Ченці повалили: шляхи, степи,
Мов сарана вкрили

Цей текст перервано на пів слові, бо далі говориться, хто саме вкрив:

Бароны, Герцоги и Дюки
Псари, Гирольды, шинкари
И Трубадуры, (Кобзари)
И шляхомъ висько мовъ гадюки.
За Герцогинями нимота
Хто зъ соколами на рукахъ
Хто тишки [1]) верхи на ослахъ
Такъ ажъ кишить! все на охоту
Мовъ гадъ у ірій поспиша!
О Чеху! де твоя душа??
Дывись шо сылы повалыло
Мовъ Сарацына воювать
Або велыкого А т и л у!

У Прази глухо гомонять,
И Цесаря, и Вячеслави [2])
И той соборъ тысячеглавный
У голосъ лають! не хотять
Пускать въ Констанцъ Ивана Гуса!
„Живъ богъ! жива душа моя!
Браты я смерти не боюся!
Я докажу отымъ зміямъ
Я вырву ихъ не сыте жало!..
И чехи Гуса провожалы
Мовъ диты батька...

Задзвонилы у Констанци
Рано въ уси дзвоны.
Збиралыся кардиналы
Гладки та червони
Мовъ буган въ загороду
И прылативъ лава.

---

[1]) Очевидно, треба: *пішки.*

[2]) Очев.: *і Вячеслава.*

И три папы, и баронство
И винчани главы:
Зибралыся мовъ іуды
На судъ нечестивый
Противъ Христа. Свары, гоминъ,
То реве, то вые [1])
Якъ та орда у табори,
Або жиды въ школи...
И, всимъ разомъ зацинило!..
Мовъ кедръ середъ поля—
Ливанского,—у кайданахъ.
Ставъ Гусъ передными!
И окинувъ нечестывихъ
Орлимы очима.
Затрусилысь, побилилы
Мовчки озирали
Мученыка.—„Чого мене
Чи на прю позвалы?
Чи дывиця на кайданы??..
„Мовчи чеше смилый...
Гадюкою зашипилы
Звиремъ заревилы.
„Ты еритыкъ! ты еритыкъ!“
Ты сіешъ росколы!
Усобища розвиваешъ [2])
Святійшой воли —
Не прыймаешъ!.. „Одно слово!“
Ты богомъ проклятый!
Ты еритыкъ! ты еритыкъ!..“
Ревилы прелаты
Ты усобныкъ!.. „одно слово
Ты всимы проклятый!..
Подывився Гусъ на Папы
Та й выйшовъ зъ палаты!..
„Поборолы! поборолы!..
Мовъ обеленилы.
Автодафе! автодафе!..
Гуртомъ заревилы.

И цилу ничъ бенкетовалы
Ченьци, Бароны... вси пилы
И пьяни Гуса проклыналы
Ажъ поки дзвоны загулы.
И свитъ наставъ... Идуть молыця
Ченьци за Гуса. Зъ загоры
Червоне сонце ажъ горыть,
И сонце хоче подывиця
Що будутъ зъ праведнымъ творить?!..
Задзвонилы въ уси дзвоны
И повелы Гуса
На Голгофу у кайданахъ
И нестрепенувся...
Передъ огнемъ [3]), ставъ на ёму
И молитву діе.
„О Господы милосердый
Шо я за подіяв
Опымъ людямъ? твоимъ людямъ!
Защо мене судять!
Защо мене розпинають!
Люды! добри люды!
Молитеся! неповинни [4])
И зъ вами те буде!
Молитеся! люти звири
Прыйшлы въ овнихъ шкурахъ
И пазори розпустыли...
Ни горы, ни муры
Не сховають. Розильеться

---

1) Мабуть: *те* реве, *те* вые.

2) „Розвиваєшъ“—од слова „віяти“, „розвіяти“...

3) Спочатку було—„костром“ (прим. ред. „Былого“).

4) Здається, що інтерпункція повинна бути инакша, а власне: „молитеся, неповынни“.

Червонее море
Крови! крови, зъ дитей вашихъ,
О горе! о горе!
Онъ де воны! въ ясныхъ ризахъ [1])
Ихъ лютіи очи... „палы! палы!
Уже крови... „палы, палы!..“
Крови! крови хочуть!
Крови вашой!..[2]) и дымомъ
Праведного вкрило.
„Молитеся! молитеся
Господы помилуй
Просты ты имъ бо не знають!..“
Та й нечуты стало!
Мовъ собаки коло огню [3])
Кругомъ чеиьци сталы.
Боялыся шобъ невылизъ
Гадыною зъ жару
Та не повисъ на корони
Або на тіари.
Погасъ огонь, дунувъ витеръ
И попилъ розвіявъ.
И бачилы на тіари
Червоного змія. [4])
Прости люде. Пишлы чеиьцы
Й te Deum спивалы
Розійшлыся по трапезахъ
И трапезувалы
И день и ничъ, ажъ попухлы.
Малою симьею
Зійшлысь чехи. Взялы земли
Зъ пидъ костра, и знею
Пишлы в Прагу. Отакъ Гуса
Чеиьци осудыли
Запалилы... та божого
Слова не спалилы,
Невгадалы шо вилытыть
Орелъ изъ захмары
Замись гуся и розклюе
Высоку тіару.
Байдуже имъ, розлетилысь
Мовъ тіи вороны
Зъ кровавого того свята.
Чеиьци и Бароны
Розвернулысь у будынкахъ
И гадки не мають
Бенкетують, та инколы
Те deum спивають.
Все зробилы... постривайте
Онъ надъ головою
Старый Жижка зъ Таборова
Махнувъ булавою.

10 октября
1845
С. Марьинское.

---

32. Невольник.

Вперше видруковано в „Основі“, 1861, кн. 4 і 1862, кн. 6 [„Епілог“], але з де-якими опущеними місцями, які вперше з'явилися в Пражському „Кобзарі“, хоч теж не всі. Варіантів до цієї поеми досі не відомо було ніяких. Автограф есть в Черниг. Музеї імени В. Тарновського, але не стає в ньому початку — до слів

---

[1]) Очев.: онъ де воны — въ ясныхъ ризахъ.
[2]) Очев.: *вашої.*
[3]) Спочатку було—„кругом костра“ (Прим. ред. „Былого“).
[4]) Крапки тут не треба.

„І треба б, — каже, — й трохи шкода“, усього епілога та в середині — од слів „Недалеко. А на той рік“ до кінця II розділу. Автограф цей пізній—з другої половини 1850-тих років, теї самої останньої редакції, яку взято до „Кобзаря“. Дуже цінний автограф знайдено цього року в Департаменті Поліції. Хоч він і найраніщий, але дуже одмінний [навіть з иншим заголовком: „*Сліпий*“, замість „Невольник“], а крім того в ньому подано усі ті уступи, що по всіх „Кобзарях“ означено крапками. Дата поеми—16/х 1845.

Хоча до цієї поеми варіантів до цього часу не було, одначе одміни в вид. Романчука есть,—мало не всі вони помилки, а часом то й явні власноручні д. Романчука поправки.

Але попереду — про „Посвяту“. „Посвята“ в рук. Департ. Пол. дуже одмінна, через що подаю її тут цілком [1]:

Думи мої молодиї,
Поховані діти,
Не літають з того світа
Пустку натопити.
Покинули сиротою
З тобою одною [2])
Моє серце, моя зоре
Раю мій покою!
Ніхто не зна мого раю
І сама не знаєш
Що вітаєш надо мною
Як зоря над гаєм
І дивлюся я дивлюся
А ти моя зоре
Спускаеся низесенько
Тихо заговориш
Усміхнеся подивися
Дивлюсь, і не бачу...
Прокинуся плаче серце
І очи заплачуть

Спасибі зіронько! Минає
Неясний день мій вже смеркає
Над головою вже трясе
Косою смерть. І поховають

---

[1]) Задержуючи інтерпункцію оригінала.

[2]) Тут, очевидно, має стояти (,).

А там і слід мій занесе
Холодний вітер. Все минає
І ти случаєм прочитаєш
Вилиту сльозами
Мою думу. І тихими
Тихими речами
Проговориш. Я любила
Я його любила
І він не знав... Зоре моя
На мою могилу
Світи зоре. А я буду
З за світа літати
І про тебе моє серце
На небі співати.

Одміни проти вид. Романчука:

445, 14: після день мій—треба (;).

445, 11: після „непевний“ треба .....

445, 1 зн.: світ перехожає, — в рук. Деп. Пол.: *світ перепливає.*

446, 1: Долї, доленьки шукає, — в рукоп. Деп. Пол.: *шука долі — не находить.*

446, 3: А той рветься, — в рукоп. Деп. Пол.: *иншій* рветься.

446, 7: а в иншого сїромахи, — в руп. Д. II.: *а в третього, як у старця.*

446, 11: мов дитинка, — в рук. Д. П.: *як.*

446, 13: І за чвертку закладає,—в рук. Д. П.: *І жидові заставляє.*

446, 14: сидить собі сїромаха, — в рук. Д. II.: *наш сирота.*

446, 12 зн.: такая то доля тая, — в рук. Д. П.: *А така то тая доля.*

446, 10 зн. — кого схоче, сама найде, — після *схоче* треба —. В рук. Д. II.: *кого любить* — сама найде.

Далі 6 рядків [„Ще на Україні веселі...] в рук. Д. II. немає.

447, 5: — цього рядка в рук. Д. II. немає.

447, 6: „І треба б“,— каже,—й трохи шкода — в рук. Д. II.: *„І треба б то, і шкода.*

447, 7: А треба буде; два-три года, — в рук. Д. II.: ні, буде треба *хоч два года.*

447, 8: погудяє, — в рук. Д. II.: *поблукає.*

447, 16: І вшкварив, — рук. Д. II.: *і вдарив.*

447, 16 зн.: старий грає, промовляє,—і в Кожанч., і в Праж., і в Черниг. автографі — примовляє.

447, 11 зн.: До другої не ходив, не любив—в рук. Д. II.: *та другої не любив, не любив.*

447, 8 зн.: та троїстиї музики, — в рук. Д. II.: *та троїсті музики.*

447, 7 зн.: од вік*а* до вік*а*,—у всіх трьох джерелах *а* в обох словах.

447, 5 зн.: ой гоп! — в автогр.: ой гоп[,]

447, 1 зн.: А нуте, діти, оттакої, — в рук. Д. II.: *А ну, діти! отак, діти!*

448, 14: ні не така вже—в Черниг. автогр.: ні не *та* вже,—

448, 15: стара моя сила, — в рук. Д. II.: *моя стара сила.*

448, 5 зн.: то я не син, — треба (?).

448, 4 зн.: *А* чужий вам, тату? — так і в Праж., і в Кожанч., але в автографі: *Я.* В рук. Д. II.: *Я не син ваш, тату?*

448, 3 зн.: та не чужий! стрівай лишень, — в рук. Д. II.: *та ні, не син;* стрівай лишень.

448, 1 зн.: таки твоя, — рук. Д. II.: ти й зостався.

449, 2 — 3: Моїй жінці: А що, — кажу,—
Візьмем за дитину, — в рук. Д. II.:

Таки жінці: а знаєш що?
Во́зьмим за дитину.

449, 5 — 6: -- в рук. Д. II. немає.

449, 7 — 8: Ми та й спарували
З Яриночкою до купи, — в рук. Д. II.:

От ми й спарували
Вас з Яриною до купи

449, 10: Ось що робить: ти на літі,
І Ярина зріє, — в рук. Д. II.:

Ось бачиш що! ти на порі
І Ярина спіє.....

449, 11: людей шукать, — в рук. Д. II.: *питать.*

449, 16: сестра тобі,—в рук. Д. II.: *сестра твоя?*

449, 18 — 19: Воно просто: любітеся,
Та й з Богом до шлюбу, — в рук, Д. II.:

Вона просто, як любитесь,
То й жінкою буде.

449, 20: А поки що, треба буде, — в рук. Д. П.: *Та перш ось що: треба буде.*

449, 11 зн.: *А* просто жнуть, — в Кож. і Праж. теж *а*, але в Черниг. автогр. було зразу: *А*, а потім виправлено на „*І*".

449, 5 зн.: так от як, друже,—в рук. Д. П.: *брате.*

449, 4 зн.: на рік, — в рук. Д. П.: *на год.*

450, 1: Не думай! Коли хочеш знать,—в рук. Д. П.: *А коли хочеш, сину, знать.*

450, 5: Я їх чимало попоїв, — в рук. Д. П.: *А я їх їв.*

450, 7 — 8: Коли здобудеш, принесеш;
А коли згубиш, поживеш. — в рук. Д. П.:

Коли заробиш — принесеш,
А не заробиш — поживеш.

450, 8 — 9,—в вид. Романчука, в Пражськ. і в Кож. К, стоїть так:

А коли згубиш — поживеш
Моє добро! то хоч звичаю..

В автографі в муз. імени Тарн. хтось (не Шевченко) олівцем так поправив:

А коли згубиш — поживеш:
Моє добро! —

і тоді логичний наголос на *моє*. Чи так воно й повинно бути — я не певен. Принаймні, в рук. Д. П. (:) немає.

450, 9: моє добро! то хоч звичаю, — в рук. Департ. Пол.: *та звичаю.*

450, 12: Як у бурсї, — в рук. Д. П.: *як у Братстві.*

450, 14: з товариством прочитаєш, — в рук. Деп. Пол.: *на синьому* прочитаєш.

450, 15, 17: по молодечи, по-чернечи, — в рук. Д. П.: по-молодечій, по-чернечій.

450, 16 зн.: помолившись Богу, — в рук. Департ. Пол.: *помолимось Богу.*

450, 15 зн.: осідлаєм буланого, — в рук, Д. П.: *та сивого осідлаєм.*

450, 14 зн.: тай гайда, — в рук. Д. П.: *І гайда.*

— 12 зн.: чи ти вже, Ярино; — в рук. Департ. Пол.: що ти там, Ярино.

450, 11 зн.: змайструвала нам що небудь, — в рук. Д. П.: *Змайструвала? Уже, тату.*

450, 9 — 8 — немає в рук. Д. П.

— 6: не чуть голови! — в автогр. в муз. імени Тарнов. *не чуть голови.* В рук. Д. П. після цього рядка вставлено ще рядок: *ниначе немає, ніби нежевий.* Потреба в цьому рядку велика, бо без нього немає рифми до *голови,* тоді як *до бе́ться* — есть і *бере́ться.* і *сміється.*

451, 2: Ярина питає, — в рук. Д. П.: *очима спитала.*

— 3: ніби-то й не чує, — в рук. Департ. Пол.: *нібито й не бачить.*

451, 4: старий промовляє, — в рук. Д. П.: *примовляє.*

— 6: до вечерні може, — в рук. Д. П.: *Може до вечерні.*

451, 7—9—в Черн. автографі рядки розставлено так, як у Пражському виданню: 7 — 8 посунуто вправо, а 9 — ще більш вправо.

451, 11: чого се ти плачеш?—в Черн. автографі теж „се“,—що у Шевч. рідко трапляється. В рук. Д. П.: чого *бо* ти плачеш.

451, 12: Усміхнися, подивися, — в рук. Д. П.: *усміхнися бо до мене.*

451, 17: утечу, ій Богу, — в рук. Д. П.: *Заплачу, ей - Богу.*

— 18: та й сховаюсь у бурьяні..., — в рук. Д. П.: *та й утечу... ось побачиш.*

451, 7 зн.: на чужині, — в рук. Д. П.: сиротами.

— 5 зн.: а то мене й не згадаєш, — в рук. Д. П.: *І ти мене не згадаєш.*

451, 3 зн.: схаменися! — в рук. Д. П.; *перехрестись!*

— 1 зн.: хто-ж отце я? — *Хто ж я така?*

452, 2: що тут діять? — в рук. Д. П.: що тут робить?

— 5: й байдуже, — в рук. Д. П.: *й* немає.

— 6: Степаночку! — в рук. Д. П.: *надо мною.*

— 8: що без тебе і таточка, — в рук. Д. П.: *Що з тобою і татуся*

452, 9: і мене не стане, — в рук. Д. П.: *й мене поховають!*

— 10: я не кину, — в рук. Д. П.: *я не умру.*

— 12 — 15: Недалеко. А на той рік
Я до вас приїду

З старостами, за тобою
Та за рушниками, — в рук. Д. II.:

Од вас завтра... а приїду...
На той рік приїду.
Вже не братом, з Запорожжя
А за рушниками....

452, 16 зн.: та се й справді, — в рук. Д. П.: *то це...*
— 12 зн.: не сестра я? — в рук. Д. II.: *я не сестра?*
— 9: чому, — в рук. Д. II.: *чом же.*

— 5 — 3: Пусти и мене! Бачиш,
Який добрий! Та пусти бо!
Ій-Богу, заплачу... , — в рук. Д. II.:

Пусти мої руки.
Ти не брат мій, ти не брат мій...
Муко моя, муко!

452, 1 зн.: як тая дитина, — в рук. Департ. Пол.: *як мала* дитина.

453, 1: і крізь сльози промовляла, — в рук. Д. II.: *промовляє.*

453, 9: подивиться, — рук. Д. II.: *поцілує.*

453, 10: І знов, — рук. Д. II.: *то знов.*

453, 11: як смерклося, — рук. Д. II.: *як і смеркло.*

453, 13: ніби скованих до купи,—в рук. Д. II.: *мов скованих, обнявшися.*

453, 15: а Ярині, — в рук. Д. II.: а Ярина.

453, 16: не спиться, ридає,—в рук. Д. II.: *ридає... ридає...*

453, 16 зн.: й вона з відрами побігла, — в рук. Д. II.: *взяла відра, та й побігла.*

453, 12 зп.: Старий виніс, — в рук. Д. П.: *Виніс батько.*

453, 11 зн.: Дивиться, — в рук. Д. П.: *розгляда.*

453, 2 зн.: Послужи, — в рук. Д. П.: *послужи ж.*

454, 1: Вернулися од криниці, — в рук. Д. II.: *І Ярина дає зброю.*

454, 2: І Степан, — в рук. Д. II.: *А* Степан.

454, 4: й жупан надівае, — в рук. Д. II.: *одягає.*

454, 5 — 8 — в рук. Д. II. немає.

454, 10: дручина, — в рук. Д. II.: *дрючина.*

454, 11: Й самопал семипяденний, — в рук. Д. II.: й самопал *семипядний*, але тоді, мабуть, повинно бути не *Й*, а *І*...

454, 13: Аж зомліла, — в рук. Д. П. помилка: *золіла*.

454, 16: Научає сина, — в рук. Д. П.: *Наставляє*

454, 14 зн.: Старшин шанувати, — в рук. Д. П.: старших шанувати.

454, 9 зн.: сказав батько, — в рук. Д. П.: сказав *старий*.

454, 7 зн.: Степан гукнув, — в рук. Д. П.: *Степан свиснув*.

454, 3 — 2: Сказав старий. А Ярина,
Мов тая ялина, — в рук. Д. П.:

Старий сказав, та й заплакав
Мов тая ялина.

Але хоч після *заплакав* і немає знака, одначе *мов тая ялина* має належати не до *старого*, а до дальшого—*Ярина*.

455, 1: мовчала, — в рук. Д. П.: *замовкла*.

455, 8: пропадає, — в рук. Д. П.: *ховається*.

455, 14: Із куряви. Не вирнула, — в рук. Д. П.: *не вирнула*; *похилилась*.

455, 15: пропала, і знову, — в рук. Д. П.: *заплакала знову*.

455, 16: заплакала Яриночка, — в рук. Д. П.: *а за нею й старий батько*.

455, 17: та й пішла додому, — в рук. Д. П.: та й пішли.

455, 5 зн.: згадав — та й *нищечком* заплакав, — тут д. Романчук вставив *нищечком*: ні в обох Кобзарях, ні в автографі муз. Тарн., ні в рук. Деп. Пол. немає його, — та й потреби в ньому нема, — тільки рядок цей треба посунути вправо, як це зроблено в Черн. автографі.

455, після рядка 4-го: Багатий сивий сирота, — в рук. Д. П. додано:

Мов лату на латі
На серце печалі нашили літа.

455, 2 зн.: твоя всюди воля,—в рук. Д. П.: твоя *свята* воля.

455, 1 зн.: як хочеш, — в рук. Д. П.: як *буде*.

456, 2 — 5 — в рук. Д. П. немає.

456, 5: в садок похожати,—і в Черн. автографі, і в Праж. та Кожанч. К.: походити,—поправив д. Романчук для того, щоб, мовляв, вийшла рифма до *з під хати*. Очевидно, для цього не було ніякої потреби. Зауважу, що в Черн. авт. хтось олівцем над „походити“ поставив „поплівся“, і це вже зовсім добре рифмувало б з „Богу помолився“ (а не з сумежнім „з під хати“),—тільки поправку, здається, не рукою Ш. зроблено.

456, 11: в Черн. автогр. інтерпункція: *опинилось—стала* (як і в Праж. та Кожанч. К.).

456, 12 зн.: ворухнулось, — в рук. Д. II.: *повернулось.*

456, 11 зн.: І світ запалило, — в рук. Д. II.: *Заступило.*

456, 8 зн.: вранці,—в рук. Д. II.: *враньці*

456, 4 — 1 зн.: — в рук. Д. II. немає.

457, 4: причащалась, — в автогр. Муз. Тарн.: пречащалась, так само, як і далі: прєстріт.

457, 7: доля тая,— в рук. Д. II.: *тая доля.*

457, 9: не приснилась, — в рук. Д. II.: *не снилася.*

457, 11: За зімою, — в рук. Д. II.: *Знову весна.*

457, 12: знов зазеленіла, — рук. Д. II.: *рястом червоніла;*

457, 13: Весна божа. Війшла з хати,—в рук. Д. II.: *Знов Ярина вийшла з хати.*

457, 15 — 18, замість цих рядків, в рук. Д. II.:

Та не святих вже благати...
Ворожки питати.

457, 14 зн.: інтерпункція в Черн. автогр.: талан —долю та весілля [так і в Праж. та Кожанч. К.], в рук. Д. II., замість *та весілля— та три шаги.*

457, 12—10, має бути інтерпункція: Он бачиш, кінь осідланий

. . . . . .

Під козаком?

457, 11: тупає ногою, — в рук. Д. II.: *маха головою.*

457, 10 зн.: Під козаком; а он-де йде, — в рук. Д. II.: *А он іде, а он де йде.*

457, 8 зн.: Аж до колін. Ото гроші,—в рук. Д. II.: Ото гроші, *бач віскривий.*

457, 6 зн.: козак отой злякать діда, —в рук. Д. II.: *та втер йому; отже й утер.*

457, 5 зн.: Злякав!—та й сховався,—в автогр. Муз. Тарнов.: злякав; в рук. Д. П.: *Дивися — сховався.*

— 3 зн.: А он знову шляхом, — в рук. Д. II.: *Знову іде шляхом.*

— 2 зн.: Козак іде. ніби старець,—так і в Пражськ. та Кожан. „Кобзарі", а в автогр. Муз. Тарн.: *їде* (написано не: *иде,* а *іде,*— навмисно через *і*). В рук. Д. II.: *Заплющившись, з торбинками.*

458, 1: Щоб ляхи або татари, — в рук. Д. II.: *Щоб татаре або Ляхи.*

— 3: І радесенька Ярина, — в рук. Д. П.: *І радісінька до дому*

— 4: До-дому вернулась, — в рук. Д. П.: *Ярина верталась.*

— 10: І стежечка—доріжечка,—в рук. Д. П.: *І стежечки-доріжечки.*

— 12: Утоптана, — в рук. Д. П.: *Що топтані.*

— 13: Поросла, — в рук. Д. П.: *Поросли.*

— 14: Нема його! У черниці, — в рук. Д. П.: *І Ярина у черниці*

— 16: Безталанна: коло неї, — в рук. Д. П.: *Старий батько* коло неї.

— 15 зн.: Старий батько, — в рук. Д. П.: *Хоч годочок.*

— 13 зн.: Хоч Зеленої Неділі, — в рук. Д. П.: *Хоч зелених. Діждалися.*

— 12 зн.: Діждались, і хату, — в рук. Д. П.: *Уквічали хату.*

— 11 зн.: Уквітчали гарнесенько, — в рук. Д. П.: *І любистком і клечаньням.*

— 10: І в сорочках, — в рук. Д. П.: *У сорочках.*

— 9: *Невеселі*, — в рук. Д. П.: *У неділю.*

— 7: та сумують. — В автогр. Муз. Тар.: *та сумують,*

— 5: Мов на кобзі, на улиці,—в рук. Д. П.: *За ворітьми, — мов на кобзі.*

— 4: І ніби співає, — в рук. Д. П.: *І тихо співає.*

459, 4: Байдаки спускати,—в рук. Д. П.: *Чайки поспускати.*

459, 7: чайки *і* байдаки, — в автогр. муз. імени Тарн., в рукоп. Департ. Поліції, в Праж. і Кожанч. К. *й.*

459, 8: з Дніпрового гирла широкого випливали — в рук. Департ. Поліції було зразу: з *широкого*, а тоді—з *Дніпрового.*

— 12: Тендером, — в рукоп. Департ. Пол.: *Тендром.*

— 13: *пропадали* — в автографі в муз. імени Тарн. це слово перенесено в окремий рядок.

— 15: рукою махає — в рук. Деп. Пол. в цьому рядку слів цих немає, а ними починається далі рядок (замість *і зично*): *Рукою махає, гукає.*

— 17: панове товариство, — в рукоп. Департ. Поліц. *панове* немає.

459, 11 зн.: без кормил, — зауважу, що Ш. пише: без кормиг. В рукоп. Деп. Пол.: *без весл і кормиг.*

459, — після рядка 5-го („В кайдани кували) — в рукоп. Деп. Пол. вставлено: *В Цареградскую башту сажали.*

— 4: в тяжкую неволю, — в рукоп. Департ. Поліц: *роботу.*

— 3: Межигорський, — в рукоп. Департ. Пол.: *чудотворний.*

— 2: чудотворний, — в рук. Департ. Пол.: *Межигорський.*

460, 7: без сповіді святої умірають, — так скрізь (і в Деп. Пол.), тілько в автографі в Черниг. муз. хтось олівцем поправ. *у* на *в*(мірають).

— після рядка 8-го: як собаки здихають, — в рукоп. Деп. Поліції додано новий рядок: *пропадають.*

— 10: свою далеку Україну, — в рукоп. Департ. Поліції: свою *матір* Україну.

— 13: І нерідну сестру Ярину, — в рукоп. Деп. Пол.: *нерідну* — немає, в автогр. муз. імени Тарн.: нерідну*ю* (в Праж. та Кожанч. К.: нерідн*у*).

— 13 зн.: догнали, — в рукоп. Деп. Пол.: ловили.

— 10 зн.: — в автогр. муз. імени Тарн. рядок цей посунуто вліво, а рядок 7 (далї) — вправо.

— 9: в кайдани кували, — в рукоп. Департ. Пол.: *забили.*

— 7: та й замурували, — в рукоп. Деп. Пол.: *І замурували.*

461, 2: кричала, ридала, — в рукоп. Департ. Пол.: *ридала, кричала.*

— 3: серце моє, — одначе в автогр. муз. імени Тарн., в рук. Деп. Поліц., в Пражськ. та Кожанч. Коб. — *моє серце.*

— 4: Де ж це ти барився? — в рук. Деп. Поліц.: *де ти забарився?*

— 5: Ідіть сюди, — в автогр. муз. імени Тарн.: сюда; в рук. Деп. Пол.: *це Степан наш.*

— 6: Ідіть, подивіться, — так в рукоп. Департ. Пол., одначе в автогр. муз. імени Тарн., в Пражск. та Кож. К. — *подивітесь.*

— 7: прийшов старий, — в рук. Деп. Пол.: прийшов *батько.*

— 8: І свого Степана, — в рукоп. Департ. Пол.: *насилу Степана.*

— 9: не пізнає. Таке з його, — в автогр. муз. імени Тарнов.: не пізнає, — таке... В рукоп. Департ. Пол.: *роспізнає; отак його.*

— 12: Моя ти дитйно, — в рук. Деп Пол.: *добрая дитино:*

— 13: де ти в світи погибаеш? — в автогр. муз. імени Тарн.: погибаеш (,) (так і в Пражск. та Кожанч. К.); в рукоп. Департ. Поліції: *пробувався.*

— 15: та ридає, — в рукоп. Департ. Поліції: *обнімає.*

— 16: й Степан сліпий плаче, — в рукоп. Департ. Поліції: *І сліпий мій плаче.*

— 6 зн: у кімнаті, — в рук. Деп. Пол.: *на перині.*

— 4 — 1 зн. — в рукоп. Департ. Поліції немає.

462, 3: Степан каже, — в рукоп. Деп. Пол.: *подивіться.*

— 7: за калікою, Ярино? — в автогр. муз. імени Тарновск.: *за калікою... Ярино!* В рук. Деп. Пол.: *з калікою... ні, Ярино!*

— 10: І прожене долю, — в рук. Д. П.: *долі* (?).

— 14: І знайде, — в рук. Деп. Пол. *ти найдиш.*

— 15: в Запороже,—в автогр. муз. імени Тарн.: *Запорожжя*

— 16: там я, — в рук. Деп. Пол.: *я там.*

— 17 — в рукоп. Деп. Пол. немає.

— 18: ні, Степане, — в рук. Деп. Поліц.: *Мене люблять... Ні, Степане.*

— 17 зн.: моя ти дитино, — в рукоп. Деп. Пол.: *ти моя дитино!*

— 16 зн.: І Господь тебе покине, — в рукоп. Деп. Пол.: *І бог тебе покарає.*

— 15: як ти нас, — в рукоп. Деп. Пол.: *як мене.*

— 11: А ти будеш братом, — в рукоп. Департ. Пол.: *а ти мені братом.*

— 10: І дітьми, — в рук. Деп. Пол.: *А дітьми.*

— 8: не йди од нас, — в рук. Деп. Пол.: *не йди, серце.*

— 4: мов маленький, — в рук. Д. П.: *мов дитина.*

— 2: метелицю, — в рукоп. Деп. Пол.: *навприсідки.*

463, 1 — в рук. Деп. Пол. немає.

— 2: під хатою, — в рук. Д. П.: *І на призьбі під хатою.*

— 4: роскажи ж ти нам, — в рук. Деп. Пол.: *роскажи ж тепер.*

— 8 — од слів „Оттож мене, вже сліпого“ і до „Москалі срібло—злото“, а також: „Оттаке-то“ (стр. 464—5) і до „Тепер, кажуть, в Слободзеї“ — вставлено в автограф. муз. імени Тарн. на окремому листку, не рукою Ш. писаному. А все ж таки од слів „Як москалі срібло-злото“ і до „Оттаке-то! тяжко, тату“ невписано зовсім. Одначе воно увійшло в Кобзарь Кожанчикова. Найповніщий, одначе, текст в рукоп. Деп. Поліції.

— 10: з товариством, — в рук. Д. П.: *з козаками.*

— 12: І мене взяло, — в рук. Д. П.: *взяли.*

— 14: простали ми, — в рук. Д. П.: *поспішали.*

— 16: а на, — в рук. Д. П.: *І на.*

— 17 зн.: Січовики-запорожці, — в рук. Д. П.: *товариші-запорожці.*

— 13: срібло-злото, — в рук. Д. П.: *сребро-злато.*

— 11: у Покрови, — так і в рукоп. Деп. Пол., а в Пражськ. та Кожанч. К.: у *Покрові.*

463, — після рядка 5: з Нечосом ходила, — по всіх „Кобзарях“ — два рядки крапок,—а в рукоп. Деп. Пол. цей уступ читається так:

І Межигорського Спаса
В ночі запалила,
І по Дніпру у золотій
Галѣрі гуляла,
На пожар той поглядала,
Нишком усміхалась.

463, 3 зн.: тогді поділили, — в рук. Д. П.: *Німоті ділили.*

— 2 зн.: І паном на Україні, —,в рук. Д. П.: *та бахурям і байструкам.*

— 1 зн.: люд закріпостили, — в рук. Д. П.: закріпостила. Далі по „Кобзарях“ стоїть рядок крапок. В рукоп. Деп. Поліції тут такий, одначе, текст:

Як Кирило з старшинами
Пудром осипались,
І в Царицї, мов собаки,
Патинки лизали.

464, після рядка 4-го — рядок крапок. В рукоп. Деп. Поліції стоїть тут цілих 4 рядки:

Ляхи були, усе взяли,
Кров повипивали!
А москалі і світ божий
В путо закували.

464, 8: до Турчина, — в рук. Д. П.: *До нехриста.*

— 10: в Слободзеї, — в рук. Д. П.: *Головатий.*

— 12: Головатий, — в рук. Д. П.: *підмовляє.*

— 13: хлопців підмовляє, — в рук. Д. П.: *Черкеса лякає.* В рукоп. Д. П. після рядка 13 знизу на стр. 464 текст кінця поеми зовсім одмінний і значно короччий, а власне ось який:

Згадували Запорожжя,
Козацькую славу,
І співали у двох собі
Про Чалого Саву,
Про Богдана недомудра,

Ледачого сина
І про Гонту мученика,
Й славного Максима.
А Ярина їх слухала,
Та святих благала...
Ублагала: на всеїдній
З Степаном побрались.

466, 7: І немощну мою душу
За світ посилаю. —

в рукоп. Д. Пол.: *думу*, і це цілком правдиво.

— 6 зн.: а дивишся, — в рукоп. Д. П. *а дивіться*... Помилка сталася од того, що й *дивіться* і *дивишся* — на письмі дуже похожі.

---

33. Великий Льох.

Вперше видруковано у Львів. К. 1867, а потім у „Правді“, 1869, № 2 і 3 (стр. 12—16), але почавши II розділом; нарешті — в Женев. вид. року 1890 (не знати, з якого рукопису). Автографа немає. Пражський Кобзарь має значні відміни, але варіанти Праж. вид. гірші за Львівськ.; редакція тексту Львів. вид. пізніща. Крім того, в примітках до Праж. Кобз. є ще варіанти з *першого* рукопису (між иншим, де які варіанти, в додачу до тих, що подано в Пражск. К., зроблено рукою В. П. Науменка, у його власному примірнику). Таким чином маємо досі чотири редакції поеми: перший рукопис. (прим. Праж. К.), Женевськ. вид., Пражск. К. (основний текст) і Львів. К. Зауважу, що у Львів. К., текст якого узято з „Правди“, першого розділу („Три душі“) немає, бо немає його і в „Правді“.

Дата написання поеми досі була *р. 1845. Миргород* [1]), але з того рукопису, що знайдено цього року в Департ. Поліції, можна здогадуватися, що дата має бути: *21*/х. *1845* [2]). Цей рукопис дає п'яту ще редакцію — найранішу за всі.

---

[1]) В „Правді“, р. 1869, № 2, стр. 12 говориться, що поему цю написано р. 1846.

[2]) В рукописові цьому „Великий Льох“ стоїть поруч з „Суботовим“ (далі за ним), і вже під „Суботовим“ поставлено дату *21* х *1845*. Власне в рукоп. Деп. Пол. так воно стоїть: спочатку (№ 17): Копають день, копають два (кінець „Вел. Льоху“), потім (№ 18): „Стоїть в селі Суботові“ (в ряд з ним, і з датою: 21/X 1845,

Одміни:

Попереду всього в рук. Деп. Пол. під заголовком подано епіграф „Положилъ еси насъ сосѣдомъ нашимъ подражаніе и поруганіе сущимъ окрестъ насъ. Положилъ еси насъ въ притчу во языцѣхъ, покиванію главы въ людехъ. „Псаломъ 43, ст. 14—15.

428, 6 зн.: на похиленому хресті, — в Праж.: *на похилившемусь*. У Львів. К., де немає початку поеми, немає й варіанта. Джерелом для *похилившемусь* служив текст тієї ред., що і в Женев. вид.: там теж: *похилившемусь*.

— 1 зн.: Ми тепер душі, а не люде, — це вар. з приміт. Пражск. К. (так і в рукоп. Деп. Пол.), а в Пражськ. основн.: *пташки-душі*, що значно краще.

428, 2 зн.: як розкопуватимуть льох,—в Праж. та й у Женевськ. р. 1890: *як той* розкопуватимуть льох.—Так воно і повинно бути.

429, 1—Тогді-б у рай нас повпускали.—В Пражськ. вид. немає, а з'явилося вперше в Женевськ. вид. 1890. В рукоп. Деп. Пол.: *тоді у рай їх повпускаєш*.

429, 4: як все москаль позабірає,—в Праж.: *порозбірає*.

429, 7: як була я людиною,—в Женевськ. К. р. 1890: *молодою*.

429, 8: то Прісею—так в Пражськ., а в перш. рук.: Пріською.

429 9: я оттутечки й родилась,—в рук. Д. П.: *я от-тутечки родилась*.

429, 10: тут і виростала,—в Женевск.: *тута й* виростала.

429, 13: з тим Юрусем гетьманченком,—так в Пражськ. К.; в рук. Деп. П.: гетманенком, а в прим. до Пр. К.: *із Юрусем;* в Женев.: *І з Юрусем*.

429, 14: у піжмурки граюсь,—в Женев.: *граєм*. Так і в рук. Д. П.

429, 16: та й кликне в будинок.—в Женев. не (.). а .....

— 17: оттам мені,—в рук. Д. П.: *а там*.

429, 15 зн.: до гетьмана ж, як приїдуть, — такого варіанта ніде я не стрічав; в Пражськ. К.: *а до гетьмана як прийдуть*; в рук. Д. П.: *А з гетманом*.

Марьинское); далі (№ 19): „І мертвим і живим", а ще далі (№ 20): „Великий Льох" (без кінця). Робити з цього якісь висновки, напр., що Суботів—це дальший протяг „Великого Льоху", немає підстав: з того розпорядку віршів, який бачимо в рук Д. П., ясно, що переписувалися вони не в хронологичному ладу, а як попало: після віршів з 18/XI 1845 та 21/XII 1845—іде знов 21/X 1845; або після 30/XII 1844—9/X 1843 і т. и.

429, 10 зн.: росла, виростала,—треба: росла—виростала.

— 6 зн.: любили й кохали,— в рук. Д. П.: любили *й вітали.*

430, 2: як на тее,—так в рук. Д. П.; в Праж.: як на тее-*ж*;— так і треба.

— 3: і рушники ткались,—в рук. Д. П.: *й рушники вже.*

— 10: — криниця
засунулась і висохла,—в Праж. гірше: запустіла... В рук. Д. П.: *замулила*; в Женевськ.: *засунулась.*

— 11: а я все літаю,—так і в Женевськ., а в Пражськ. гірше: *вітаю.*

— 12: дивлюсь:—в Женевськ.: *дивлюся.*

— 14: та вповні шлях перейшла їм,—в 1 рук. „ім перейшла“, в Женевськ.: *та вповні шлях і перейшла.*

— 11 зн.: тою клятою водою,—в 1 р.: тою проклятой водою

— 5 зн.: за те не пустили,—так і в Женевськ. в Праж.: не пускають.

431, 1: я була ще недоліток,—так і в Женевськ.; а в Праж. гірше: *недолюдком.* Очевидно, помилка: в рук. Деп. Пол.: *недоліт-ком.*

— 5: і старого і малого,— в Женев.: *і малого, і старого.* Так і в рук. Д. П.

— 8: у самих палаток,—в рук. Д. П.: у самих *палатах.*

— 15: од матері неживої,—так в Женев. а і рукоп. Д. П.; в Пражск.: неживою.

— 16: що вже я просила,—так і в рукоп. Д. П., а у Львів. 1893: *що то вже.*

— 16 зн.: москалям на грище,—в Праж.: *на зрище* (sic!)

— 15 зн.: я сховалася,—в Пражск.: *я заховалась.*

— 13 зн.: і осталась,— в рук. Д. П.: *й зосталася..*

— 11 зн.: і в тій хаті поставили,—Праж.: і в *ту* хату.

— 9 зн.: як вертався з під,—в рук. Д. П.: *як вертавсь із під.*

— 8 зн.: я ішла з водою,—в Праж. і в Женевск.: я йшла за водою; в рук. Д. П.: *А я йшла з водою.*

— 7: до хатини,—в Праж. і Женевськ.: повз хатину; в рукоп. Деп. Пол. і в прим. в Пражськ. К.: *до хатини.* Але *повз*—краще. В Женев.: *повз хатою* [!].

— 5 зн.: звелів коня напоїти,—так і в Женевськ.; в Праж.: *каже* коня напоїти; так само і в рук. Д. П.

— 3 зн.: я й не знала,—в рук. Д. П.: *я не знала.*

432, 2: а на завтра як цар вийшов,— в Праж.: *Царь поїхав в Московщину*, а в прим. в Пражск. К.:

На порозі, як царь вийшов.
Мене поховали.

В рук. Д. II. так, як у Романчука, тілько: похова*ли*.

— 6 та, що й мене привитала,—в Женев.: *та ще й мене* привітала; так і в рук. Деп. Пол.

— 8 — 9: А по завтрі й вона вмерла
І зотлїла в хаті, —

цих рядків в Пражськ. Кобз. немає, взято їх з Женевськ. редакції, тілько там: *А на завтра* й вона вмерла..... В рук. Д. II.:

А позавтрі й вона вмерла
Й зотліла.....

432, 13: і сволок з словами.—так і в Женевськ.: в Пражськ.; *хрещатий*.

— 16: і степами козацькими,—в Праж. і Женевськ.: *й бараками козацькими*.

— 11 зн.: А я в Київі родилась, — так і в Женевськ., а в Пражськ.: *Каніві*.

— 9: ще сповиту,—так і в Женевськ., а в Праж. гірше: *не сповиту*.

— 6 зн.: в Київ,—Праж.: *Канів*.

— 5 зн.: а ми з матірю сиділи,—так і в Женевськ., а в Праж.: *а я* з матірью сиділа.

433, 3 — 6: На Дніпр поглядала
І галеру золотую
Мені показала,
Мов будинок, —

так в Женевськ., а в Праж. гірше:

І.... і показала
На галеру золотую:
„Он глянь лиш“, сказала:
„Мов будинок пливе“... А в галері.

— 8: воеводи, а між німи,—в рук. Д. II.: *і* між ними.

— 16: на митарства,- в рук. Деп. Пол.: на митарст*во*.

— 13 зн.: голодна вовчиця,—в прим. Пр. К.: *львичище*. В Пражському та і в Женевськ. тут ще один рядок: *скажіте, сестриці*,—якого в виданню Романчука немає.

12 зн.: полетімо,—так в Женевському; в Праж.: полетіли.

— 11 зн.: в Чуту—в Праж.: в пущу; але в прим. Пр. К. теж в: *Чуту*. До слова „Чуту“ в Женевськ. виданню додано внизу примітку: „Ліс коло старої Січі“.

— 9: відтіль буде чути,—так в Праж., а в Женев.: *виднійш буде й чутно*.

— 8: схопилися білесенькі,—в Праж. щось недоладне: сховалися білесенько [!], — замість білесенькі. Але куди ж „сховалися“? Теж помилка!

— 7: і в ліс...,—в Праж. і Женевськ.: у *ліс*,

— 6: і в купочці на дубочку,—в Праж. не добре: *і в кусточку на дубочку*. Цей варіант власною рук. Ш. у власному примірникові „Кобзаря“ виправив на: *і на гілонці на дубі*.

434, 6: та три злоті, — в рук. Д. П.: та три злота..

— 9: І коза по водѣ, — в рукоп. Жемчужникова (З. Н. Т. т. 39) — *А* коза по водѣ (так в рук. Д. П., так і в „Правді“). Взагалі усі 4 рядки треба писати по російські, а не по українські, як у „Правді“, Львівськ. 1867 та у Праж. виданнях.

— 17 зн.: мохом поросли, — в 1 рук.: *лихом*.

— 8: є чим розговітись,—у „Правді“ та у Львів.: *й є* чим розговітись, в Пражськ.: й є чим поживиться.

— 6: є чим поживитись? — так в „Правді“ і у Львівському, а в Праж.: *є на що дивиться?*

— 3: е, сестриці, — в „Правді“: — *сестриця*

— 2: три укази, — в рук. Д. П.: указа.

435, 1: на яку це? — в Праж.: *на якv ще?*

— 5: в одній версті, — в рук. Д. П.: *въ одной верстѣ*.

— 15 зн.: уже й запишались,—так в „Правді“ та у Львів. (власне у „Правді“: запитались); в Праж.: *то вже запанілись*. У Львів. 1893: *то вже* запишались... Але звідки це?

— 10 зн.: а дзуски вам, — так у Праж.; у „Правді“ та Львів.: *а зась вам*.

— 6 зн.: дивись, які! — так у Пражськ.; у „Правді“ та Львів.: *дивись яка*.

— 3 зн.: цитьте, недоріки!—так у Львів.; в Праж.: *дзус, вам*.

436, 7: Утопилась би, — в рук. Д. П.: утопилася б.

— 11: А про тебе, щебетуху, — в рук. Д. П.: щебетухо.

— 17 зн.: от-от я їх поховала, — так у „Правді“ і Льв.; в Праж.: *поканала;* в рук. Д. П.: от-от *уже* поховала.

— 15 зн.: і з шведською приблудою, — так у „Правді“ і Льв.; в Праж.: *з Мазепою приблудою.*

— 14 зн.: та й тогді ж творилось, — в Праж. нема.

— 13 зн.: Виростаю, — в рук. Д. П. щось инше, немов би: *А злишаю* (?!).

— 8 зн.: просто-козаками (так в Праж.), —треба: просто козаками (як у „Правді“ та у Льв].

437, 4: у Іржавці, — в рук. Д. П.: *у Ржавиці.*

— 8: з татарами помутила, — в Праж.: *з татарами послужила,* а у „Правді“ та у Льв.: *з татарином помутила.* Звідки у Романчука: *з татарами?*

— 11 — 12: тай Русь німцям продала; — у Льв., як і в „Правді“: *та й Німцям запродала,* (один рядок), а в Праж.: *Та все Німцям продала (двічі).* І тут щось непевно,—звідки: *Русь Німцям?* В рук. Д. П.: *Да нъмцам запродала* (один раз).

— 14: *Та й ти,* — так в Пражск., а у „Правді“ і Львів.: *да ти;* в рук. Д. П.: *та ти.*

— 15: *так кацапів,*—це взято з „Правди“, бо у Пражському: *козаків.* Розуміється, правильніще *кацапів закріпила,* бо далї: *у німецькі кайдани.*

— 16: у німецькі кайдани, — так у „Правді“, а в Праж.: *у німецькиї кайдани.*

— 11 зн.: *вже ж і Січ,* — так у „Правді“; в Праж.: *уже й Січ.*

— 10: Жидовою поросла, — так у „Правді“; в Праж.: *Німотою.*

— 5: Що Москалі в Україні
З козаками діють, —

так у „Правді“; в Праж.:

Що москалі з козаками
В Україні діють.

— 3 зн.: *от-от указ,* — так в Пражск., а у „Правді“: *оце указ.* Перве—краще.

438, 10: *трошки б,* трошки,—так у Льв., а в Праж.: *трошки-трошки.*

— 12 — 13: тогді б разом дві руіни в „Пчелі“ описали, (тоб то у „Сѣверной Пчелѣ“). Це вар. з „Правди“. В рук. Деп. Пол. так само, тілько: *„Пчелѣ“*. В Праж стоїть так, як зразу було у Шевченка:

Тоді б собі дві руіни
Разом роскопали.

— 16: дивитись,—у „Правді“; в Праж.: *дивиться;* те ж саме і далї, ряд. 18: творитись, — а в Праж.: *твориться.*

438, 16 зн.: на Вкраїні, — у „Правді“, у Львів. та в Праж.: *„в Україні.* Звідки: *на Вкраїні?*

— 12 зн.: другий буде,—ні в „Правді“, ні у Льв., ні в Праж.: *буде* немає, а замість нього ..... В рукоп. Деп. Пол.: *другий буде (оце вже наш!).*

— 10 зн.: наш вже в череві щіпає, — так в „Правді“; в Праж.: *він вже в череві кусає.*

— 6 зн.: усе добре поплюндрує, — так у „Правді“, так і в рук. Деп. Пол.; в Праж.: *усе добро.* „Добре“ краще, бо й далі:

„На катів та на все добре
Кайдани готують“...

439, 7: ні, він клятий недовірок, — так в Пражськ.; у „Правді“: *а він клятий недолюдок.;* в рук. Департ. Поліції: *ні, він клятий недолюдок.*

— 15 зн.: над Київом, — так у „Правді“; в Праж. і рук. Департ. Поліці: *над Чигрином.*

— 13 зн.: І над, — в „Правді“: *А над;* в рукоп. Деп. Поліції: *І над.*

— 10 зн.: гора в Чигирині, — так в „Правді“, а в Праж.: *над Чигрином.*

— 9 зн.: О, сміється і радіє
Уся Україна, —

так у „Правді“ і Льв., тілько не *радіє*, а *ридає* (так і в рукоп. Д. П.), а в Праж.:

І радіє на родинах
Певна Україна.

— 5 — 4: Що Йванами
Обох буде звати, —

в „Правді“ правильніш: *обох будуть звати.*

— 3 зн.: полетімо, — так у „Правді“, а в Пр.: *полетимо*.

440, 8: побіжить..... зо мною — в „Правді“ — *за мною*.

— 5 зн.: *ти б то* — так у „Правді“, в Праж.: *ти то*; так і в рук. Деп. Пол.

441, 4: та сідало, — в „Правді“: та сідала.

— 8 — 9: Бо є чутка, що цар хоче
Весь світ полонити, —

так у Льв.; а в „Правді“: *бо чутка є*; в Праж.:

Бо чутно есть, що царь хоче
Весь мир полонити.

— 11: а може й так, — так у „Правді“ в Праж.: а може *ще* й так.

— 14: що й хмари, — так у „Правді“; в Праж.: *й* немає.

— 15: як ізлізти, — так у „Правді“, у Львів. і в Пражськ., а в прим. в Праж.: *як підскочиш*; в рук. Деп. Пол.: *як вилізти*.

— 12 зн.: *а нічого*,—так у „Правді“; в Праж.: *та нічого*.

— 10 зн.: от для того,—так в Праж.; у „Правді“ та Льв., *от для чого*:

— 6 зн: за Тясмином, — в рук. Деп. Пол.: *за Тясмою*.

— 4 зн: провадиш, — так у Праж., а у „Правді“ і Льв.: *провадить*.

442, 7: співа, — так у Льв., в Праж.: *співать* (!).

— 9: і про *Ясси*, — так у „Правді“, Льв. і в прим. в Пражськ К., а в Праж. (основн.): і про *Красні* (далі: і про *Жовті* води).

— 16: базар людей посходилось, — у „Правді“ і Льв.: *насходилось*, у Праж.: *насходився*. Звідки у Романчука: *посходилось*? В рук. Деп. Пол.: *базар люду*.

— 17: та й панства не трохи, — так у „Правді“, у Льв. і в Праж.; а в прим. в Праж. Коб.: *й поживи не трохи*.

— 18: От де нам пожива буде, — в Праж. вид. цього рядка немає.

— 16 зн.: а ну, заспіваймо,—і в „Правді“, і у Льв., і в Праж.: заспіваєм.

— 13 — 10—так у „Правді“ і Льв., тілько не „*полягаймо*“, а „*полягаєм*“; так і в рукоп. Департ. Поліц. А в Праж. замість 4-ьох рядків — 2:

Та цур йому!
Ляжмо трохи спати.

В прим. в Праж. К. так: Краще полягаймо та висп̀имось.
День великий; ще будем співати.

— 9 — 7: І я кажу. Помолимось
Та будемо спати, —

взято з прим. в Праж. К.; у „Правді“ і Львів. К. немає зовсім; в Праж. иначе:

І я кажу, — обісіє
Ще й у день співати.

— 2 зн.: копають два, — так у „Правді“ і Льв., а в Праж.: *другий*.

443, 3: поставивши караули,—так у Праж.; у „Правді“ та Льв.: *поставили калавурі*.

— 11: Вірній діло! — в рук. Д. П.: *Вірнъй дѣло!*

— 14: і мов усміхались,—так у „Правді“ і Льв., в Праж.: *усміхнулись*.

— 16 зн.: то *б* добре, — так у Льв.; в Праж.: *б* немає.

— 14 зн.: засміялись, — так в рук. Деп. Пол., у Льв. і в прим. в Праж. К., а в Праж. (осн.): *кому-небудь*.

— 11 зн.: а він *то*,—так у Праж.; у „Правді“ іЛьв.: а *він ще*; в рук. Д. П.: а він *же*.

— 9 зн.: та дурнем убрався,—у „Правді“ і у Льв.: та *й* дурнем убрався, а в Праж.: *та дурня й добрався;* в рук. Д. П.: та *в дурні й убрався*.

— 6 зн.: у москалі заголив би, — так у „Правді“ і у Льв.; в Праж.: *загатив би*.

— 2 зн.: Яременка, — до цього слова в рук. Д. П. Шевч. додав: „козака Яременка клуня стоїть на тім місці, де стояли палати Богдана“.

444, 1: *увесь* народ, — так у „Правді“ і у Льв.; в Праж.: *і ввесь*.

— 2: моїх налітає, — так у „Правді“ і у Льв,; в Праж.: *оттих покликає*.

— 3: *Вы что*, — в рукоп. Деп. Пол.: *ви што*,

— 15: оттак-то льох і Богдан той, — так в Праж., а у „Правді“ і у Львів.: *оттак пісні Богданові;* в прим. в Праж. К.:

Випороли по московські:
Боже правий!
Оттак пісні Богданові!

— 20: ще й не дошукались, — так в Праж.; у „Правді“ і у Льв.: не дошукалась, а в прим. в Праж. К. ще й не докопались.

---

34. Суботів.

Вперше видруковано в „Основі“ 1862, кн. 7, 6 — 7. Той самий текст у „Вечерницях“ 1862, № 39, та в Пражськ. К. 1876, але повніщий, — есть, напр., рядки:

Занапастив еси вбогу
Сироту Вкраїну .....

В цьому останьому переіменовано „Суботів“ в „Могилу Богданову“ (дата: „перед 19 лютим 1861 року у Петербурзі“). [1]) Копія вірша есть в Науковому Товаристві [2]) ім. Шевченка, яка дає деякі варіанти, досить лихі проти звичайного тексту. Очевидно, списано її з першої редакції. Більше варіантів маємо з коп. Л. Жемчужникова (З. Н. Т. т. 39), поправленої рукою Ш. і з датою: 21/x 1845. Він має найбільшу ціну,—все одно, які автограф,—і текст цього вірша в рук. Д. П. мало чим ріжниться од тексту у вид. Романчука.

Дата поезії 21/x 1845, Марїнське.

Одміни:

231, 10: не так воно стало,—дивно, звідки д. Романчук узяв цей варіант, коли і в „Основі“, і в „Вечерницях“: і в копії Жемчужн., *сталось*.

— 7: церква, — в рук. Д. П.: *церков*.

— 11—12 — Москалики, що зазріли,
То все очухрали,

в „Основі“, у Львівськ. та Пражськ. К. немає. В копії Л. Жемчужникова стоїть:

Москалики, що *зустріли*
То все очухрали.

В „Вечерницях“: що *заздріли*.

---

[1]) Це через те, що в „Основі“ подано було примітку: „это стихотвореніе написано задолго до манифеста 19 февраля 1861 года“.

[2]) Див. про неї З. Н. Тов. т. LV, Misc. 6.

— 13: могили вже розривають, — так само і в рук. Д. П.; так скрізь, крім копії в Н. Тов., де: *все* (!) розрівають.

— 17 зн.: Що за труди, — в рук. Д. П.: *Що й за труди.*

— 15—14 зн.: Занапастив-єси вбогу
Сироту Украйну,

немає ні в „Основі“, ні у Льв. та Праж. Кобз. В „Вечерницях“ і в копії Жемчужникова: *сироту Вкраїну.* Таку форму і слід прийняти до „Кобзаря“.

— 13 зн.: за те ж тобі така й дяка,—в копії Жемчуж. і в „Вечерницях“ без: „*й*“, а в копії Н. Тов.: „*доля*“.

— 12: церква, — в рук. Д. П.: *церков.*

— 8 зн.: Ляха задавили,—так в рук. Д. П. і в коп. Жемчужникова, а в коп. Н. Тов.: ляхи задавила“...

— 5 зн.: Зиновію,—в коп. Жемч.: Зіновію; так і в „Основі“.

232, 2: а що ми, — в коп. Н. Тов.: *що вони;* так і в рук. Д. П.;

— 4: та Полякам. Може й справді, — в коп. Н. Т.: *Та Ляхам. А* може й справді.

— 5: нехай і так буде, — в коп. Н. Т.: *по їх.*

— 6: Так сьміються з України
Сторонні люде, —

в коп. Н. Т.: сміються *ж.* Це *ж* важне тим, що показує, який тут логічний наголос має бути: на *сміються,* а не на *так.*

— 8: не смійтеся, — в коп. Н. Т.: не смійтеся *ж*: так і в рук. Д. П..

— 9: церква, — в рук. Д. П.: *церков.*

— 14: і помоляться на волі,—у Львів Кобз. 1867, очевидно, через помилку: і помоляться волі. —

---

35. Наймичка.

Вперше видрукував П. Куліш в „Зап. о Южной Руси“. т. 2. р. 1857; вдруге видруковано в К. р. 1860. Дату визначали досі [приблизно) р. 1844. Але цього року в арх. III отд. знайдено разом з иншими творами і „Наймичку“, і там дата стоїть: 13/XI 1845. Переяслав. Автограф „Наймички“ есть в бібліотеці Моск. Имп. Общ. Истор. и Древностей Россійских, в паперах О. Бодянського, № 159, але мені не довелось його бачити. В музею В.

Тарновського в Чернигові есть рукопис Леон. Влад. Тарновської з рр. 50 чи 60. Зшиток на 10 піваркушах сірого паперу. Хоч він і немає значіння автентичних писань, але як близький до часів постання оригіналу, все ж має в собі де-що й вартого уваги, бо списано, очевидно, з оригіналу, ранійшого за видрукований в Зап. „Юж. Руси".

411, зн.: до лоня,—в рук. Деп. Пол.: *до лона.*

402, 4: оттут серед лану? — в рук. Деп. Пол.: *серед лану в тумані?*

412, 12: моеі недолі,—в коп. Тарновськоі, замість цих слів: „ні не ховай!", що має також свою рацію.

413, 13: іскупай, ісповий,—в рук. Деп. Пол.: *нагодуй, ісповий.*

— 17: у-двох,—в рук. Д. П.: *вдвох.*

413, 6 зн.: та діточок у іх біг-ма, —в коп. Тарн.: *у іх*—немає; немає і в рук. Деп. Пол.

— 1 зн.: спомяне,—в рук. Д. П.: *помяне.*

414, 3: і згадає дякуючи,—в рук. Д. П.: *згадає їх.....*

414, 15 зн.: ані хмариночки,—в коп. Тарн.: *а ні хмарочки.*

414, 6 зн.: заворушилось,—в рук. Д. П.: *поворушилось.*

415, 4: як помремо,—в рук. Д. П.: *як умремо.*

— 5: — сама не знаю,—в Кобз. 1860 стоїть: Бог знає! І це й краще. В рук. Д. П.: *й сама не знаю.*

415, 7: аж сумно,—в рук. Д. П.: *аж нудно.*

415, 16 зн.: зупинились,—в рук. Д. П.: опинились.

415, 3 зн.: та й не туго,—в рук. Д. П.: *та не туго.*

415, 13 зн.: манюсенькі [рученята],—в коп. Тарн.: *малюсенькі...* [тоб-то, дитинча].

417, 8: хоча воно вже й підросло,—в коп. Тарн.: воно *і* підросло....

417, 10: коло його піклуковатись, —в копї Тарн.: *пильнувати.* Тілько чи буде по українські: *коло його* пильнувати?

417, 14 зн.: зароблену плату,—в коп. Тарн. немає, та цей рядок і справді немов зайвий.

417, 10 зн.: ні ти нас,—в рук. Д. П.: *і ти нас.*

418, 9: головоньку,—в рук. Д. П.: *й головоньку.*

418, 11 зн.: чого,—в рук. Д. П.: *на що.*

418, 9—6 зн.: цих рядків в копії Тарн. немає зовсім.

418, 9 зн.: чого вона,—в рук. Д. П.: *на що вона.*

419, 2: вона чує з тії хати,—в коп. Тарн.: *в другій хаті* — Це й краще.

— 7: величає,—в рук. Д. П.: *називає.*

420, 4 зн.: танцює,—в рук. Д. П.: *жартує*.

420, 1 зн.: у двір,—в рук.: *на двір*.

421, 3: знай бігає,—в рук. Д. П.: *аж танцює*.

422, 8: на акафист у Варвари,—у своєму примір. „Кобзаря" Ш. виправив: *на молебствіє Варварі*.

422, 15 зн.: і всім святим поклонившись,—в коп. Тарн.: *поклонилась*.

423, 7: розтавала,—в рук. Д. П.: *й розставала*.

423, 14: щоб швиденько верталася,—в коп. Тарн.: *вернулася*. В рук. Д. П.: *щоб швидченько верталася*.

423, 13 зн.: унучок,—в рук. Д. П.: *онучок*.

— 11 зн.: у Катрину,—в рук. Д. П.: *у мамину*.

423, 10 зн. засміявсь,- -очевидно, треба: *засміявся*—тоді й ритм і рифма до *засміявся* будуть додержані. В Кобзарі 1860 одначе „засміявсь".

424, 3: питалася,—в рук. Д. П.: питається.

— 5: додибала,—в рук.: Д. П.: *доплелася*.

— 11: і внучатам із клуночка,—в рук. Д. П.: *і онучатам із клунка*.

— 2 зн.: ввійшла,--в рук. Д. П.: *ввійшли*.

425, 3: стара Ганна,—в Кобз. р. 1860: *моя Ганна*. Так і в коп. Тарновської; так і в рукоп. Департ. Поліції.

425, 13 зн.: тяжко Катре, умірати,—в рук. Тарн.: *страшно*.

425, 9 зн.: й маслосвятіе служили,—в рук. Д. П.: *справляли*.

426, 7: ох, як би я знала,—в рук. Тарн.: ох коли б.

426, 13: воли попасає,—в рук. Тарн.: *поганяє*.

427, 6: Христе Боже,—в Кобз. р. 1860: *Спасителю*! Так і в рук. Д. П.

427, 12 зн.: води батько,--в рук. Д. П.: *батько воли*.

— 9 зн.: у порогу,—в рук. Д. П.: *у порога*.

428, 11: сльози,—в рук. Д. П.: *й* сльози.

428, 17—18: Зомлів Марко,
Й земля . . . ,—в рук. Тарн.:

Марко хлипав,
Аж земля . . . В рук. Д. П.:

Марко слухав,
І земля дрожала.

36. Кавказ.

Вперше видруковано в Лейпцигу р. 1859 в книжечці „Новыя стихотворенія Пушкина и Шавченки". Цінний також текст видруковано в „Вечерницях" р. 1863, ч. 13 [1]) та у Львівськ. виданні р. 1867. Редакція цього останнього пізніща за редакцію в Лейпцигськ. виданні. Крім того дуже ранню редакцію маємо в Примітках до Пражськ. Кобзаря. Знайдено цього року цю поезію в архиві Департамента Поліції; текст її найраніщий, досить близький до того, що в примітк. в Пражськ К. та Лейпцг. виданні.

Досі датували „Кавказ" 14/хп 1845, але виявилося,—таки з знайденного в Департ. Поліції рукопису, що поему цю викінчено *18/*xi *1845 у Переяславі* і присвячено *„Искреннему моему Якову де Бальмену"*.

Особливости ріжних редакцій такі:

232, 16 зн.: *хмарами* повиті—в початк. редакц. (в Примітк. Пражськ. Кобзаря) — *хмарою*; так і в рук. Деп. Пол.; у Львів. — *хмарами*.

— 12—11 зн.: довбе ребра,
Серце розбиває;

в Лейпцигському виданню:

Добрі ребра
Й серце розбиває.

Зразу можна було б подумати, що тут помилка, що видавці Лейпц. видання „довбе"—перевернули на „добрі". Одначе *добрі* і в рук. Деп. Пол.

— 9 зн.: живучої крови, — в рук. Д. П.: *живущої*.

— 6 зн.: не вмірає *душа наша*, — в примітках д. Романчука до Кобзаря р. 1860 записано: Не вмірає *наша правда*, —і це найкраще; такий варіант трапляється в цій поемі і далі (233, 9): *а правда наша пяна спить*.

— 4 зн: не *видере*
На дні моря *поля*, —

---

[1]) На жаль, не довелося мені мати усих чисел „Вечорниць" за рік 1863, і між иншим і ч. 13, де видруковано „Кавказ". Але здається, що текст Львів. К. 1867 той самий, що у „Вечерницях".

зразу можна було б подумати, що це помилка—замість *„не виоре“*, як це скрізь стоїть тепер по „Кобзарях“, але в примітках д. Романчука також було зразу: „не видере“, та потім поправлено на: не виоре.

— 3: виоре поля—в рук. Д. П. та у Львів. 1867 стоїть: поле.

— 1: і слова живого—так у Львів. 1867, а в Лейпц.: і живого слова. Так і в рук. Д. П.

233, 3: не нам на *прю* з тобою стати.—В перш. редакц. (прим. Пражськ. Кобз.)—*на суд*, але в инших виданнях *на прю*, в Лейпц.: *на при*(!). Вираз цей уживає Шевченко ще раз в „Івані Гусові“ (в недавно знайденому кінці):

Чого мене,
Чи *на прю* позвали?

— 8: знущаються—в рук. Д. П.: згнущаються.

— 10: коли ж,—в рук. Д. П.: *коли*.

— 11—13—ці три рядки мають чимало плутанини. В Лейпцигськ. вид. вони читаються так:

Коли ж одпочити
Даси, Боже, утомленим
І нам даси жити?

Так воно, знати, й було одразу, так і у Львів. вид. 1867 р., але в „Вечерницях“ та в рукописних замітках Романчука стоїть:

Ляжеш, Боже, утомлений,
І нам даси жити.

До речи зауважу, що „й ляжеш, Боже, утомлений“ стоїть і в рук. Деп. Пол., і в примітках у Праж. Кобз., а через усе це й треба його прийняти.

— 15: І слову *живому* (так у Львів. вид. 1867), а в давніщих редакціях — в Лейпциг. та в прим. у Праж. К. стоїть: *твойому*, а в початков. ред. Деп. Пол.: і слову і *духу*.

233, 16 зн.: поклоняться всі *язики* (так у Льв. 1867), — так і в Лейпцігському, тільки не: *во віки*, а *на віки*... А в прим. в Пражськ. К. стоїть так:

Поклоняться всі народи,
Поклоняться всі язики.

В рукоп. Деп. Пол.: *помоляться всі язики*.

— 12 зн.: *хмарами* (у Льв. 1867), — в Лейпцигськ.: *хмарою*; так і в рук. Департ. Поліції.

— 4 зн.: *імператорів* — в Лейпцігськ. — *царикiв*.

— 3 зн.: ...втопить, — це слово вперше додано в редакції Львів. видання (р. 1867), а в Лейпцигськ. його не було, і це не вадило нічого; тілько тоді згаданих особ стало б „в сльозах вдовиці і дівочих“ не *втопить*, а *напоїть*...

— 2: в сльозах удових. А дівочих... , — такий варіант вперше у Львів. Кобз. (1867), а в Лейпцигськ. так воно стоїть:

В сльозах вдовиці і дівочих,
Пролитих....

— 1 зн.: *нишком* — так в Лейпцигськ. вид., а в рук. Деп. Пол. і в прим. в Праж. К.: *тайно*.

234, 2: а батьківських, — в рук. Деп. Пол.: а *батькових*.

— 10: і вам *лицарі* великі, — в Лейпцигськ. вид. помилка: *дикарї* (!).

— 14 — 15: За нас воля
І правда святая, —

в рук. Департ. Пол.:

За нас *слава*
І воля святая.

— 16 зн.: ніхто *й* не візьме за свое, — в Лейпц. „й“ немає.

— 15 зн.: не поведе тебе в *кайданах*. — В Лейпц. „в кайда*ни*“; так радить і М. Кр-ський, не відаючи, певне, про Лейпцигський варіант. У Львівськ. Кобз. р. 1867, пізнішому варіанті, — в *кайданах*, через що й не слід уже переміняти на кайда*ни*.

— 14 зн.: *У нас* — на те письменні ми, — цього „у нас“ в Лейпцигськ. вид. зовсім немає, а після двох рядків крапок, стоїть:

На те нисчасны мы
Читаєм...

(мабуть помилка зам. *письменни*: на це вказує два *н* та *ни*, а не *не*, на початку). В перш. редакц. (прим. у Пражськ. Кобз.) стоїть: *А в нас?* Але зважаючи на те, що в „Вечерн.“ та у Львів. 1867: *у нас*—мабуть буде краще лишити це останне.

— 10 зн.: в золоті і голі, — в прим. в [redacted]жськ. *золоті есьми*. В Лейпцигському вид. після „золот[redacted] 1½ ря[redacted] крапок, і далі починається з

„Ми не погани,
Ми настоящі християни...

— 10 — 8 зн.: рядки ці з'являються у Львів. вид. 1[redacted]

— 7 — 6: Ми християне: храми, *школи*,
Усе добро, сам Бог у нас! —

тут, я певен, допущено помилку у Львів. вид., з якого д. Романчук узяв цей варіант, і виправити її треба, держачись Лейпцигськ. видання. А в Лейпц. вид. стоїть таке:

Ми не погани —
Ми настоящі християне:
Храми, *ікони*
Все добре, сам Бог у нас.

Очевидно, що за *храмами* має стояти *ікони:* над *школами*, (як би ж то вони справді були!) Ш. не став би гірко іронізувати.

234, 3 і 1 зн.: перед *чом* — обидва рази в Лейпц. вид. вставлено: *і*.

— 2: та *так* не кинем, — (так у Льв. вид.), але в Лейпциг. і в прим. в Праж. К. стоїть: *вам*, і це, здається, правдивіще буде.

235, 1 — після цього рядка в Лейп. вид. 2 рядки крапок,

235, 2: *та й тілько...* (так у Львів. 1867), а в Лейпцигськ.: *І тілько ж*, а далі кінця рядка 2 і цілого 3 — в Лейпц. немає.

— 4: Ми малим ситі! А за те — в Лейпц.: а за *то*... В прим. в Праж. К. замість „малим ситі" — *до нас в науку*.

— 5: як би ви — в Лейпц.: *коли б ви*.

— 6: *де-чому навчились* — в Лейпц.: *де чого*, і це краще.

236, 10 — 12: Од молдаванина до финна
На всіх язиках все мовчить —
Бо благоденствує,

а в Лейпциг.: Од *Молдаванина* — стоїть у Львів. К. 1867 та у Лейпциг., в Пражськ.: *Молдаванна*.

Всі *мовчать* —
Бо благоденствуєм.

235, 16: жінку взяв *до себе*, — в Лейпцигськ. і навіть у Львів. 1867: *за себе*. Звідкіля ж „*до*“?

— 18 — 19: Ось бачите які у нас
Сидять на небі, —

так у Льв. 1867, — а в Лейпциг.: *ось бач*. Далі іде новий розмір, — треба „Ви ще темні“ з нового рядка писати.

— 16 зн.: догматами не просвіщенні (так у Льв. 1867). а в Лейпциг: *святим хрестом*. Так і в рук. Деп. Пол.

— 15 зн.: у нас навчіться, — в Лейпц. (очевидно, помилка): у нас научитеся...

— 14 — 13: В нас дери,
Дери та дай,
І прямо в рай
Хоть і рідню всю забери! —

так у Львів. 1867, так і в рукописови д. Романчука, — і инші варіант, як от у Пражськ. (основний):

Дери та дай,
Та *потім* в рай
Хоч і рідню всю забірай, —

краще одкинути,

Такий варіант узято з Лейпцигського вид., де стоіть:

У нас — дери, дери — та дай
Та й прямо в рай
Дочь (!) (очев.: *хоч*) і рідню всю забірай!

— 9 — 8 зн.: І зорі лічим, гречку сіем,
Француза лаєм, продаєм, —

так у Львів. 1867, а в Лейпциг. инакше:

Французькі (?) лаєм, гречку сіем,
Продаєм, — про „зорі“ немає мови.

— 7 зн.: людей, не негрів, — в Лейпц. зовсім правильно (та і у Львів. 1867): людей..... не негрів.

— 6: *но простих*, — в Лейпц.: *то* простих — що немає ніякої рації.

— 4 — 3 зн.: Щоб крадене перекупать,
Як ті жиди! Ми по закону!“ —

Як що після „як ті жиди“ поставити (.....), то ці 2 рядка будуть— так як в Лейпциг. виданню і у Львівськ. 1867. Так воно й повинно бути. А такий варіант, як в Пражськ.

Щоб крадене перекупать *та продавать*
Як ті жиди..., —

краще одкинути. Дуже може бути, що дійсно з цим уступом було так, як здогадується д. Романчука, — тоб то, що тут з 3 рядків зроблено два:

Щоб крадене перекупать
Та [опущено—кому] продавать
Як ті жиди.

— 2 — 1 зн.: По закону апостола
Ви любите брата? —

така інтерпункція в Пражск. Кобзар., і здається, вона правдивіша, ніж та, що у Львів. Кобз. з р. 1867, де після „брата" поставлено (,), а знак (?) аж після дальших двох рядків:

Суеслови, лицеміри,
Господом прокляті?

А в перш. редакц. (прим. до Пражськ. К.) не так:

По закону апостола
Возлюбите брата! —

та й то мабуть не „возлюбите", а „возлюбіте", і ці два слова треба поставити в лапки: „возлюбіте брата".

236, 6 — 8, — в Лейпциг. вид. ці рядки перестановлено так, що за 6-м іде 8-ий, а тоді 7-ий.

— 9: собі ж на те, *що* не знають, — в „Кобзарях": *що* не знають, а в Лейпциг. стоїть: „*чого* не знають", — і це найправдивіше, хоча виходить зайвий склад, але у Ш. це не раз трапляється.

— 13: за нас добрих? — скрізь „*добрих*" — лишень в рукописови Романчука стояло „грішних", але „добрих" значно краще..

— 15: щоб ми з тебе насміялись? - скрізь так, а в Лейпциг. зовсім щось сплутано: чи може, щоб за тебе насміялись".. В рукописові д. Романчука знов інакше: що би з тебе насміювались... — Це вже мало похоже на Шевченк.: щоби, та ще й: *насміювались.*

— 16 зн.: *і мірри дим*, — так в Лейпциг., так в Льв. 1867, так і в Пражськ. 1876, — в одних лишень прим. у Пражськ. К.: *мірри й дим.*

— 12 — 11 зн.: Просять...
Тобі приносять, —

скрізь так. Рада М. Кр-ського узяти: прос*им*, приноси*м* — зовсім безпідставна, — скоріш уже може бути помилка раніш в рядку: *щоб ми з тебе насміялись*, де, може бути, повинно було стояти так, як в рукопису д. Романчука, — без *„ми“*.

В прим. в Пражськ. К., в рядку 11 зн.: тобі ж приносять.

— 9 зн.: та ще хочем, — в рукоп. Департ. Поліц.: та *ще й хочем*.

— 7 зн.: Сонце правди показа*ти*, — так скрізь, крім Лейпц. вид., де: *показать*.

— 5: все покажем, — так у Львівськ. і Пражському, а в Лейпциг. вид. та в прим. в Праж. К.: *всьому навчим* (чи научим?), але Ш., очевидно, поправив його на *все покажем*, бо далі через 6 рядків знову стоїть: *всьому навчим*.

— 1 зн.: як і плести, — в рук. Деп. Пол.: *і як* плести.

237, 2 — 3: Всьому навчим, тілько дайте
Взяти свої гори, —

скрізь так, крім Лейпциг., де щось опущено: „Всьому навчим, тільки дайте свої гори“... В Пражськ. „Кобз.“ перед *всьому навчим* вставлено ще оден рядок, якого ніде більше немає (не взяв його і д. Романчук) „І як під них спини підставляти“... Чи не інтерполяція це?

— 3 — 4: Ті останні, бо взяли вже
І поле і море! —

так скрізь, крім Лейпц., де інакше трохи:

Остатки (останні?) гори — бо все взяли
І поле і море.

— 7: мій Якове *любий*! — В Лейпциг. вид.: *добрий*. Так і в рук. Д. П.

— 9, — після „не чорну“ не (,), а — , як в Лейпциг. вид. (у Льв. та Пражск. стоїть [:]).

— 11: з московської чаші, — в Лейпц.: *чарки*.

— 15: могили в степу *назирай*, — так у Льв. та в Пражськ., а в прим. в Пражськ. К.: *наглядай*, а в Лейпциг.: *виглядай*. На цьому слові і кінчається текст Лейпцигського видання, — дальших 12 рядків немає.

— 14 зн.: *сіятиму*, — в прим. в Праж. К.: *сіятимуть*.

— 10 зн.: *тії* думи, — в прим. в Праж. К.: *мої* думи.

— 6 — 5 зн.: І могили, степи, гори, —
І мене згадаєш, —

в прим. в Праж. К.: *степ і море*... Очевидно, що *море* тут ні до чого, бо на Вкраїні його немає, щоб згадувати його разом з степом; а коли це море Чорне,—побіля Кавказу, де Яків де Бальмен жив тоді і де його убито, то через що він мав його згадувати, коли воно нічим не звязане з поетом?

---

37. До мертвих і живих і ненарожденних...

Вперше видруковано в книжечці „Новые стихотворенія Пушкина и Шавченки“, Лейпциг., 1859. Видруковано й у „Вечерницях“, 1863, № 15. [1]), а уривок „Учітеся, брати мої“—в „Основі“, 1861, XI—XII). Крім того, варіанти маємо з рукопису Л. Жемчужникова (Зап. Н. Т. т. 39), рукописні варіанти в додатку до Пражськ. Кобзаря та в копії В. П. Науменка, найденій в паперах М. Максимовича (про цей зшиток згадувалося попереду). Нарешті в Женев. виданні з р. 1878 варіантів власне немає, а тільки корректурні поправки, за те у Львів. 1867 —досить пізня редакція.

Автографа не доводилось бачити, але в Департ. Поліції найдено цього року і це „посланіе“, датоване справді 14/XII 1845, про що досі була непевність. Текст цього рукопису — аналогичний з тим, що в Лейпцигськ. виданні.

Хронологично ріжні редакції можна поставити так: 1) Примітки в Пражському Кобзарі, 2) Департ. Полиції, 3) Лейпцигська редакція, 4) копія Максимовича, 5) копія Жемчужникова, 6) Кожан. та Львівськ. К. і 7) Пражськ. „Кобзарь.“

Відміни проти видання д. Романчука.

Попереду усього заголовок в Департ. Пол. та в Лейпцигському вид.: „І мертвим і живим і ненарожденним землякам моїм в Україні і ~~не~~ в Україні ~~моє~~ дружнє посланіе“ (без „сущих“). В копії М—ча: „Посланіе до мертвих і живих і ненарожденних моїх земляків в Україні і не в Україні“.

---

[1]) На жаль, не довелося бачити це число журналу.

474, 1: і сьвітає і смеркає, в рук. Д. П.: *і смеркає і світає.*

— 6: і день і ніч плачу, — в одному лишень Лейпц.: день і ніч блукаю.

— 8: *А* ніхто не бачить,—в рук. Д. П.: і в Лейпц.: *І* ніхто, а в коп. Максимовича: *Й ніхто не поможе (!)*

— 11 — 12: — Кайданами міняються,
Правдою торгують,

в Лейпц. немає, а в коп. М—ча так, як і скрізь.

— 10 зн.: побачите,—так в коп. Максимовича, а в Лейпц. рук. та рук. Праж. приміток: *побачимо.*

— 9 зн.: які будуть жнива,—в рук. Праж. прим.: як будуть

— 8 зн.: недолюдки, — в рук. Д. П.: *недолюди.*

— 6 зн.: на рай тихий, — в рукоп. Пражськ. пр.: *край*

— 5 зн.: на свою Вкраїну,—в Лейпц.: *Краіну.* Так і в рук. Д. П.

475, 5: своя *й* правда, в Лейпциг. немає: *й;* в коп. Макс.: *й своя* правда.

— 7: нема на світі України,— в рук. Праж. пр.: немає на світі другій України.

— 12: братерства братнього,—в рук. Праж. пр.: братерства, братію.

— 13: щоб ви неправді поклонялись,—в коп. Макс.: поклонились; так і в рук. Деп. Пол.:

— 15: А хилитесь, як і хиля́лись,—так і в пражськ., у Львів. 1867: *І* хи́литись; в Лейпциц.: *І* хилитись як і *хилились*; так і в коп. Максимовича та в рук. Д. Пол.:

— 17—15 зн.—цих рядків в Кожанчик. Кобзарі немає (3 рядки.....)

— 11 зн.: у чужині,—в рук. Праж.: *на чужину;* маб. так. і в Лейпц. мало бути, бо стоїть: нечужиі; в коп. Мак.: *на чужині.* Чи не буде це найсправедливіще?

— 7: зн.: тогді б зостався, — в рук. Д. П.: *остався б.*

— 5 зн.: ох і як би то сталось,—в рук. Праж.: пр. ох, як би те сталось; так і в рук. Д. П.; у Лейпц.: *от* як би...; в коп. Макс.; — так як звичайно.

— 3 зн.: мати б не ридала,—в коп. Макс.: *не тужила.*

— 2 зн.: не чули б у Бога вашої хули,—в рук. Праж.: пр. *убогі,* але по всіх инших редакціях: *у Бога,*—навиіть в Лейциг; так і в рук. Д. Пол.

476, 1: на чистій, широкій, на вольній землі,—в коп. М—ча на чисттій, на вольній, широкій землі.

— 8: заговор*ять*,—в коп. Жемчуж.: заговор*ить;* по всіх иншихъ, друков. (і Женев.) і рукописних ред. — заговор*ять*.

— 10: сто ріками,—в коп. М—ча два слова, в Праж.:—одно.

— 13: після „помагати“ треба не (;), а (, —)

— 15: і дитин*и* мати,—в коп. М—ча: дитин*у* (sic).

— 8 зн.: в саму душу,—в коп. М—ча: в *голу* душу.

— 4: тай засудять. — Цікава річ з цим варіантом. В Лейпц. виданні, через помилку (невміння читати по українські) стоїть: та й *засядуть*, — і оттак і пішло: у Львів. та Кожанчик. 1867, Праж. 1876—*засядуть*, навіть в коп. М—ча: засядуть. А може бути, що й в автографі Ш—ка була помилка, бо Максимович, у всякім разі, не списував ні з якого друкованого тексту.

— 4: після *засудять* треба.....

— 2: як би ви вчились,—в Лейпц. *ви* немає.

477, 3: все те знаю,—в рук. Д. П.: *і все знаю*.

— 5: нема і Бога,—у Макс.: нема й Бога, — очевидно, коли есть *й*, то мусить бути: нема*є* (в Женев. К—рі: немає).

— 7: та й більш нікого,—в рук. Деп. Пол. та в Лейпц.: *А більш* нічого; в коп. М—ча: та й більш*е* нікого..

— 10 — 11: нехай німець скаже, — в Лейпц.: нехай скаже німець. Так і в рук. Д. П.

— 13,— у чужому кра*ю*,—в коп. М—ча: кра*ї*.

— 11 зн.: Ганку, — в коп. М—ча: Ганка.

— 7: всі знаєте,—в коп. М—ча: *ви* знаєте, і це краще багато. Після „ви знаєте“ треба (....)

477, 2 зн.: нам нашу,—в рук. Д. П.: *нашу нам*.

477, 1 зн.: оттоді ми заходимось,—в коп. М-ча: оттоді-то заходимось.

478, 1: добре заходились,—в коп. М-ча немає,—очев., пропуск невзначай.

478, 3: тай,—в рук. Д. П.: *І*.

478, 13: чорт зна що *за* Брути!—в Лейпц. вид.: *не* Брути! так у Львів., Кожанч., Праж. і Женев., так і в коп. М-ча, а д. Романчук узяв варіант рукоп. Праж. приміток.

478, 17 зн.: гори клала,—в рук. Д. П.: *слала*.

478, 9 зн.: тую *славу*,—в Лейпц.: *славу*, коп. М-ча теж у Льв. 1867 та Пражськ.: *главу*. Розуміється, *слава* певніще.

478, 7 зн.: а ні тітли,—в Лейпц і коп. М-ча: тітла.

478, 3 зн.: чиї сини?—в Лейпц.:—чії діти?.

478, 2—1 та 479, 1—2—нема в Кожанч. Кобз. (4 рядки.....)

479, 2: підніжки,—в рук. Д. П.: *подножки*.

479, 6: сини сердешної Украйни, — в Лейпц.: сердешной Україны, в коп. М-ча: сердешної Вкраїни (так і в Женевськ.)

479, од рядка 7-го до самого краю стр. 479 в россійськ. „Кобз." немає (через цензурні умови).

479, 8: ще лучше, ніж батьки ходили—в коп. Жемчужн.: ще краще, як діди ходили; в Лейпц.: ще лучше, *як* батьки ходили, от цей варіант і в коп. М-ча.

479, 9: деруть *ремінь*,—в Женев. поправлено на: *ремні* (!), (од ре́мінь—pluralia реміння, а не ремні!), але в коп. М-ча ясно: ре*мень*.

479, 13:Трапезунтом,—в рук. в рук. Д. П.: *Трапезонтом*.

479, 15: правда ваша,—в рук. Д. П.: правда, правда.

479, 18 зн.: а на Січі мудрий німець,—в рук. Д. П. і Лейпц.: *І* на Січі; так і в коп. М-ча; крім того, в коп. М-ча: *куций* німець.

479, 15 зн.: Купуєте,
Й їсте, — в рукоп. Праж. прим.:
Коштуєте,
Істе... В рук. Д. П.: теж: *їсте*.

479, 14 зн.: та й славите,—в рук. Д. П. і в Лейпц. немає *й*, в коп. М-ча: — есть.

479, 12: Отта земля—в коп. М-ча: *шая* земля.

— 11 зн.: що картоплю родить,—в рук. Д. П.: що *картоплі*.

479, 7 зн.: колись завалили,—в коп. М-ча: *задавили*. Чи не помилка?.

479, 5 зн.: тай вас роздавила,—в коп. М-ча: та й *нас*.

— 4 зн.: та ось-як,—в рук. Д. П.: *та от як*.

479, 2 зн.: і нам, синам,—в Лейпц.: і *вам*; так і в рук. Д. П.;

479, 1 зн.: свої кайдани, свою славу,—перш за все після „кайдани" не (,), а—; але в коп. М-ча: свої кайдани *й* свою славу.

480, 5: *так як пиво*,—в рукоп. Пр. прим.: *замість пива*, в рук. Д. П. та в Лейпциг.: *замісь* пива; в рук. Жемчужн.: *замісь*, копія Максим.: *замісь*; у Львів. 1867 теж: *замість*.

480, 6: кров із ребер *точуть*. Це неправильно: в Лейпц.: то*чать* і в рукоп. Жемчуж.: точ*ать*... Так і повинно бути, хоч далі рифма: хочуть.

480, 7: просвітити, бачиш, хочуть,—в рукоп. Праж.: просвітити, *кажуть*, хочуть; так і в копії М-ча; так і в Лейпциг. і в рук. Д. П.:

480, 8: материні,—в коп. М-ча: матернії.

480, 13: після слів: ведіть, показуйте!—в Праж. рукоп., в коп. М-ча, так само як і в коп. Жемчужникова, іде такий текст:

Нехай стара мати
Навчається (Жем.; *научиться*—в коп Макс.) як дітей тих
Нових (Макс.: на вік?) доглядати.
Показуйте! За науку
Не торгуйтесь (в рук. Д. Пол. та в Лейпц. вид.: не турбуйтесь) буде

Материна (материнська—Жемч.) плата (в коп. Макс.: Добра плата!)

В Лейпциг. так, як і в рук. Д. П.

Але останніх 4 ряд. так і у Львівськ. В одному Пражському—чомусь немає 4 рядки,—і їх треба до „Кобзаря“ узяти. Отже, зробивши вставки, матимем цей уступ в такому вигляді (найкраща редакція—рук. Деп. Пол. та Лейпциг., бо у Макс. щось попсовано):

Добре! Ведіть, показуйте!
Нехай стара мати
Навчається, як дітей тих
Нових доглядати.
Показуйте! За науку
Не турбуйтесь — буде
Материна добра плата.

480, 16: роспадеться луда,—в коп. М—ча: полуда (!), але в Лейпц. краще: луда, як і скрізь,

— 14: учітеся, брати мої—в рук. Пр.: не дуріте самі себе; так і в Лейпциг., так і рук. Д. П.; в коп. М—ча:

Усе робіть, брати мої,
Учітесь, читайте.

В Кожанчик.: Учітеся, брати мої,
Учітесь, читайте;—а у Льв.: думайте, читайте;

— 8: чужі люде цураються,—в Лейпц.: *того діти* цураються; так і в рук. Д. П.; в рук. пр. Праж.:

Того люде цураються,
В хату не пускають.

— 6 зн. свої діти—мов чужії,—в коп. М—ча; *як* чужії, а в рук. Праж.: чужі люде проганяють; — так і в Лейпциг. та в рук. Д. П.

— 1 зн. діла незабуті,—в коп. М—ча, „Основі", Женев. Кобз.: *незабутні*.

481, 2: як би їх забути,—і далі —, а не (,).

— 8: несонним,—скрізь: не сонним.

— 14: *й* за що,—в Лейпц. і коп. М—ча нема *й*.

— 15: обніміте ж,—в коп. М—ча: обійміте ж.

— 13 зн: благословіть...,—в рук. Д. П.: благослови [тоб-то: *заплакана мати*].

— 10: і *обмитих* поцілуйте,—в рук. вар. (Праж.): в одному: і жіночок, (так в Лейпці., в „Основі" навіть у Львів. 1867, в другому: і діточок; так і в коп. М—ча; в Праж.: і обмитих. В рук. Д. П.: і діточок поцілує (тоб то—заплакана мати).

— 3 зн.. тихенько засяє,—в „Основі" та в рук Праж.: тихо просіяє; в коп. М—ча: тихо засіяє (так і в Лейпциг. та в рук. Д. П.); в рук. Жемчуж.: новий засіяє.

(Далі буде).

В. Доманицький.

М. М. Коцюбинскій.

(*Опытъ критическаго очерка*). [1])

V.

Познакомившись, такъ сказать, съ внѣшней стороной творчества Коцюбинскаго, мы обратимся теперь къ его внутренней сторонѣ, къ тому, насколько владѣетъ авторъ психологіей человѣка, этой своенравной прялкой, прядущей причудливую нить нашей жизни.

Несомнѣнно, чувство является основой всей психической жизни человѣка; однако оно отнюдь не является процессомъ изолированнымъ отъ двухъ другихъ сторонъ душевной жизни, т. е. отъ разума и воли: вмѣстѣ съ ними чувство входитъ во всѣ душевные акты. Такимъ образомъ, изъ трехъ этихъ элементовъ образуется весь матеріалъ душевной жизни человѣка; изъ ихъ взаимодѣйствія и сплетается весь узоръ нашей жизни, тотъ узоръ, не зависящій отъ внѣшнихъ случайностей, весьма часто не имѣющихъ ничего общаго съ душевными данными человѣка, который только и является предметомъ психологіи и литературы.

Постараемся-же уяснить себѣ, въ какой мѣрѣ способенъ Коцюбинскій проникнуться чувствомъ изображаемыхъ имъ лицъ, насколько можетъ онъ прослѣдить и изобразить зарожденіе и развитіе чувства, какъ умѣетъ онъ мотивировать поступки своихъ героевъ.

Начнемъ съ самыхъ рельефныхъ проявленій психической жизни человѣка,—съ аффектовъ. Безъ сомнѣнія, изображеніе аффектовъ есть только азбука въ психологіи, но человѣкъ, не знакомый съ этой азбукой, не прочтетъ и исторіи человѣческой души.

Всякое чувство, какъ-бы возвышенно оно ни было, хотя бы чувство эстетическаго восторга, или священнаго благоговѣнія, оказываетъ извѣстное вліяніе на всѣ органы человѣка; подъ вліяніемъ его измѣняется дѣятельность сердца, а вслѣдствіе этого

---

[1]) См. Кіев. Ст. 1906 г. № 9.

является кровенаполненіе тканей, измѣняется дыханіе, мышечная сила, дѣятельность железъ и т. д. Результатомъ такого воздѣйствія чувства на всѣ органы и является та видимая и для внѣшняго наблюдателя перемѣна въ наружности человѣка, охваченнаго тѣмъ или инымъ чувствомъ. Художники и поэты рисуютъ намъ образы людей, охваченыхъ тѣми или иными чувствами. Для того чтобы дать намъ подобный образъ, художникъ пользуется только характернымъ измѣненіемъ во внѣшности человѣка, и однако эти нѣмыя черты такъ выразительны, такъ понятны всякому, что безъ слова передаютъ намъ то чувство, которое художникъ хотѣлъ воплотить въ своемъ образѣ. Подобныя пластичныя описанія, если можно такъ выразиться, въ поэтическомъ произведеніи производятъ еще болѣе впечатлѣнія, такъ какъ въ нихъ входятъ и тѣ внутреннія ощущенія человѣка, которыя не проявляются вовнѣ.

Многочисленные опыты ученыхъ надъ животными и людьми давно уже установили фактъ измѣненія дѣятельности всѣхъ органовъ подъ вліяніемъ того или иного чувства. Они выработали даже точную таблицу, показывающую намъ, какъ измѣняется дѣятельность органовъ человѣка при чувствахъ стеническихъ и астеническихъ, они же изобрѣли и множество приборовъ, опредѣляющихъ силу измѣненія дѣятельности того или иного органа. Художникъ-писатель не нуждается ни въ динамометрахъ, ни въ пневмографахъ, ни въ плетисмографахъ, ни въ другихъ подобныхъ приборахъ: у него есть одинъ приборъ, вѣрнѣе и неизмѣннѣе всѣхъ этихъ инструментовъ,—его собственное чутко-отзывчивое, глубоко-воспріимчивое сердце. Переживая въ дѣйствительности всѣ описываемыя чувства, настроенія и душевныя движенія,—художникъ ощущаетъ и всѣ измѣненія, вызываемыя даннымъ чувствомъ въ организмѣ,—потому-то чувства, передаваемыя художниками слова, полны такой яркой жизненной правды, потому-то они и заражаютъ читателя.

Эта непосредственная правдивость описанія, свойственная художественнымъ произведеніямъ, давно обратила на себя вниманіе ученыхъ, и при изслѣдованіи объ измѣненіи дѣятельности тѣхъ или иныхъ органовъ подъ вліяніемъ извѣстнаго чувства, ученые обращаются къ художественнымъ произведеніямъ, какъ къ матеріалу, провѣренному опытомъ. Мы же въ данномъ случаѣ хотимъ употребить обратный методъ,—мы хотимъ сравнить описаніе чувствъ въ произведеніяхъ Коцюбинскаго съ данными, добытыми наукой, и провѣрить, насколько они совпадаютъ съ ними.

Вообще всѣ чувства дѣлятся на двѣ крупныя категоріи: на чувства стеническія, или возбуждающія, и астеническія—или

разслабляющія. Главнѣйшимъ основаніемъ для такого раздѣленія послужило вліяніе чувства на произвольную мускулатуру. Такимъ образомъ, напримѣръ, гнѣвъ, радость, надежда возбуждаютъ произвольную мускулатуру и потому относятся къ чувствамъ стеническимъ; страхъ, печаль, зависть принадлежатъ къ чувствамъ астеническимъ.

Выписываемъ слѣдующую таблицу, перечисляющую измѣненія физіологической жизни человѣка при стеническихъ и астеническихъ чувствахъ.

1) Въ стеническихъ аффектахъ произвольная мускулатура напряжена, а гладкая разслаблена; въ астенической наоборотъ. Согласно этому въ стеническихъ чувствахъ (гнѣвъ, радость) сосудистая инервація разслаблена (пульсъ мягкій и полный, лице красное), въ астеническихъ-же (страхъ, зависть, печаль) сосуды въ спазмѣ, пульсъ сжатый, твердый, малый; кожа лица блѣдна, конечности холодны.

2) Стенические аффекты усиливаютъ дѣятельность сердца и ускоряютъ его ритмъ, астенические-же дѣйствуютъ обратно, ослабляютъ сердце и замедляютъ его ритмъ.

3) Стенические аффекты усиливаютъ дѣятельность выдѣлительныхъ органовъ; астенические-же уменьшаютъ или пріостанавливаютъ (сухость во рту въ страхѣ, потеря молока у женщинъ въ печали).

4) Стенические аффекты улучшаютъ питаніе, астенические ослабляютъ и разстраиваютъ питаніе, вліяя на кровеобращеніе и на обмѣнъ.

5) Дыханіе въ стеническихъ чувствахъ свободно и легко, въ астеническихъ же наоборотъ разстроено и подавлено; тоска дѣйствуетъ на инспирацію съ наибольшимъ гнетомъ, а радость съ найвысшимъ поощреніемъ и т. д. [1])

Возьмемъ теперь для примѣра нѣсколько отрывковъ изъ произведеній Коцюбинскаго, рисующихъ намъ проявленіе тѣхъ или другихъ аффектовъ.

И такъ остановимся на картинкахъ гнѣва и ужаса, какъ примѣрахъ противоположныхъ аффектовъ.

„Олександра з нервовим поспіхом бігала по хаті, сама не знаючи, що робить. То вона разів кілька переставляла з місця на місце хліб на столі, то брала віник, щоб замітати, і кидала його серед хати, то метнувшись до жердки, шукала чогось межи одежою. Чорне обличчя Олександри збіліло; з-під високих веселкою брів світились гострі, чорні очі; в очах мигтіла блискавка. Ноздрі довгого, тонкого носа хвилювались, тонкі вуста нервово тремтіли (229).

Сравнивая это описаніе съ приведенной выше таблицей физіологическихъ измѣненій нашего организма, вызываемыхъ стеническими и астеническими чувствами,—можно подумать, что оно написано просто по опредѣленному рецепту,—такъ соотвѣтствуетъ описаніе Коцюбинскаго всѣмъ признакамъ, установленнымъ научными данными.

[1]) Проф. Сикорскій. Всеобщая психологія, стр. 229.

Усиленная работа сердца (пунктъ 2) обусловливаетъ повышенную дѣятельность субъекта, охваченнаго гнѣвомъ. Блескъ глазъ является слѣдствіемъ выдѣленія слезной влаги (пунктъ 3). Нервное вздрагиваніе ноздрей и губъ стоитъ въ прямой зависимости съ напряженіемъ произвольной мускулатуры (пунктъ 1) и т. д.

Возьмемъ теперь, напримѣръ, проявленіе чувства астеническаго, а именно чувства ужаса.

„Настя так і прикипіла до лави, угледівши Олександру. Їй здалося, що *то смерть* її *прийшла за нею;* сердце її *перестало битись* у грудях, *голос наче втік* глибоко, глибоко в груди, так що звідти не сила добути його й крикнути. Настя немов захолола, затерпла вся, та лише дивилась на Олександру здоровими переляканими очима. Настя сиділа непорушно на лаві біла-біла, як шитво на колінах. Їй здавалось що кожне слово Олександрине бігло на лотоках, шуміло під колесом і спадало на її голову тяжким, пекучим водоспадом“ (289).

Первый моментъ описанія является весьма характернымъ проявленіемъ паралича воли и произвольныхъ движеній, зависящихъ, вѣроятно, отъ замедленія сердечной дѣятельности, вызывающей мгновенную анемію мозга.

Слѣдующее явленіе,—ужасная мысль о томъ, что это смерть пришла за ней,—обусловливается также пріостановкой сердечной дѣятельности, вызывающей невыразимую смертельную тоску. Объ остановкѣ сердца говоритъ самъ авторъ въ слѣдующей фразѣ; это явленіе и считается однимъ изъ существеннѣйшихъ признаковъ астеническихъ аффектовъ (п. 2). Невозможность произнести и слова—спазмъ горла (п. 1). Холодъ и одеревенѣлость тѣла, а также страшная блѣдность лица обусловливается также спазмомъ кровеносныхъ сосудовъ (п. 1). Заключительныя фразы описанія, говорящія о томъ, что Настѣ казалось „кожне—слово Олександри бігло по лотоках, шуміло під колесом і спадало на її голову тяжким пекучим водоспадом“—это впечатлѣніе порождено было сильнымъ шумомъ въ ушахъ, вызваннымъ также ослабленной дѣятельностью сердца.

Мы остановимся еще на двухъ отрывкахъ изъ разсказовъ Коцюбинскаго „На віру“ и „Для загального добра“,—такъ какъ оба они представляютъ изъ себя chœuf d'oeuvr'ы художественной красоты и показываютъ намъ, съ какой силой передаетъ авторъ глубоко драматическіе моменты жизни своихъ героевъ.

Гнатъ, герой повѣсти „На віру“, услыхалъ страшный крикъ и, прибѣжавши, увидѣлъ, что Олександра, его законная жена,

которую онъ ненавидѣлъ всѣми силами души, тащитъ по землѣ за волосы Настю, любимую имъ женщину, съ которой онъ сошелся, такъ сказать, гражданскимъ бракомъ.

„Гвалт!—крикнула Настя в сінях. Гва-алт!—закричала вона дико на дворі і пручаючись впала на сніг. Саме тоді Гнат почув крик Настін. Він, як спіш, з сокирою побіг до хати. Сцена, що побачив він перед порогом хати, мов мороз стяла кров в його жилах. Але це була лишь одна хвилина. В другій—Гнат, мов ранений ведмідь, кинувся до Олександри і схопив її за груди.—Пусти!—не своїм голосом заревів він, струсивши Олександрою, як грушою.—Ба не пущу!—і собі крикнула Олександра; очі її запалали вогнем, як у голодної вовчиці.—„Пусти, бо зарубаю!—крикнув Гнат і замахнувсь на неї сокірою"—„Зарубай, то підещь у Сібірь з своєю полюбовницею,—захрипіла Олександра, сіпнувши Настю за коси. Настя йойкнула. Гнат не стямився від того стогону; він підійняв сокиру над Олександриною головою.—Ой!—дико скрикнула Олександра і зняла руки, щоб закрити голову... але не встигла: блискуча сокира, мов блискавка, впала їй на голову і глибоко росколола череп. Олександра хрьопнулась на землю. З глибокої рани ринула кров та закрашала білий сніг: Настя підвелась і, бліда, простоволоса, тремтячи, як у пропасниці, дивилась на труп Олександри. Гнат важко дихав, наче ухекавшись від довгої біганини. На білому, як папір, обличчю застигли гнів та невимовний біль. Широко роскриті очі нестямно дивились на червоні плями на снігу".

Прибѣжали люди и въ ужасѣ столпились у воротъ. Раздались крики, причитыванья...

„А Гнат же стояв на одному місті, та уважно витирав полою свити закрівавлену сокиру. Він ще не тямив, що це сталося. В голові у Насті уперто ворушилась одна думка; в хаті відчинені двери, треба їх зачинити, бо найде холоду, та настудится хата. Думка та кружляла в Настіній голові, однак Настя стояла на одному місці, мов зачарована, і не чула навідь холоду, не помічала, що була в одній сорочці, простоволоса".

Наконецъ, крикнули старосту; пришелъ староста съ десятниками.

„Десятники обступили Гната. Вони відібрали від нього сокиру, звязали з-заду руки поворозкою. Гнат не пручався; він стояв, як покірна дитина, або краще як пень, з яким можно все зробити. Десятники вже мали рушати з Гнатом, коли враз почулося страшне, розриваюче душу: „ой-о-ой! що це сталося? Гос-

поди, що це сталося?“ То Настя опамъяталась і кинулась до Гната, страшна, простоволоса з заломанними руками. Вона припала до Гната, обнімала його, умліла на його грудях. Той крик, той плач гіркий зробив на Гната дивне враженія. Він став, глянув навкруги і наче зразу все уявив собі,—і те, що сталося, і те, що мало статися“.. и т. д.

Въ этомъ описаніи художественно отмѣчены авторомъ три момента: первый—моментъ ужаса, второй—моментъ бѣшенной ярости, и третій—состояніе полнаго оцѣпенѣнія. Въ первомъ моментѣ авторъ говоритъ, что сцена, которую увидѣлъ Гнатъ, какъ морозомъ „стяла“ кровь въ его жилахъ, т. е. кровь въ его жилахъ остановилась и онъ весь похолодѣлъ (очевидно и замеръ на мгновенье на мѣстѣ),—всѣ эти явленія слѣдуетъ считать послѣдствіями спазма кровеносныхъ сосудовъ, сопровождающаго чувства астеническія (п. 1). Слѣдующій моментъ въ настроеніи героя является уже проявленіемъ бурной дѣятельности. Сознаніе героя плохо работаетъ, но воля напряжена; онъ бросается на Олександру, яростно кричитъ, замахивается топоромъ,—вся эта стремительность дѣйствія, конечно, обусловливается усиленной дѣятельностью сердца. Однако въ слѣдующихъ строкахъ авторъ говоритъ, что лице Гната „було біле, як папір“, между тѣмъ въ табл., приведенной проф. Сикорскимъ, сказано, что при чувствахъ стеническихъ, какъ-то гнѣвъ, радость и др., пульсъ долженъ быть полный, лицо красное (п. 1). Въ дѣйствительности наблюдательный человѣкъ можетъ замѣтить, что въ высшей степени гнѣва, равняющейся бѣшенству, изступленію,—лице человѣка уже бываетъ не красно, а бѣло, какъ полотно. Это кажущееся противорѣчіе объясняется весьма легко: пораженіе центральной нервной системы вызываетъ нервный спазмъ сосудовъ, вслѣдствіе чего кровь не пробѣгаетъ съ должной быстротой, а образуетъ застой; это послѣднее явленіе въ свою очередь порождаетъ усиленную дѣятельность сердца и въ концѣ концовъ задышку, на которую и указываетъ авторъ. Совершивши убійство, „Гнат важко дихав, наче ухекавшись від довгої біганини“. Лице его было блѣдно, широко раскрытые глаза неподвижно смотрѣли на жертву, онъ стоялъ, какъ окаменѣлый, не понимая того, что совершилъ; сознаніе еще не работало, временный психозъ продолжался.

Почему-же не работало его сознаніе? Вѣдь онъ видѣлъ у своихъ ногъ разрубленную голову своей жены, видѣлъ—и не понималъ, что обозначаетъ это зрѣлище. Вѣрно-ли жизни подобное явленіе? Наблюденіе говоритъ, что оно вѣрно. Какое-же фи-

зіологическое объясненіе можетъ быть дано ему? Мы думаемъ, что физіологическое объясненіе этого психическаго явленія сводится къ слѣдующему. Спазмъ сосудовъ, являющихся слѣдствіемъ извѣстнаго воздѣйствія центральной нервной системы, обусловливаетъ временную анемію мозга, а вслѣдствіе этого и ослабленіе его дѣятельности. Если еще и возможна какая нибудь работа сознанія мысли, то только крайне поверхностная, лишенная глубокой ассоціативной связи. Прошло уже не мало времени съ момента убійства, а Гнатъ все еще стоялъ надъ покойницей и машинально отиралъ полой свиты кровь съ топора. Это дѣйствіе, не смотря на свою видимую машинальность, было однако вызвано сознаніемъ Гната; оно заключало въ себѣ только двѣ посылки: топоръ грязенъ—надо его отереть. А почему, отчего грязенъ топоръ, какая грязь темнѣетъ на немъ страшными пятнами,—этихъ развѣтвленій мысли уже не могъ дать обѣднѣвшій кровью мозгъ.

Также художественно подмѣчена авторомъ застывшая въ мозгу случайная мысль и при описаніи душевнаго состоянія Насти. Настя также потрясена до послѣдней степени происшедшимъ. Обратите вниманіе на всю ея позу, на то, какъ она глядитъ на трупъ Олександры. Она блѣдна, какъ бумага, зрачки ея расширены, все тѣло дрожитъ, какъ въ лихорадкѣ. Всѣ эти внѣшнія измѣненія объясняются тѣми-же физіологическими процессами, о которыхъ мы говорили выше, стараясь объяснить причины, вызвавшія оцѣпенѣніе Гната. Настя видитъ открытую дверь, и въ мозгу ея возникаетъ ближайшая ассоціація: надо закрыть дверь, не то хата остынетъ. Эта мысль кружится въ ея головѣ, дальше—никакихъ ассоціацій. Обѣднѣвшій кровью мозгъ не можетъ исправно работать, и случайно попавшая въ сознаніе мысль кружится, настойчиво кружится въ одномъ тѣсномъ уголкѣ, не пробуждая къ дѣятельности сосѣднихъ участковъ мозга.

Вся изложенная нами выше сцена проведена авторомъ въ высшей степени художественно и сильно; она полна жизненной правды, и эта жизненная правда пріобрѣтаетъ полную объективность въ виду замѣчательнаго совпаденія описаній автора съ точными данными, уже добытыми наукой.

Не менѣе сильна и глубоко-трагическая сцена изъ разсказа „Для загального добра". На виноградникѣ Замфира оказалась филоксера, и чиновники, пріѣхавшіе въ деревню для борьбы съ нею, сжигаютъ весь виноградникъ Замфира, чтобы прекратить возможность дальнѣйшаго распространенія заразы. При первомъ

извѣстіи о намѣреніяхъ чиновниковъ, Замфиръ приходитъ въ дикое изступленіе и заявляетъ, что онъ не позволитъ трогать своей собственности; писарь старается напугать его тѣмъ, что это дѣлается по повелѣнію самого „императора“, но бѣшенство Замфира такъ сильно, что, не взирая и на это объясненіе, онъ хочетъ застрѣлить всѣхъ злодѣевъ, явившихся уничтожить его добро, взлелѣянное его кровью; когда-же онъ прибѣгаетъ на виноградникъ, когда видитъ своими глазами непоправимыя разрушенья, уже произведенныя здѣсь,—его охватываетъ такое безпредѣльное отчаянье, въ которомъ сразу гаснутъ и бѣшенство, и гнѣвъ. Отъ самаго зарожденія до конца вся эта трагическая сцена проведена Коцюбинскимъ съ неподражаемымъ мастерствомъ. Отчаянье Замфира и Маріоры наростаетъ съ какой-то чисто стихійной силой, а потому оно невольно передается и читателю; читатель видитъ живыхъ людей, живыя неподдѣльныя чувства.

Прослѣдимъ постепенное наростаніе этого чувства съ перваго момента.

Прибѣжавшіе хлопцы приносятъ семьѣ ужасную вѣсть. „Маріора як держала горщик, так і впустила його до долу. Замфирові в першу хвилину світ замакітрився“. Какъ характерно это проявленіе ужаса: мгновенное обѣднѣніе мозга кровью, вызывающее головокруженіе и такое разслабленіе всей мускулатуры (п. 1 и 2), что человѣкъ не можетъ двинуться съ мѣста; руки Маріоры, державшія горшокъ, разжимаются, и горшокъ съ трескомъ падаетъ на землю.

Но это состояніе оцѣпенѣнія продолжается только одну секунду,—сознаніе Маріоры и Замфира постигаетъ страшное бѣдствіе, стрясшееся надъ ними, и обоими овладѣваетъ гнѣвъ (чувство астеніч.), желаніе излить свою ярость на докторовъ. Замфиръ срываетъ со стѣны ружье и мчится вслѣдъ за Маріорой на виноградникъ. Ослѣпленный бѣшенствомъ бѣжитъ Замфиръ; онъ ничего не видитъ и не слышитъ; въ его пылающей головѣ роятся тысячи мыслей, но всѣ эти мысли лихорадочны, разметаны, отрывисты: необычайный приливъ крови къ головѣ мѣшаетъ правильному теченію мыслей, и порождаетъ образъ мыслей, напоминающій мышленіе возбужденнаго душевно-больного. Но вотъ изъ-за угла вырвался густой столбъ дыма. Очевидное подтвержденіе страшной вѣсти, принесенной хлопцами, снова оковываетъ ужасомъ Замфира. Замфиръ весь вздрогнулъ и остановился на мгновенье, но только на мгновенье; безумное бѣшен-

ство охватываетъ его, онъ взводитъ курки, зажимаетъ въ рукахъ ружье и, какъ остервенѣлый звѣрь, несется на виноградникъ съ цѣлью убить Тиховича. Но когда несчастный Замфиръ добѣгаетъ до виноградника, когда глазамъ его представляется ужасная картина непоправимаго разрушенія труда всей его жизни—горе его переходитъ всѣ границы: и гнѣвъ, и жажда мести, всѣ эти болѣе мелкія чувства исчезаютъ передъ безконечнымъ отчаяньемъ, охватившимъ Замфира. Схватившись за голову руками, онъ можетъ только стонать: „О, Домне, Домне! що-ж я подію, несчастний! Що-ж я подію?“ У него еще хватаетъ силъ обратиться съ послѣдней мольбой къ Тиховичу, но когда послѣдній въ знакъ отказа отрицательно качаетъ головой,—силы оставляютъ несчастнаго Замфира: онъ падаетъ на землю и, положивши голову на корни винограда, только стонетъ придавленнымъ голосомъ: „голову рубайте мені, не виноград“. Онъ уже не понимаетъ никакихъ уговоровъ Тиховича, и только каждый разъ, когда трещитъ подъ ударомъ топора виноградная лоза,—онъ чуетъ острую боль въ сердцѣ, какъ-будто ударъ топора падаетъ не на лозу, а на его мозгъ, на его сердце. И когда по приказанію Тиховича, работники приближаются къ Замфиру, чтобы вывести его изъ его собственнаго виноградника,—бѣдный Замфиръ уже не сопротивляется, онъ повторяетъ только одну фразу: „голову рубайте мені не виноград... Не відбірайте від мене хліба... не сиротіть, бо загину“. На виноградникѣ снова закипаетъ разрушительная работа, но Замфиръ уже не видитъ ея...

Помутнѣвшими глазами, смотритъ онъ куда-то въ пространство, за горы.. за лѣсъ.. не чувствуя ни горя, ни злобы.. отчаянье раздавило его.., (365—366) „Якась знемога, якесь знесилля опанувало його... Він почуває себе таким кволим, таким безпорадним, розбитим. Замфирові здається, що йому відтято руки й ноги, та кинуто в якусь глибінь, на дно річки. Вода заливає йому очі, вуха, ніс, вливається в середину через горло, не дає крикнути, благати помочи, а він спускается все глибше і не може рятуватись, бо не має а ні рук, а ні ніг... Замфир спустився на дно, а там лежать уже без життя діти і жінка та мов чекають на нього. От і Замфир ліг нерухомо попліч з родиною своєю серед могильної тиші і так байдуже йому до всього, що колись за життя було милим, дорогим, для чого він тратив сили, боровся, жив. Тепер від світа цілого відділяє його оця в кільканадцять сажнів заввишки верства текучої жовтої води, крізь яку байдужно дивится на Замфира завжде глухе на людські благання вічно спокійне небо“ (366).

Такъ рисуетъ намъ Коцюбинскій настроеніе Замфира; и все въ этомъ описаніи поразительно типично для характеристики состоянія человѣка, раздавленнаго отчаяньемъ.

Начнемъ съ физическаго состоянія его: мутный, ничего не видящій взоръ, общая слабость, одеревенѣніе рукъ и ногъ, безсиліе мысли,—всѣ эти ощущенья вызваны измѣненіемъ физическаго состоянія Замфира, подъ вліяніемъ огромнаго, тяжелаго чувства, нахлынувшаго на него. Отчаянье, какъ высшая форма печали, относится къ чувствамъ астеническимъ. И вотъ, первый внѣшній признакъ душевнаго состоянія Замфира, на который обратилъ вниманіе авторъ—затуманенный взоръ его. Выраженіе взгляда вообще чрезвычайно характерно для опредѣленія душевнаго состоянія человѣка: мы знаемъ и горящіе вдохновеніемъ, и сіяющіе радостью, и застывшіе отъ ужаса, и угасшіе глаза. Эта зависимость измѣненія глаза отъ измѣненія мыслей и чувствъ человѣка, изученная учеными,—эмпирически извѣстна лучше всего художникамъ-живописцамъ, умѣющимъ заставлять глаза своихъ персонажей такъ краснорѣчиво говорить о чувствахъ и мысляхъ души. Взглядъ Замфира мутный, смотрящій куда-то неопредѣленно вдаль и не видящій ничего передъ собой—чрезвычайно характеренъ.

Человѣкъ, занятый одной глубокой мыслью, сосредоточиваетъ свой взглядъ всегда на одномъ пунктѣ, какъ-бы желая, инстинктивно удалить изъ поля своего зрѣнія все способное развлечь его вниманіе. Человѣкъ, ничего не думающій, можетъ также безсмысленно уставиться глазами въ одну точку; но и не обращая вниманія на его позу, мимику лица, наклонъ головы, положеніе бровей,—мы по одному взгляду его можемъ рѣшить: сосредоточился-ли онъ на одной мысли, или глаза его безцѣльно уперлись въ одну точку. Субъектъ, пораженный ужасомъ, также впивается своими неподвижными, расширившимися зрачками въ одну точку, въ предметъ, испугавшій его. И не смотря на все кажущееся однообразіе этихъ остановившихся глазъ, мы сразу можемъ узнать, что приковало взглядъ человѣка—ужасъ, или глубокая мысль.

Человѣкъ мечтающій, также какъ и человѣкъ убитый отчаяньемъ, смотритъ неопредѣленно вдаль, но между двумя такими взорами есть огромная разница. Человѣкъ, убитый горемъ, смотря вдаль, *не видитъ ничего передъ собою*, тогда какъ мечтатель все видитъ и время отъ времени останавливаетъ свой взоръ на тѣхъ или иныхъ предметахъ. Происходитъ это, конечно, отъ

того, что сознаніе въ первомъ случаѣ бываетъ почти совершенно подавлено, во второмъ-же оно работаетъ, но работаетъ несосредоточенно, лѣниво; оно легко переходитъ съ одной мысли на другую, и такимъ образомъ взглядъ то фиксируется на извѣстныхъ точкахъ внутренней искоркой, то озаряется радостной мыслью;—словомъ, не смотря на нѣкоторую томность, взглядъ мечтающаго человѣка имѣетъ живой видъ, а такъ какъ мечты заключаютъ въ себѣ всегда извѣстную долю пріятности, то общій видъ влажнаго, слегка затуманеннаго взгляда размечтавшагося человѣка рѣзко отличается отъ мутнаго, застывшаго взгляда раздавленнаго отчаяньемъ существа.

Общая слабость, охватившая Замфира, которую указываетъ дальше авторъ, является слѣдствіемъ слабости произвольной мускулатуры (окоченѣніе рукъ и ногъ) и спазма кровеносныхъ сосудовъ, сопровождающаго всегда проявленіе чувствъ астеническихъ. Далѣе, сами образы, всплывающіе въ мозгу Замфира, являются вѣрнымъ отраженіемъ физіологическаго состоянія его организма: представленіе о вливающейся въ уши, въ ротъ шумящей водѣ по всей вѣроятности вызвано шумомъ въ ушахъ, всегда сопровождающимъ подобное полуобморочное состояніе, являющееся слѣдствіемъ той-же ослабленной дѣятельности сердца. Безчувственное состояніе Замфира, якобы уже лежащаго на днѣ глубокой рѣки, не слышащаго, не видящаго ничего, равнодушнаго ко всему, чѣмъ билось сердце при жизни,—весь этотъ образъ также рожденъ постепенно уплывающимъ сознаніемъ и медленнымъ оцѣпенѣніемъ всего тѣла,—слѣдствіемъ тѣхъ-же причинъ, о которыхъ мы говорили выше.

У Маріоры характеръ иной, и, сообразно даннымъ своего характера, она иначе воспринимаетъ дѣйствительность. Маріора, также какъ и Замфиръ, потрясена ужаснымъ событіемъ, но какъ женщина пылкая, экспансивная, она не можетъ постичь сразу всю бездну непоправимаго несчастья, обрушившагося на нихъ. Въ ней еще тлѣетъ надежда. Виноградникъ еще не весь вырубленъ, и когда Тиховичъ показываетъ ей филоксеру на корняхъ и говоритъ, что это зараза, Маріора хватается въ отчаяньи за послѣднее средство—убѣдить Тиховича, что никакой заразы нѣтъ въ этой желтоватой плесени,—она вырываетъ изъ земли корни, начинаетъ ихъ рвать зубами и все ѣстъ, ѣстъ. Если это зараза, то пусть же она первая умретъ отъ нея. Но когда несчастная женщина убѣждается въ томъ, что и это доказательство не можетъ заставить Тиховича отказаться отъ своего намѣренія—

тогда она срывается съ земли и съ дикимъ проклятіемъ выбѣгаетъ изъ сада. Маріора охвачена бѣшенствомъ, чувствомъ стеническимъ, и вся стремительность ея дѣйствій указываетъ на главный признакъ чувствъ подобнаго рода—усиленную работу сердца.

Что дѣлаетъ Маріора дальше? Авторъ не ведетъ насъ за нею, но и безъ его словъ мы знаемъ, что могла она дѣлать въ такомъ состояніи: она кричала рыдала, проклинала грабителей билась головой объ стѣну и рвала на себѣ волосы, пока не упала гдѣ нибудь въ полномъ изнеможеніи.

Кромѣ очевидной для всякаго художественной правды и силы, всѣ приведенные нами выше примѣры находятъ еще и полное подтвержденіе въ психо-физіологіи, наукѣ, занимающейся выясненіемъ соотношеній психологической и физіологической жизни организма. Конечно, психо-физика никогда не будетъ руководствомъ для художника и не даетъ жизни его произведенію, но она даетъ возможность основательнаго контроля и даетъ критикѣ силу объективной правды.

Мы могли-бы представить еще много примѣровъ изъ сочиненій Коцюбинскаго, полныхъ такой-же жизненной силы, но считаемъ, что достаточно и приведенныхъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что писатель, воспроизводящій такъ мастерски подобныя сцены, въ моментъ творчества въ дѣйствительности переживаетъ ихъ.

VI.

Но, повторяемъ, изображеніе аффектовъ есть только азбука психологіи. Писатель долженъ умѣть проникать въ исторію человѣческой души.

Какъ рѣка, вытекающая изъ ничтожнаго подземнаго источника, воспринимаетъ въ себя различные притоки, распадается на нѣсколько рѣкъ, образуетъ водопады, озера, исчезаетъ, наконецъ, подъ землей, для того чтобы снова вырваться наружу въ видѣ рѣки, озера, или горячаго источника,—такъ протекаютъ и въ душѣ человѣка многія сложныя чувства, рѣшающія программу его жизни. Они также уходятъ временами въ глубину безсознательнаго, какъ-бы тонутъ безслѣдно, и вдругъ по прошествіи извѣстнаго времени вырываются изъ неизмѣримой глубины нашей души горячимъ ключомъ, все опрокидываютъ, все разрушаютъ на своемъ пути.

И какъ естествоиспытатель, изучая рѣку, отыскиваетъ ея источникъ, и, встрѣчая бьющій изъ земли фонтанъ, старается уяснить себѣ, какое подземное давленіе было причиной этого явленія,—такъ и художникъ старается указать намъ источникъ зарожденія того или иного чувства, всѣ притоки, превратившіе его въ многошумную рѣку, препятствія, скалы и уклоны, придавшія бурную силу его теченію и превратившіе его въ стремительный и грозный водопадъ, и если это чувство вдругъ замираетъ, исчезаетъ изъ области сознательнаго въ нашей душѣ и затѣмъ снова вырывается изъ нея горячимъ источникомъ,—художникъ старается проникнуть и туда, въ эту темную область, и объяснить намъ, какое давленіе вызвало снова на свѣтъ это чувство, ушедшее, казалось, навсегда въ глубину души.

Художникъ долженъ понять всякаго, и понять его въ такой обстановкѣ, въ какую его бросила жизнь. И если мысли, поступки и чувства героя вполнѣ соотвѣтствуютъ даннымъ его темперамента и той средѣ, въ которой выросъ онъ,—тогда мы говоримъ, что изображеніе художественно. Отелло не можетъ произносить монологовъ Гамлета: онъ не можетъ такъ мыслить, не можетъ такъ чувствовать, такъ поступать. Всякій человѣкъ имѣетъ свою манеру мысли, свой особый темпъ чувства, свою извѣстную долю силы воли.

Въ началѣ нашей замѣтки мы говорили о томъ, что произведенія Коцюбинскаго дѣлятся на двѣ неравныя части: одни—имѣющія высокую, художественную цѣну, другія—появившіяся какъ-бы по недоразумѣнію въ сборникѣ талантливаго писателя. Если въ смыслѣ красоты изложенія произведенія эти и не такъ рѣзко отличаются другъ отъ друга, то, при сравненіи психологическаго анализа тѣхъ и другихъ разница ихъ выступаетъ рѣзко. Красота художественнаго изложенія замѣтна и въ самыхъ первыхъ произведеніяхъ Коцюбинскаго,—это блестки истиннаго таланта, но въ остальномъ ихъ раздѣляетъ бездна. Просматривая ихъ по времени возникновенія, мы видимъ, какъ растетъ глубина таланта автора.

Въ манерѣ письма беллетристическихъ произведеній, какъ и въ манерѣ письма произведеній драматическихъ, есть два метода. Одинъ строитъ всѣ коллизіи произведенія на непредвидѣнныхъ и самыхъ неожиданныхъ случайностяхъ,—теорія созиданія французскихъ мелодрамъ и бульварныхъ романовъ; авторы подобныхъ произведеній интересуются только неослабѣвающимъ интересомъ развитія интриги; другой методъ творчества старает-

ся обосновать всю драму жизни на столкновеніи характеровъ, чувствъ и страстей, ведущихъ къ неизбѣжной развязкѣ, заложенной уже въ самомъ душевномъ мірѣ лицъ, столкнувшихся на жизненной аренѣ. Такія произведенія имѣютъ высокую художественную цѣну: они приближаютъ насъ къ правдѣ жизни, тогда какъ первыя только забавляютъ лѣнивый къ серьезному мышленію умъ.

Произведенія Коцюбинскаго: „Посол од Чорного Царя“ „По людському,“ „Дорогою ціною“, отчасти „Поединокъ“ и въ особенности „Помстився“,—хотя и должны яко-би знакомить насъ съ душевной борьбой человѣка,—относятся безусловно къ произведеніямъ перваго рода. Трудно повѣрить, чтобы эти грубыя, примитивныя повѣствованія были созданы писателемъ, вскрывающимъ съ такимъ искусствомъ души своихъ героевъ. Но не желая быть голословными, попробуемъ разсмотрѣть каждое изъ нихъ въ отдѣльности.

Разсказъ „Посол од Чорного Царя“,—повѣствуетъ о томъ, какъ одинъ изъ типичнѣйшихъ представителей золотой молодежи, блестящій petit maître, внезапно оставилъ свой образъ жизни, порвалъ со всѣмъ прошлымъ, сдѣлался самымъ ярымъ демократомъ и открылъ въ глухой деревнѣ лавочку, гдѣ и началъ торговать. Устроилъ онъ этотъ coup d'etat для того, чтобы имѣть болѣе легкій доступъ къ крестьянамъ и оказывать на нихъ благотворное вліяніе.

Причиной такого феерическаго перерожденія является, по словамъ автора, слѣдующее анекдотическое происшествіе.

Герой, хотя и любилъ щегольнуть словцемъ на извѣстныя либеральныя темы, въ дѣйствительности былъ самымъ пустымъ щоголемъ. Кромѣ стремленія къ „радостямъ жизни“, онъ имѣлъ еще страсть къ фотографированію, и вотъ въ одну изъ такихъ экскурсій съ нимъ произошелъ слѣдующій непріятный случай.

Однажды, проѣзжая черезъ село, нашъ фотографъ-любитель обратилъ вниманіе на то, что жители деревни очень красивы; онъ остановился у волости, вызвалъ старосту и заявилъ ему, что черезъ двѣ недѣли пріѣдетъ въ деревню снять съ болѣе красивыхъ портреты. Черезъ двѣ недѣли фотографъ дѣйствительно пріѣхалъ въ деревню съ аппаратомъ.

Но необычайное заявленіе его уже пробудило пугливое воображеніе крестьянъ; заронились слухи, предположенія, и въ концѣ концовъ, при помощи бабьихъ язычковъ, сложилась легенда о томъ, что панычъ пріѣдетъ снимать портреты съ дѣвушекъ для

того, чтобы показать ихъ Чорному Царю, и которыя изъ нихъ понравятся Царю, тѣхъ и возьмутъ изъ деревни. Словомъ, когда явились любители съ фотографическимъ аппаратомъ и хотѣли снять танцующихъ дѣвушекъ, то онѣ мгновенно разбѣжались, а толпа, предводительствуемая бабами, окружила фотографовъ; начались крики, угрозы, всевозможныя предположенія о цѣли прибытія пословъ од Чорного Царя. Въ концѣ концовъ дорогой аппаратъ едва не былъ разбитъ наступающей толпой; испуганные любители вскочили въ бричку, и только рванувшія со всѣхъ силъ въ гору лошади спасли злосчастныхъ любителей отъ разъяренной толпы. Это событіе произвело рѣшительный переворотъ въ душѣ героя. Въ немногихъ словахъ страется авторъ очертить исторію такого сложнаго переворота.

„Я думав,—говоритъ Солонина, герой повѣсти,—поруч живуть люде—одні безпомічні, здичилі з темноти, другі освічені, узброєні в знаття, і не злучаются, не єднаются, мов би Бог зна які кордони розлучили їх. Це мене вражало. Світло стоїть поруч з темрявою і не розгонить мороку.“ Такія примитивныя мысли роятся въ головѣ Солонины. Впрочемъ, онъ тотчасъ добавляетъ, что онѣ уже не были новостью для него. Но, заключаетъ свою короткую исповѣдь Солонина: *годі вам розказувати детально про боротьбу, яку я счинив з собою, з своїми звичками, застарілими поглядами.* (38). Весьма возможно, что въ дѣйствительности Солонина такъ и отвѣтилъ своему товарищу; но авторъ, передающій намъ подобное происшествіе, долженъ знать, что если въ немъ и есть какой либо интересъ, то онъ заключается именно въ томъ, какую борьбу пережилъ Солонина, какимъ образомъ отрѣшился онъ отъ своего прежняго міра,—остальное все вещи второстепенныя. Но авторъ не даромъ вложилъ въ уста Солонинѣ столь знаменательную фразу: дѣло въ томъ, что если бы Солонина и захотѣлъ познакомить насъ съ той борьбой, какая возникла въ его душѣ,—онъ не могъ-бы этого сдѣлать, такъ какъ причина, яко-бы вызвавшая ее, не соотвѣтствовала слѣдствію.

Незнакомство деревенской толпы съ фотографическимъ аппаратомъ еще не могло вселить такой жгучей боли о невѣжествѣ народномъ, которая понудила бы пустого и ничтожнаго Солонину къ геройскому подвигу. Во времена Месмера, вполнѣ реальныя явленія месмеризма, именуемыя нынче гипнотизмомъ, почитались людьми гораздо болѣе образованными, чѣмъ „Гуцулія“, напавшая на Солонину, проявленіемъ какой-то темной, сверхъестественной силы. Да если-бы и сейчасъ произвести передъ какими

либо мелкими обывателями захолустныхъ мѣстечекъ чудесные опыты съ радіемъ, или хотя-бы съ рентгеновымъ аппаратомъ,—развѣ это не принято бы было ими за колдовство или въ лучшемъ случаѣ за искусный фокусъ? Нѣтъ, такое безобидное незнаніе не разрываетъ сердца. Вотъ если-бы Солонина увидалъ, какъ протягиваютъ черезъ хомутъ родильницу, умирающую въ нечеловѣческихъ мукахъ, какъ приводятъ прощаться къ дифтеритному ребенку остальныхъ здоровыхъ дѣтей; какъ сынъ, озвѣрѣвшій отъ вѣчной бѣдности и тьмы, выгоняетъ старуху мать изъ хаты на голодную смерть; какъ бьютъ, калѣчутъ, превращаютъ дѣтей въ идіотовъ голодные и пьяные родители,—тогда бы и мы поняли, что картины подобнаго невѣжества могутъ разорвать сердце человѣку, способному воспринимать чужія страданія, могутъ навсегда обезцвѣтить въ его глазахъ всѣ краски пустой, свѣтской жизни. Но безсмысленная вспышка толпы въ данномъ случаѣ, какъ могла она повліять на Солонину, того Солонину, какимъ представляетъ намъ его Коцюбинскій?

Прежде всего онъ самъ своимъ страннымъ поведеніемъ далъ основаніе невѣроятнымъ слухамъ, распространившимся до его пріѣзда. Вообразимъ себѣ, что какой нибудь важный сановникъ (а таковымъ непремѣнно является всякій панычъ въ глазахъ крестьянъ, да еще такой блестящій, какъ Солонина!) подкатываетъ къ городской думѣ, вызываетъ городского голову и объявляетъ ему, что въ Кіевѣ довольно красивыхъ жителей и что черезъ двѣ недѣли онъ пріѣдетъ фотографировать ихъ? Развѣ подобное странное заявленіе не породило-бы всевозможныхъ толковъ въ городѣ? И развѣ появленіе такого кавалера не вызвало бы недоброжелательства и среди болѣе образованныхъ городскихъ обывателей? Что-же удивительнаго въ томъ, что дикій народъ встрѣтилъ кольями непрошеннаго фотографа, поступавшаго еще все время какъ бы нарочито безтактно? Конечно, пассажъ, происшедшій съ Солониной, былъ весьма непріятенъ, но происшествіе это отнюдь не относилось къ числу тѣхъ, которыя потрясаютъ души. Въ сердцѣ Солонины оно должно было вызвать раздраженіе противъ этой грубой черни и еще крѣпче утвердить презрительную мысль о томъ, что чернь еще не доросла до какихъ либо идей и что эта область останется навсегда достояніемъ „аристократіи духа.“ Такъ долженъ былъ реагировать на это траги-комическое происшествіе бездушный petit maître Коцюбинскаго, но онъ вдругъ „разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ“ выростаетъ сразу до размѣровъ героя и дѣлается суровымъ сподвижникомъ идеи

Нѣтъ,—уголъ паденія не равняется углу отраженія, и эта психологическая невѣрность непріятно поражаетъ сознаніе, какъ раздражаетъ ухо грубый, рѣзкій диссонансъ.

Одно изъ двухъ: или герой разсказа не былъ тѣмъ узколобымъ представителемъ золотой молодежи, какимъ его рисуетъ авторъ, или происшествіе, зажегшее и его гнилую душу священнымъ огнемъ, должно было быть гораздо драматичнѣе того анекдота, который передаетъ намъ Коцюбинскій. И въ томъ и въ другомъ случаѣ надо было обратить большее вниманіе на психологію героя, а не заявлять устами его: *„годі вам розсказувати детально про боротьбу, яку я счинив з собою, з своїми звичками, застарілими поглядами.“* Эта странная точка зрѣнія автора превращаетъ разсказъ въ нескладный анекдотъ.

Онъ мертвъ, и, не смотря на свою высокую тенденцію, такъ же напоминаетъ жизнь, какъ раскрашенная восковая кукла живого человѣка.

Разсмотримъ теперь слѣдующій разсказъ, представляющій изъ себя еще болѣе аляповатый анекдотъ—„По людському“. Герой разсказа Карпо, парубокъ грамотный, развитой, съ запросами человѣка, ищущаго истины, посѣщалъ постоянно либеральнаго и просвѣщеннаго учителя школы, который вліялъ самымъ благотворнымъ образомъ на его развитіе. Благодаря бесѣдамъ съ учителемъ, Карпо значительно расширилъ кругъ своихъ знаній; его стала невыносимо тяготить тьма окружающей обстановки,—онъ сталъ рваться къ лучшей жизни. Но учителя убрали изъ деревни; Карпо затужилъ. Черезъ нѣкоторое время, однако, онъ женился, остепенился и только по временамъ, при видѣ насилій, производимыхъ надъ безотвѣтными крестьянами, въ немъ пробуждался бурный духъ революціонера, но вспышки эти быстро угасали. Прошло четыре года жизни Карпа, совершенно неизвѣстныхъ ни автору, ни читателю. Черезъ четыре года Карпо неожиданно получаетъ въ наслѣдство отъ тетки 200 руб. И какъ думаетъ читатель, на что обращаетъ всѣ эти деньги разумный, интеллигентный Карпо? Онъ начинаетъ жрать, жрать черезъ силу, для того, чтобы обновить свою кровь. На вопросъ товарища Максима, купитъ-ли онъ себѣ воловъ, или десятину поля,—Карпо отвѣчаетъ гнѣвно: „Воли! Що мені з волів! Я сам досі був як віл у плузі. Ні, годі! Тепер я поновлю свою кровь, наберуся сили. Он у Німечині, або в Англії робочий чоловік кожен день їсть мнясо. Того він і смілявий, і розумний, людиною нарікається. В йому кровь грає. А ми що?.. Жінко, давай, що там насмажила“.

И вотъ, на основаніи такого поверхностнаго, чисто анекдотическаго соображенія, Карпо начинаетъ обновлять свою кровь тѣмъ, что жретъ, какъ свинья, съ утра до вечера, возбуждая и смѣхъ и отвращеніе среди своихъ односельчанъ.

Авторъ рисуетъ намъ картины безобразнаго обжорства Карпа. То Карпо сидитъ красный, потный и пожираетъ черезъ силу свинину, разбрасывая кругомъ кости, то Карпо лежитъ вывернувшись на постели и кричитъ на жену: „розшибай пазуху, а ну чи влучу?“ Жена раздвигаетъ сорочку и онъ бросаетъ ей за пазуху конфекты. „Цукор потрібний для тіла: він його нагріває, як дрова пічь, і підживляє,“ объясняетъ онъ свои странные поступки нарвавшемуся на эту сцену товарищу. И такъ далѣе, все crescendo и crescendo; кончается вся исторія тѣмъ, что просвѣщенный Карпо, въ концѣ концовъ, напивается, какъ животное въ шинкѣ, и у него крадутъ купленнаго на занятые деньги коня. Это послѣднее происшествіе потрясло Карпа: „Це вже по свинячому вийшло,—заявляетъ онъ сумрачно товарищу: не вмів я по людському жити. Не для нас воно“. Карпо опомнился и съ жгучей страстностью набросился на работу; онъ уплатилъ всѣ долги, но все таки продолжаетъ ходить на заработки, какъ-бы желая заглушить какую-то жгучую боль.

И такъ, просвѣщенный, любознательный Карпо, духовно воспитанный честнымъ и либеральнымъ учителемъ, изъ всѣхъ его бесѣдъ вынесъ такое убѣжденіе: человѣкъ, каково бы ни было его происхожденье, долженъ стремиться къ тому, чтобы жить по человѣчески, т. е. охранять свои человѣческія права и свободно развивать свой разумъ; достигнуть этого можно, только обновивъ физическій составъ своей крови при помощи безсмысленнаго жранья и пьянства. Такой способъ разсужденій напоминаетъ намъ логику героевъ нѣмецкихъ анекдотовъ, въ которыхъ, когда докторъ говоритъ, напримѣръ, больному: пріймите эти порошки въ водѣ;—то больной идетъ къ рѣкѣ, входитъ въ воду и тамъ принимаетъ лекарство. Или, когда докторъ, подавая больному рецептъ, говоритъ ему: пріймите это и вамъ станетъ легче,—то больной рветъ на мелкіе кусочки рецептъ, проглатываетъ ихъ, и выздоравливаетъ. Разница въ данномъ случаѣ будетъ состоять только въ томъ, что авторы подобныхъ анекдотовъ выставляютъ своихъ героевъ безсмысленными дураками, тогда какъ, по словамъ Коцюбинскаго, Карпо былъ осмысленнымъ, любознательнымъ человѣкомъ, съ которымъ учитель велъ долгія и разумныя бесѣды. И неужели-же эти разумныя бесѣды не уяс-

нили Карпу хоть слѣдующаго: что если англійскій рабочій силенъ и свободенъ, то вовсе не потому, что онъ ѣстъ мясо, а наоборотъ — онъ ѣстъ мясо потому, что силенъ и свободенъ. Память недавно прошедшаго крѣпостного права должна была-бы также напомнить Карпу, что не сытая пища пробуждаетъ въ людяхъ духъ свободы. Среди панской дворни и въ той деревнѣ, гдѣ жилъ Карпо, находилось навѣрное не малое количество хитрыхъ угодниковъ, блюдолизовъ панскихъ, которые обильнѣйшимъ образомъ питались отъ стола своихъ господъ, и не смотря на это, оставались самыми презрѣнными пресмыкающимися. Да наконецъ, самъ свободолюбивый учитель, вызвавшій къ жизни душу Карпа, развѣ жирнымъ мясомъ поддерживалъ онъ въ себѣ любовь къ свободѣ?! Карпо видѣлъ его жизнь изо дня въ день, и примѣръ этого благороднаго человѣка долженъ былъ глубоко запечатлѣться въ его душѣ.

Такимъ образомъ, если-бы у Карпа была хоть крупица здраваго смысла, онъ не могъ-бы сдѣлать такого парадоксальнаго, анекдотически-безсмысленнаго вывода. Это приводитъ насъ къ рѣшенію двухъ вопросовъ: или Карпо былъ въ дѣйствительности безнадежнымъ дуракомъ,—въ такомъ случаѣ не стоило писать и разсказа; или-же онъ былъ человѣкомъ разумнымъ,—въ такомъ случаѣ онъ не могъ-бы разсуждать столь парадоксально, и несостоятельность его должна была-бы обнаружиться въ болѣе глубокомъ, въ болѣе драматическомъ столкновеніи съ жизнью.

Переходимъ къ третьему разсказу этой же серіи, — „Дорогою ціною". Это уже не набросокъ, это большой разсказъ во вкусѣ Майнъ-Рида или Фенимора Купера. Для читателей юношескаго возраста онъ долженъ представлять большой интересъ, такъ какъ нѣтъ тѣхъ ужасовъ и бѣдствій земныхъ, которыхъ не бросилъ-бы авторъ на головы своихъ героевъ: бѣгство отъ пана, ночная переправа черезъ Дунай; всѣ успѣли сѣсть въ лодки, только герои разсказа остались на берегу и бѣгутъ отъ погони. Постройка плота.. переправа.. теченіе уноситъ плотъ съ съѣстными припасами.. чудомъ спасены.. И вдругъ шальная пуля козака съ русской стороны ранитъ Остапа. Заблудились.. пожаръ въ плавняхъ. Соломія попадаетъ въ область огня.. на раненаго, лишеннаго силъ Остапа нападаетъ волкъ. Неожиданное спасеніе: Соломія выбѣгаетъ изъ плавней, натыкается на хату цыганъ, умоляетъ ихъ идти за нею. Находятъ въ глубинѣ плавней Остапа; цыгане несутъ его къ себѣ. Остапъ выздоравливаетъ нако-

нецъ. Казалось-бы, насталъ вмѣстѣ съ этимъ и конецъ всѣмъ испытаніямъ злосчастныхъ героевъ? Не тутъ то было! Авторъ готовитъ имъ еще горшія бѣдствія. Цыгане оказались грабителями. Произошла какая то ночная схватка, въ которой ранили стараго цыгана. Остапъ и Соломія поняли, что нельзя и минуты оставаться дольше въ этомъ разбойничьемъ гнѣздѣ, но вмѣсто того-чтобы сейчасъ-же уйти вмѣстѣ въ селеніе, гдѣ Соломія работала поденно у болгарина,—они поступаютъ удивительно неостроумно: Соломія отправляется сначала одна просить болгарина принять пока что Остапа, а пока она путешествовала туда и сюда,—налетѣли турецкіе солдаты, связали всѣхъ цыганъ, въ томъ числѣ и Остапа, и отвезли въ тюрьму въ Галацъ. Добравшись, наконецъ, до начальника тюрьмы,—Соломія узнаетъ, что Остапъ, какъ русскій бѣглецъ, будетъ отправленъ назадъ въ Россію. Соломія рѣшается на послѣднее героическое средство: отбить у солдатъ Остапа силой. Планъ Соломіи не удается: лодка опрокидывается,—Соломія съ товарищемъ Иваномъ тонутъ, Остапа отвозятъ на русскій берегъ.

Такимъ образомъ, бѣглецы гибнутъ, но не отъ тяжкихъ условій жизни, встрѣчающихъ подобныхъ безправныхъ людей въ чужой странѣ, а отъ исключительно романтическихъ бѣдствій, насланныхъ на нихъ авторомъ.

Фантазіи автора могъ-бы позавидовать и Майнъ-Ридъ. Двѣ случайно завалившіяся спички въ штанахъ какого-нибудь „слѣдопыта“ спасаютъ его и отбитую у индійцевъ красавицу отъ цѣлой стаи волковъ, — у Коцюбинскаго дѣло обходится еще чудеснѣе: брызги воды спасаютъ недвижимого Остапа отъ голоднаго волка! „Єдиним оружжам Остаповим була вода, і він час од часу обливав нею вовка, не допускаючи до себе. Вовк врешті скучив: він кілька раз сердито з запеклістю клацнув на Остапа зубами, крутнувсь і счез у комишах“ (170). Должно быть, этотъ добрый волкъ былъ вегетаріанецъ, въ противномъ случаѣ не могло-бы такое голодное, хищное животное отказаться отъ столь вкуснаго кушанья изъ-за нѣсколькихъ капель воды. Да проститъ намъ почтенный авторъ, но трудно какъ-то повѣрить, чтобы волкъ, проживающій въ плавняхъ, забрызганный въ мокрую грязь, до такой степени боялся воды; да, наконецъ, если не ошибается старикъ Бремъ, волкъ отнюдь не относится къ кошачьей породѣ, а потому и не страдаетъ боязнью воды.

Какъ видно изъ переданнаго нами выше содержанія разсказа, въ произведеніи этомъ отведено слишкомъ мало мѣста

для психологіи: почти всѣми моментами жизни героевъ руководятъ ужасныя случайности. Въ этомъ, конечно, нѣтъ ничего невѣроятнаго. Бываютъ жизни, исторія которыхъ есть только перечень фатальныхъ бѣдствій; бываютъ жизни счастливыя и безпечныя, какъ струи лѣсного ручейка, теченіе которыхъ вдругъ прерывается шальнымъ камнемъ, сорвавшимся съ крыши,—все это вполнѣ вѣроятно, но отнюдь не типично. И переданный Коцюбинскимъ разсказъ, за немногими исключеніями, можетъ имѣть свою долю вѣроятія,—но онъ лишенъ литературнаго интереса, такъ какъ слишкомъ исключительныя обстоятельства, сопровождающія жизнь его героевъ, дѣлаютъ его далекимъ отъ реальной жизни.

Впрочемъ, уже въ этомъ разсказѣ видна способность Коцюбинскаго глубоко проникать въ тайники сердца человѣческаго. Отмѣтимъ истинно художественную картину смерти Соломіи. Рѣдко кому удавалось передать съ такой силой безконечное одиночество умирающаго человѣка.

Небольшой набросокъ „Поединок“ переноситъ насъ уже въ сферы quasi-интеллигенціи“. Сынъ бѣдной мѣщанской семьи, скромный молодой человѣкъ получаетъ мѣсто репетитора въ богатомъ домѣ помѣщика и важнаго чиновника. Супруга его, увядшая сорокадвухъ-лѣтняя дама, влюбляется въ красиваго репетитора и обращаетъ его въ своего возлюбленнаго. Она терзаетъ его нездоровой любовью, своими романтическими письмами, своими аристократическими манерами и классической музыкой, которыхъ бѣдный учитель не можетъ оцѣнить, но такъ какъ связь съ „настоящей“ дамой льститъ самолюбію Пиддубнаго и гарантируетъ ему хлѣбное мѣсто, то онъ и остается въ роли послушнаго любовника. Мужъ неожиданно накрываетъ любовниковъ и выгоняетъ репетитора изъ дому. Афрапированный учитель покорно уходитъ, но прибѣжавши домой, начинаетъ обдумывать свой поступокъ и приходитъ къ выводу, что онъ поступилъ по мѣщански, позволивши безпрекословно такъ унизить себя. Антонина, „настоящая дама“, никогда не проститъ ему этого. Какъ реабилитировать себя въ ея глазахъ? Въ этихъ размышленіяхъ проводитъ молодой учитель всю ночь и на утро придумываетъ гаденькій компромисъ. Свѣтскія правила чести требуютъ, чтобы онъ вызвалъ оскорбителя на дуэль, но онъ, Пиддубный, не хочетъ рисковать своей жизнью, а потому онъ пошлетъ свой вызовъ на имя Антонины: такимъ образомъ и честь будетъ возстановлена, и дуэль не состоится. Планъ достигаетъ цѣли: мужъ является къ Пид-

дубному съ извиненіемъ, и такимъ образомъ возстановляется status quo ante.

Разсказъ „Поединок“ составляетъ переходъ отъ приведенныхъ нами выше разсказовъ Коцюбинскаго къ послѣдующимъ прекраснымъ произведеніямъ его. Душевное состояніе молодого учителя, помышляющаго о томъ, какъ-бы смыть свой позоръ и оградить отъ риска свою жизнь, разработано прекрасно. Но психологія эта безпочвенна,—у ней нѣтъ корней. Мы видимъ передъ собой труса и негодяя. Но почему этотъ Поддубный, сынъ бѣдной и, очевидно, трудящейся мѣщанской семьи, превратился въ такого жалкаго пошляка и труса? Мы также не понимаемъ, почему молодой, здоровый человѣкъ, имѣющій сильныя руки и кой-какія знанія, добровольно погрузился въ тину и грязь, способную удовлетворять лишь такія дряблыя, увядающія натуры, какъ пани Антонина?

Эта недосказанность сильно понижаетъ литературную цѣнность разсказа.

Небольшой разсказикъ „Помстився“—произведеніе на столько слабое, что считаемъ ненужнымъ даже подвергать его болѣе подробному разбору. Это сплошная мелодрама. Богатый помѣщичій сынокъ, кутила, мотъ, спустившій все и нынѣ состоящій въ санѣ босяка, сильно выпивши, откровенничаетъ со своимъ случайнымъ собесѣдникомъ рабочимъ-парубкомъ и разсказываетъ ему исторію своей грязной жизни, между прочимъ упоминаетъ о крестьянской дѣвушкѣ, которую онъ погубилъ. Парубокъ также повѣряетъ ему исторію своей горькой жизни; разсказываетъ, почему онъ бросилъ свое родное село и отправился мыкаться по свѣту: онъ любилъ больше жизни дѣвушку изъ своей деревни и панъ погубилъ ее. О, если-бы только удалось ему отыскать этого негодяя, ужъ онъ бы заплатилъ ему и за свою и за ея искалѣченную жизнь!

Ужасная случайность!

Оказывается, что именно этотъ баринъ-босякъ, это пьяное животное и погубилъ его несчастную невѣсту. Наконецъ-то онъ можетъ отомстить негодяю! Но честный парубокъ гнушается подобной местью, онъ оттягиваетъ пьяное тѣло отъ рѣки, что-бы его не захлестнули волны, и возвращается въ городъ.

О, счастье!

Въ городѣ онъ наталкивается совершенно неожиданно на несчастную любимую дѣвушку, которую столько времени разыскивалъ напрасно и считалъ безвозвратно погибшей.

Добродѣтель награждена, порокъ наказанъ—и всѣ три единства соблюдены!

Въ этихъ первыхъ разсказахъ Коцюбинскаго, какъ-то „Помстився“, „Посол од Чорного Царя“, „По людському“, видна и во внѣшней формѣ неопытная рука: они преимущественно ведутся въ видѣ разсказа отъ перваго лица: авторъ еще не владѣетъ дѣйствіемъ, но что касается красоты языка, стиля и художественной силы описанія, то эти свойства въ большей или меньшей степени составляютъ неотъемлемое свойство всякаго произведенія Коцюбинскаго.

VII

Переходимъ теперь къ тѣмъ произведеніямъ Коцюбинскаго, въ которыхъ дарованіе его выразилось съ полной силой.

Психологія женской души, а вмѣстѣ съ нею вся сложная гамма чувства любви составляютъ избранный мотивъ художественнаго психологическаго анализа. Въ русской литературѣ лучшимъ знатокомъ женской души почитается Тургеневъ,—можемъ безъ преувеличенія сказать, что такое же мѣсто принадлежитъ по праву въ украинской литературѣ Коцюбинскому. Вотъ всѣ женскіе образы, проходящіе передъ читателемъ: бѣдныя татарочки Фатьмэ, Эмене, молдаванка Гашица, Олександра, Настя, Раиса, баба Хима, Маріора, Маланка, и даже мимолетно проскальзывающія милыя тѣни Гафійки и цыганки Гицу,—всѣ они живы, естественны и правдивы. Любящія, тоскующія, гнѣвныя, изступленныя—онѣ всегда сохраняютъ въ себѣ типичную чистоту непосредственной женской души; онѣ дѣйствуютъ подъ вліяніемъ чувства, и чувство это никогда не бываетъ подкуплено посторонимъ разсчетомъ. Онѣ всѣ любятъ, каждая по своему; онѣ не могутъ жить безъ любви, не той, конечно, любви, перипетіи которой живописуются въ французскихъ бульварныхъ романахъ, а той любви, которая одушевляетъ жизнь славянской женщины, которая заставляетъ забывать себя для другихъ,—будь то мужъ, отецъ, ребенокъ или родная страна. Мы не смѣемъ настаивать на нашемъ мнѣніи, но исторія и литература поддерживаютъ его. Въ любви своей украинская женщина какъ-бы старается утолить жажду самопожертвованія. Она не старается покорить себѣ любимаго человѣка, она не покоряется и сама, она только ищетъ достойнаго человѣка, чтобы излить на него весь запасъ нѣжности и любви,

которыми такъ щедро надѣлила ее природа. Не такъ радуетъ ее своя слава, какъ слава избранника ея. Эта слава теплѣе: радостнѣе лелѣять чужую славу, чѣмъ холить свою. И если женщина не находитъ такого существа въ жизни, если сердце ея обречено на холодное одиночество,—оно атрофируется, какъ атрофируется всякій органъ, лишенный возможности проявлять свойственную ему дѣятельность. Остается жить человѣкъ съ мертвымъ сердцемъ. Счастливы тѣ женщины, для которыхъ открытъ міръ идей; какъ-бы ни была одинока и безрадостна ихъ личная жизнь,—имъ есть для кого жить, есть что любить: но тѣ добрыя созданья, добрыя и нѣжныя, которыя могутъ понять только любовь конкретную къ близкому, дорогому человѣку,—лишенныя этой любви, онѣ увядаютъ, какъ увядаютъ цвѣты, лишенные солнечнаго луча. Такому грустному явленію посвященъ одинъ изъ лучшихъ разсказовъ Коцюбинскаго „Лялечка".

Героиня его также любитъ, но любитъ по своему. Любовь Раисы совсѣмъ не похожа на любовь Гашицы, любовь Фатьме или Насти; каждая изъ нихъ любитъ сообразно даннымъ своего темперамента, своего развитія, своей среды, — и въ этомъ большая сила таланта Коцюбинскаго.

Остановимся, напр., на Фатьме (На камени). Татарка съ горъ, она выдана замужъ за противнаго, богатаго рѣзника, котораго не любитъ. Случайно въ приморскую деревушку пріѣзжаетъ молодой турокъ и остается на нѣкоторое время жить въ домѣ рѣзника. Разъ увидѣлъ онъ глянувшія на него изъ-за фередже очи Фатьме, она опьянилась звуками его зурны,—и оба полюбили другъ друга. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что не личность Али пробудила любовь въ сердцѣ Фатьме, — она вѣдь ни разу не говорила съ нимъ: молодость, красота юнаго турка воплотили томившую душу Фатьме тоску въ опредѣленную страсть,—въ ней слились и жажда свободы, и жажда искренняго, молодого чувства, и Фатьме безъ думъ, безъ размышленій отдалась своей страсти, съ той природной силой, съ какой поворачиваетъ цвѣтокъ свою головку къ солнечному лучу. Съ полнымъ фанатизмомъ отдается Фатьме своему влеченію. Она не думаетъ о настоящемъ, не загадываетъ о будущемъ, не смущается мыслью объ измѣнѣ, о грѣхѣ; она любитъ, и не можетъ, не хочетъ противустоять своему чувству. Въ этой силѣ страсти и слабой дѣятельности мозга проявляется основа душевнаго склада восточнаго человѣка—фатализмъ Фатьме. Разъ человѣкъ не употребляетъ ни малѣйшаго усилія воли, чтобы побороть свою страсть и направить такъ или иначе свои

чувства, то ему и остается одно—отдаться во власть событій, комбинирующихся помимо него. Волю-же, идущую противъ самой природы человѣка, можетъ поддерживать только сильная мысль, та мысль, которая съ большой силой убѣжденія представляетъ человѣку всѣ послѣдствія, порождаемыя однимъ его неосторожнымъ ходомъ,—мысль шахматнаго игрока. У бѣдной Фатьме нѣтъ и тѣни подобной мысли,—вотъ почему чувство ея отличается такой стихійной силой.

Вспомнимъ сценку перваго рѣшительнаго свиданія Фатьме и Али.

„Ти здалеку?"—Али здригнувся; голос йшов зверху, з даха, і Али підняв туди очі. Фатьме стояла під деревом, тінь од якого вкривала Али. Він спаленів і заікнувся.—„З-під Смірни... далеко звідси."—„Я з гір". Мовчанка. Кровь бухала йому до голови, як морська хвиля, а очі полонила татарка і не пускала від своїх.—„Чого забився сюди? Тобі тут сумно?" —„Я бідний... ні зірки на небі, ні стебла на землі. Заробляю".—„Я чула, як ти граєш"...—Мовчанка.—„Весело у нас в горах... музики, дівчата веселі... у нас нема моря... а у вас?" — „Близько нема".—„Йохтер! І ти не чуеш в хаті як воно дихає?" — „Ні у нас замісць моря пісок. Несе вітер гарячий пісок, і ростуть гори немов горби верблюжі. У нас... — „Цсс!.. Вона неначе ненароком висунула з-під фередже білий випещенний вид і поклала з фарбованним нігтем палець на повні й рожеві вуста. Навкруги було безлюдно. Блакітне, як друге небо, дивилось на них море і лиш біля мечету просунулась якась жіноча постать.—„Ти не боїшься, ханим, розмовляти зо мною? Що зробить Мемет, як нас побачить?"—„Що він схоче".—„Він нас забъе, як побачить!" —„Як він схоче". (17).

Эта любовь не смягчена ни нѣжностью, ни душевной дружбой, она сильна только силой желанья. Что-то мрачное, фатальное, подобное силамъ природы чуется въ этомъ влеченіи; оно чуждо намъ. И въ этой особенности любви Фатьме, подмѣченной Коцюбинскимъ, и проявляется большая художественная сила его таланта.

Гашица (Пе-коптьоръ)—такое-же непосредственное дитя природы, какъ и Фатьме, но любитъ она совершенно иначе. Конечно, не духовная красота, а молодость здоровье и чувство Йона пробудили любовь въ сердцѣ Гашицы, но тутъ-же сейчасъ примѣшались и психическіе мотивы.

Йонъ долго и упорно ухаживалъ за Гашицей. И вотъ онъ явился наконецъ въ первый разъ къ ней во дворъ. Парубокъ

проситъ пить, дѣвушка ведетъ его въ погребъ, гдѣ у нихъ хранится вино, и подаетъ ему полную куфу.

„Парубок обхопив куфу руками, підніс до рота, здмухнув піну і пожадливо припав устами до вина. Гашица, спершись на бочку, не спускала ока з свого милого, немов роскошувала його приємністю. „Бун-джин!“—відсапнув нарешті Йон, втираючи уста рукавом, та ставлячи долі куфу. „Дуже дякую, додав він, обіймаючи та пригортаючи до себе Гашицю. Дівчина не пручалась. Їй так добре було в обіймах милого, вона так солодко затремтіла від дотику тих сильних, жилавих рук, від того тепла молодого любого тіла. В ухах немов звенить щось, в голові туман. Вона наче з-за стіни чує Йонів голос, його слова“. Далѣе Йонъ начинаетъ восхищать Гашицу своими удивительными познаніями русскаго языка.

„Йон монотонно цідив слово по слові, а Гашица, згорнувши руки, слухала, мов зачарована. *Який він розумний*!—подумала вона, *почуваючи в грудях новий приплив почуття*. „Біне?“—поспитав Йон скінчивши:—„Тара біне! Прошопотіла Гашица“ Йонъ окончательно восхищаетъ Гашицу своим умомъ, своей ловкостью. Наконецъ имъ надоѣдаетъ сидѣть въ погребѣ, и Йонъ начинаетъ упрашивать Гашицу пойти съ нимъ на виноградникъ.

„І хоч Гашица гнала його до дому, а не могла встояти проти палких благань милого й сама не помітила, як опинилась за хатою, на стежці до виноградника. Серед темних крилатих кущів обібрали вони собі місцину. Йонъ нарвав на обніжку трави й простелив долі. Чорна пухка земля дихала вохкістю, старі роскішні кущи здіймали до гори, мов руки, цупке галуззя; крізь чорне лапате листя лиш де-не-де мигтіла зірка. Було холодно, моторошно якось. Гашица несвідомо пригорнулась до Йона, цілою істотою віддаючись гарячим пестощам... „Починало вже сіріти. Йон—щасливий, задоволений, Гашица—засоромлена, з опущенними до долу очима, з почуттям якоісь ваги, якогось непоправного лиха.

Мы нарочно сдѣлали такую большую выписку, чтобы показать читателю, какъ вѣрно и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ цѣломудренно пишетъ авторъ подобныя, выражаясь банально, „рискованныя сцены“. Йонъ прижалъ къ себѣ Гашицу, дѣвушка вся задрожала въ его горячихъ объятьяхъ, въ ушахъ ея зазвенѣло, въ головѣ поднялся туманъ; голосъ Йона потонулъ гдѣ-то въ густой мглѣ,—все это проявленіе чисто физіологической жизни организма; но тутъ-же рядомъ мысль бѣднаго созданія старается

надѣлить своего избранника всѣми доблестями идеала, якобы воплотившагося въ этомъ здоровомъ, грубоватомъ парнѣ. Замирая отъ восторга, слѣдитъ Гашица за всѣми движеніями Йона, прислушивается къ его словамъ: какой онъ умный, какой сильный, какой ловкій.

Не беремся рѣшать, какое изъ двухъ началъ, дѣйствующихъ въ человѣкѣ, обманываетъ въ данномъ случаѣ дѣвушку: физіологія ли подкупаетъ психологію, или психологія возбуждаетъ физіологію,—важно то, что авторъ, открывая душу бѣдной дѣвушки, знакомитъ насъ съ обоими чувствами, охватившими ее; онъ дѣлаетъ человѣчнымъ волненіе Гашицы, онъ пріобщаетъ ее къ намъ, мы проникаемся къ ней жалостью, мы понимаемъ и не судимъ ее.

Представимъ-же себѣ, что всю эту сцену въ погребѣ, а затѣмъ на виноградникѣ взялся-бы описывать кто-либо изъ французскихъ реалистовъ. Влюбленные въ саду ночью. Гашица въ объятіяхъ Йона... Какой просторъ для пламенной фантазіи, какое богатое знаніе физіологіи могъ-бы проявить любой живописатель подобныхъ сценъ!.

Коцюбинскій ограничивается немногими фразами.

Крізь чорне, лапате листя лишь де-не-де мигтіла зірка.. Було холодно, моторошно якось; Гашица несвідомо пригорнулась до Йона, цілою истотою віддаючись гарячим пестощам". І доволь-но... въ этихъ немногихъ словахъ много души.

За короткую минуту довѣрія и непосредственнаго чувства Гашица дорого заплатитъ, и расплата не заставляетъ себя долго ждать. И онъ поступаетъ самымъ обычнымъ образомъ: довѣрчивая, наивная Гашица уже потеряла для него интересъ новизны,—онъ присватывается къ другой дѣвушкѣ. Бѣдная Гашица переживаетъ тяжелые, чорные дни. Она не воспламеняется жаждой дикой мести къ разлучницѣ или измѣннику, она глубоко страдаетъ: и жгучій стыдъ, и горечь обиды, и безотвѣтная любовь наполняютъ ея сердце страшнымъ горемъ. Въ концѣ концовъ Гашица рѣшается на героическое средство: идетъ къ родителямъ Йона,—и разсказъ оканчивается общимъ благополучіемъ.

Въ этой обыкновенной исторіи Коцюбинскій сумѣлъ найти много человѣчнаго и тѣмъ сдѣлалъ ее близкой и понятной намъ.

Большая повѣсть „На віру" посвящена драматическому происшествію, разыгрывающемуся на почвѣ романическаго столкновенія трехъ характеровъ,—Насти, Олександры и Гната.

Всѣ они сильно рознятся между собой. Вотъ какъ характеризуетъ авторъ героиню разсказа — Настю. „А Настя була добра, тыха, сумирна. Багато говорити вона не любила. Усе слухае, що говорять другі, й всміхаетця очіма та куточками уст. Але як скаже слово, то так і влетить ластівкою те слово до серця і мов крильцями розмае тугу. Тиха, як ягниця, ніжна, мов голубка. З природи мовчазна, вона залюбки слухала веселу, та гарну беседу“.—Словомъ, Настя была удивительно женственна, мягка, нѣжна, но подъ этими въ высшей степени привлекательными качествами, какъ и бываетъ обыкновенно, не скрывалась глубина и сила характера. Казалось бы сразу, что Настя какъ нельзя болѣе подходила къ такому же молчаливому Гнату, но сходство это было только кажущееся:—въ сущности же это были совершенно различные люди: Гнатъ имѣлъ сильную и глубокую натуру, Настя же была поверхностна и пассивна. Именно такъ и характеризуетъ авторъ свою героиню: „Вона не мала характеру, її можно було на все підмовити, але тихим, лагідним словом. Материне бажання лише підживляло її мляву энергію“.

Третье дѣйствующее лице этой драмы, Олександра—пылкая, экспансивная, артистическая натура.

Сообразно даннымъ характерамъ Насти, Олександры и Гната развивается и теченіе всего разсказа.

Гнатъ сирота, не богатый но трудолюбивый парубокъ, полюбилъ Настю. Любила-ли его Настя?

„Настя, здается, любила його,—отвѣчаетъ на этотъ вопросъ авторъ: але якось не важилась сказати йому рішуче слово. Що було не спитае він: „Підеш за мене? Присилати старостів? „Вона в одно: А я знаю? Я тебе й так люблю?“

Нельзя однако приписать такой отвѣтъ дѣвической скромности, потому что нѣсколько строкъ выше авторъ говоритъ о томъ, что Настя охоче слухала жартівъ говіркого Петра і часомъ навіть забувала про Гната“.

И подобное отношеніе вполнѣ соотвѣтствуетъ дрябленькой натурѣ Насти. Но вотъ въ одинъ веселый майскій день Настя говоритъ „Пійду за тебе! Присилай старостів!“

И что же? хитрая Олександра начала вмѣстѣ съ матерью Настиной уговаривать Настю выйти замужъ за Петра, а не за Гната, и, сбитая съ толку Настя, принимаетъ, наконецъ, такое чисто-дѣтское рѣшеніе: „хто перш пришле старостів, за того й піду“.

Олександра предупреждаетъ Петра, чтобы торопился, и Гнатъ остается за флагомъ.

Такъ какъ Настя не любила сильно ни Гната, ни Петра, то такой поступокъ вполнѣ согласуется съ ея характеромъ. Еще характернѣе очерчено Коцюбинскимъ дальнѣйшее поведеніе Насти.

Мужа Насти взяли въ солдаты. Гнатъ встрѣтился однажды съ Настей и началъ ее горько упрекать въ томъ, что она разбила ея жизнь. Настя разстроилась отъ его рѣчей. „Вона плакала; вона й досі не знає, як це сталося. Так десь воно мало бути. Адже і їй жаль, що вони розлучились: вона не бідила-б так гірко без чоловіка, як тепер, коли Петра взяли в москалі“, (227). Послѣдняя фраза чрезвычайно характерна. Очевидно, еслибы мужа не взяли въ солдаты, Настя и не замѣчала-бы всей горечи своего положенія. Отсутствіе мужа, а не присутствіе нелюбимаго мужа угнетаютъ ее.

Приходитъ извѣстіе о смерти Настинаго мужа.

Гнатъ выгоняетъ изъ дома свою законную жену и умоляетъ Настю жить съ нимъ „на віру“, говоря иначе, онъ проситъ ее сойтись съ нимъ, такъ сказать, гражданскимъ бракомъ.

„Настя слухала, притулившись до шершавого стовбура яблуні; їй жаль стало того тихого, щирого чоловіка, що так вірно її кохає, що гине за нею. Вона сама любила Гната і десь у далекому закуточку її серця ворушилась згода на Гнатове жадання. Її вже турбували перешкоды, що неминуче мали стати на дорозі до щастя“.

Протестъ матери только возбуждаетъ упорство Насти. Она по природѣ недалека и пассивна; ее можно было бы легко уговорить, обмануть, но мать дѣйствуетъ напрямикъ и именно этимъ пріемомъ какъ-бы подталкиваетъ Настю согласиться на просьбы Гната. Она убѣгаетъ изъ дома матери и поселяется въ домѣ Гната. Сначала мать требуетъ возвращенія дочери назадъ, но затѣмъ примиряется съ совершившимся фактомъ.

Начинаются для Насти дни тихаго счастья. Она въ своей сферѣ: она хлопочетъ по хозяйству, убираетъ хату, ласкается, какъ нѣжная кошечка къ мужу; ей хорошо, ей дѣтски весело, ей не нужно больше ничего;—она достигла своего истиннаго счастья.

Но счастью Насти не суждено было быть долговѣчнымъ. Она услыхала отъ услужливыхъ кумушекъ, что Олександра обѣщаетъ вытащить ее за волосы изъ хаты мужа. Со слезами передаетъ она это извѣстіе мужу. Смущеніе и страхъ зарождаются

въ ея душѣ; спокойствіе несложнаго счастья нарушено. Катастрофа приближается. И вотъ однажды, когда Настя сидѣла въ своей опрятной, хорошенькой хаткѣ,—явилась грозная Олександра. Происходитъ ужасная сцена: Гнатъ въ припадкѣ бѣшенства убиваетъ Олександру. Гната берутъ въ тюрьму. Настя горюетъ, плачетъ, хлопочетъ у адвоката. Гната осуждаютъ на поселеніе въ Сибирь.

„Настя все чула й бачила. Їй здавалось, що серце в неї ось-ось пухне з жалю, що вона вмре. Перелякана, збентежена, вийшла вона з суду, гірко плачучи, та не знаючи, що з собою діяти". „Чи пійдеш зо мною в далеку дорогу, Насте?"—Спросилъ ее Гнатъ.—„Настя нічого не відповіла, але подумала:—„пійду, яке мені життя без його".

Однако она не пошла.

Мать и сосѣдки начали ее уговаривать не оставлять матери, не рисковать жизнью ребенка. И безхарактерную Настю скоро охватило смущеніе. „Але вона все ще вагалась, та не знала, що чинити". Но въ концѣ концовъ: „Дивлячись на материни сльози, слухаючи, як усі відражали ій покидати свої сторони, Настя непомітно звикла до думки, що йти за Гнатом в далекий Сібірь,—річь неможлива. Вона любила Гната, жалувала його, плакала за ним і... все таки лишилась у Мовчанах".

Черезъ два года она вышла замужъ за вдовца.

Такъ мирно, благополучно окончилась для нея большая драма, причиной которой была она сама.

Сильные погибаютъ, приспособляемые удерживаются въ жизни.

Погибли Гнатъ и Олександра,—Настя уцѣлѣла. Она пережила свое горе и снова прилѣпила свое гнѣздышко, какъ ласточка къ стѣнѣ, и по всей вѣроятности нашла свое тихое, не сложное счастье.

Въ этомъ заключительномъ аккордѣ повѣсти проявляется снова художественный талантъ Коцюбинскаго.

Всѣ поступки Насти, всѣ чувства ея правдивы; Настя немогла поступать иначе,—это чувствуетъ читатель. Заставь авторъ Настю отправиться за Гнатомъ въ Сибирь—и цѣльность художественнаго образа была-бы нарушена. Настя большой человѣкъ для малыхъ дѣлъ и малый для большихъ. Она слишкомъ живучая натура; больше всего она любитъ въ сущности, можетъ быть и безсознательно свой комфортъ, свой покой; она боится рѣшительныхъ шаговъ. Оставить мать убѣдилъ ее Гнатъ, если-бы онъ

былъ и теперь съ нею, то, по всей вѣроятности, убѣдилъ-бы ее идти съ нимъ въ Сибирь,—но его не было, были мать и кумушки. Онѣ представляли Настѣ въ сущности второстепенные доводы: ребенокъ можетъ простудиться, мать стоскуется,—и Настя уступила. Изъ-за маловажныхъ причинъ она пожертвовала жизнью погибшаго за нее человѣка. Поплакала, поплакала, а затѣмъ успокоилась, потому что въ сущности не любила Гната съ той силой, съ какой любятъ глубокія натуры. Сердце ея не дѣлало большой разницы между Гнатомъ и Петромъ: Петро потѣшалъ ее веселымъ разговоромъ, а Гнатъ подкупалъ беззавѣтной любовью. И оба эти чувства находили мѣсто въ эгоистической натурѣ Насти. Въ ея чувствѣ нельзя искать ничего высокаго. Не случись Настѣ Гнатъ и Петро, она вышла-бы замужъ за Степана, за Ивана, вышла-бы за кого-нибудь, свила-бы свое хорошенькое гнѣздышко, и, если-бы мужъ ея не оказался окончательнымъ негодяемъ,—была бы счастлива.

Совершенно иную фигуру представляетъ изъ себя Гнатъ: его сильная, глубокая натура искала именно такой женщины, какъ Настя—тихой, женственной, милой. Еще до знакомства съ нею, въ мечтахъ его носился смутный идеалъ „дружини". И когда онъ встрѣтился съ Настей и увидалъ воплощеніе своей мечты,—онъ полюбилъ Настю всей душой.

Зачѣмъ онъ женился на Олександрѣ, узнавъ, что Настя измѣнила ему?

Да для того-же, чтобъ доказать ей, что Олександра все лгала, разъ сама согласилась пойти за него. Онъ хотѣлъ этимъ поступкомъ пронзить сердце Насти, но Настю не тронулъ, а себя погубилъ. Будь это не Гнатъ, а другой человѣкъ, онъ примирился-бы съ обстоятельствами, разыскалъ-бы себѣ другую дѣвушку, болѣе соотвѣтствующую его требованіямъ, и былъ-бы счастливъ. Или уже, женившись сгоряча на Олександрѣ, не дошелъ-бы до открытаго разрыва, а кой-какъ примирился-бы со своей безрадостной долей.

Но Гнатъ, тотъ Гнатъ, котораго даетъ намъ Коцюбинскій—сдѣлать этого не можетъ: онъ любитъ разъ и на всю жизнь. Убилъ онъ Олександру сгоряча, увидѣвши, какъ она бьетъ и тащитъ за волосы Настю. Быть можетъ онъ и не вспылилъ-бы до такой степени, если-бы къ этому не было подготовки. Слезы Настины и ея разсказы о томъ, какъ Олександра собирается вытащить ее за косы изъ хаты, давно уже разъѣдали его сердце, и вдругъ этотъ кошмаръ всталъ воочію передъ его глазами.

Гнатъ забываетъ все: не желаніе убить Олександру, а стремленіе спасти во чтобы то ни стало Настю руководитъ имъ. Происходитъ катастрофа, разбивающая навсегда жизнь Гната.

Большой, интересной фигурой выступаетъ на фонѣ рисунка разсказа—Олександра. Все понять—все простить, эта старая истина проявляется въ данномъ случаѣ въ разсказѣ Коцюбинскаго. Собственно говоря, Олександра должна была-бы быть отнесена къ отрицательнымъ типамъ: она сознательно отбила Настю отъ Гната, она слишкомъ привержена къ хлопцамъ, она и неряшлива, и не способна къ постоянной, уравновѣшенной работѣ, и не смотря на всѣ эти минусы, читатель проникается сожалѣніемъ къ Олександрѣ. Коцюбинскій сумѣлъ отмѣтить глубину ея души, и передъ нами стоитъ не просто разгульная, неряшливая баба, а женщина съ натурой пламенной, артистической, не находящая себѣ отзыва въ окружающей средѣ. Онъ и хочетъ сдѣлаться такой-же степенной хозяйкой, какъ Мотря, какъ Настя, но это ей не удается. Въ первый разъ ей мѣшаетъ устроить свое гнѣздо антипатія Гната, но судьба представляетъ ей и второй, и третій разъ случай обзавестись своимъ домкомъ и вступить на стезю почтенныхъ деревенскихъ жительницъ. Олександра со всей горячностью своего темперамента хватается за работу, но скоро охладѣваетъ. Сердце ея начинаетъ размывать тоска, она чувствуетъ смутное неудовлетвореніе. Но чего-же ей собственно не хватаетъ, чего можетъ она желать?

Достаточно вспомнить сцену на бурякахъ, чтобы понять, чего не хватаетъ Олександрѣ. Въ этихъ шуткахъ, въ этихъ остротахъ и импровизаціяхъ выливалась безсознательная сила талантливости Олександры. Она томила ее и не давала ей возможности удовлетвориться будничной обстановкой трудовой жизни. Конечно, при тѣхъ данныхъ, при которыхъ протекала жизнь Олександры, трудно было ей найти какой-либо цѣлесообразный выходъ, и печальный конецъ ея жизни былъ неизбѣженъ. Всѣ поступки ея и душевныя движенія вполнѣ соотвѣтствуютъ даннымъ ея характера и той средѣ, въ которой протекаетъ ея жизнь. Единственный упрекъ, который можно сдѣлать автору, это то, что послѣднія перепитіи душевной ломки Олександры описаны слишкомъ схематично.

Узелъ спутанныхъ человѣческихъ отношеній разсѣкается однимъ ударомъ топора Гната. Кто виноватъ? Виноваты характеры людей, столкнувшихся на жизненной дорогѣ.

Первоначальная ошибка, предрѣшившая всѣ послѣдующія событія, произошла вслѣдствіе мягкости, инертности Настиной натуры, но именно благодаря этимъ свойствамъ, въ силу контраста со своей сильной натурой, Гнатъ и полюбилъ ее. Не женись онъ на Олександрѣ, положеніе могло бы быть еще спасено, но разъ онъ сдѣлалъ и этотъ неосторожный шагъ, являющійся также слѣдствіемъ его темперамента,—катастрофа была уже неизбѣжна.

И сами герои уже чувствуютъ ее. Этотъ глухой страхъ, мрачныя, безсознательныя предчувствія Насти и Гната исходятъ изъ того, что оба они твердо помнятъ и понимаютъ:—Олександра никогда не проститъ имъ ихъ счастья; рано или поздно она явится сюда, и тогда произойдетъ что-то еще невѣдомое, но ужасное, мысль о которомъ уже заранѣе леденитъ ихъ кровь.

Въ этой трагически неизбѣжной послѣдовательности развивающихся событій и въ глубокомъ пониманіи человѣческаго сердца заключается большая художественность разсказа.

Авторъ не подсовываетъ намъ никакого приговора, но прочтите послѣднія строки разсказа. „Минуло два роки. До Насті заслав старостів удовець з другого села. Старости заміняли хліб. Справили весілля. Гукаючи та співаючи, гучно проминула весільна перезва кладовище, де лише мріла поміж могилками зелена Олександрина могила.“ Здѣсь нѣтъ ни одного слова, говорящаго намъ о личномъ взглядѣ автора, и отъ самой картины, отъ сопоставленія шумной „перезви“, перелетающей черезъ кладбище, гдѣ уже едва виднѣется зеленая могилка Олександры,—вѣетъ такимъ философски-примиреннымъ настроеніемъ, такимъ глубокимъ пониманіемъ жизни!

Къ недостаткамъ разсказа относится нѣкоторая несоразмѣрность построенія его, растянутость и изобиліе второстепенныхъ лицъ. Взятыя сами по себѣ, эти лица чрезвычайно жизненны и свидѣтельствуютъ намъ о подлинномъ знакомствѣ автора съ описываемой средой. Возьмемъ, напримѣръ, сценку объясненія Мотри съ Семеномъ,—отъ начала до конца въ ней нѣтъ ни одной фальшивой нотки.

Семенъ купается въ озерѣ; увидавъ проходящую Мотрю, онъ останавливаетъ ее и начинаетъ съ ней, яко-бы незначительный разговоръ, но Мотря смутно чуетъ сразу, что изъ этихъ незначительныхъ словъ должно выйти что-то значительное.

Разговоръ не завязался. Мотря „обернулась і пішла дрібно, наче молоді літа згадала.“

Какъ мѣтко приведенъ здѣсь этотъ характерный пріемъ деревенскаго кокетства! И далѣе, Мотря возвращается назадъ. Семенъ, наконецъ, высказываетъ ей свое предложеніе,—перейти къ нему жить „на віру“. Мотря смущена, но не смотря на это, не забываетъ пріемовъ своеобразнаго, деревенскаго кокетства. „Мотря щільно стулила губи і спустила очі до долу на горщичок.—А я знаю?—Мотря знайшла на денці горщичка шматочок присохлої глини й почала його дуже уважно відколупувати нігтем“.

Мотря кокетничаетъ съ Семеномъ. Кокетничая, женщина всегда старается показать себя съ той стороны, которая по ея мнѣнію болѣе всего можетъ заинтересовать мужчину. Какъ-бы нибыла смущена знаменательнымъ разговоромъ „кисейная барышня“, она не забудетъ отогнуть изящно мизинчикъ, выставить кончикъ ножки, затянутой въ узкій ботинокъ, или наивно поднять бровки, чтобы расширить глаза; дѣвушка изъ интеллигентнаго общества старается заинтересовать своего собесѣдника умнымъ, живымъ разговоромъ, высотой своихъ убѣжденій. Мотря также желаетъ показать себя передъ Семеномъ съ лучшей стороны: даже въ столь важную минуту она не забываетъ отколупывать на днѣ горшечка кусочекъ глины.

Какъ она хозяйственна! Какъ трудолюбива!

И разсчетъ Мотринъ вполнѣ вѣренъ: провожая взглядомъ удаляющуюся коренастую Мотрю, Семенъ говоритъ самъ себѣ: „буде кому робити“.

Хозяйственныя мечты Семена, при мысли о новой жизни съ Мотрей, все это полно правды, чуждой намъ, по вѣрной описываемой обстановкѣ. Такимъ образомъ не только новизна самой темы свидѣтельствуетъ намъ о подлинномъ знакомствѣ автора съ самой гущей крестьянской жизни, но и всѣ эти, яко-бы незначительные, детали, языкъ дѣйствующихъ лицъ, ихъ манера мыслить, ихъ движенія, жесты, какъ они ѣдятъ, подкладывая подъ ложку кусокъ чернаго хлѣба, какъ пьютъ водку съ традиціонными церемоніями, какъ шутятъ, дурачатся, кокетничаютъ—все это придаетъ удивительно сочный колоритъ разсказу Коцюбинскаго.

Исторіи любви посвященъ и большой разсказъ „Лялечка“. Онъ переноситъ насъ уже въ совершенно иную сферу,—въ среду духовенства. Пожилая дѣвушка, увядшая въ безотрадной жизни, какъ цвѣточекъ, засушенный въ огромной скучной книгѣ, пріѣзжаетъ въ деревню въ качествѣ сельской учительницы. Мѣстный священникъ, вдовецъ, желаетъ завести съ ней знаком-

ство, оказываетъ ей рядъ мелкихъ услугъ, но недовѣрчивая, подозрительная дѣвушка сухо и рѣзко отстраняетъ малѣйшее вмѣшательство въ ея жизнь. Простой случай,—страшная—гроза, невольно знакомитъ ее съ батюшкой. Мягкая, уравновѣшенная личность его и такая-же благодушно-благообразная наружность производятъ умиротворяющее впечатлѣніе на подозрительно-настроенную дѣвушку. Понемногу она входитъ въ его семью. Небольшая семья священника согрѣваетъ ея одинокое сердце; Раиса сливается съ нею. Цементомъ, завершившимъ это сліяніе, является дочечка батюшки, маленькая Тася. Батюшка весьма доволенъ тѣмъ, что ему удалось приручить строптивую учительницу, потому что Тася привязалась къ ней, какъ къ матери. Раиса обрѣтаетъ новый міръ, полный новыхъ радостей, новыхъ интересовъ; она оживаетъ и духовно, и физически. Ее, одинокую, безпривѣтную, обвѣяло мирнымъ дыханіемъ семьи, и сердце бѣдной дѣвушки расцвѣло. Сама того не подозрѣвая, она привязывается всей душей къ о. Василію. Его интересы становятся ея интересами; до самыхъ мелочей входитъ она въ жизнь его и становится необходимымъ членомъ семьи. Сначала все идетъ къ общей радости, но вотъ кончаются каникулы, уѣзжаетъ маленькая Тася и... отношенія начинаютъ мало по малу портиться. Раиса привязалась всей душой къ о. Василію, но не къ тому сытому и благодушному попу, который былъ передъ ней въ дѣйствительности, а къ тому пламенному проповѣднику и великому борцу, котораго создало ей ея воображеніе. Однако у этого идеала есть нѣкоторые грѣшки, видимые и ослѣпленной Раисѣ: идеалъ привыкъ пить по 8 рюмокъ водки за обѣдомъ и за ужиномъ и т. д. И вотъ на борьбу съ этими маленькими грѣшками выступаетъ Раиса со всей страстью ослѣпленной сіяніемъ идеала поклонницы.

Однако эти вѣчныя заботы о нравственности и здоровьи, исходящія отъ бѣдной, пожилой дѣвушки, начинаютъ надоѣдать о. Василію. Раиса сначала не замѣчаетъ этого, но грубое обращеніе, насмѣшки и дерзости батюшки даютъ, наконецъ, ей понять, что ея заботы не нужны, противны ему. Но Раиса уже не въ силахъ прервать свое знакомство съ нимъ. Образъ священника превратился въ ея душѣ въ нѣчто высоко-идеальное, и она сноситъ всѣ проявленія его грубости съ тихой покорностью, пріискивая имъ болѣе возвышенное объясненіе. Безразличная, и даже раціоналистически настроенная прежде, Раиса мало по малу превращается въ страстно-религіозное существо. Въ порывѣ

религіознаго экстаза является ей видѣніе Христа, и Раису охватываетъ сладкое забытье, утоляющее на мгновеніе горечь ея жизни. Въ постѣ и молитвѣ находитъ она утѣшеніе, въ собираніи цвѣтовъ росистыми утрами для украшенія церковнаго престола—поэзію жизни. Конечно, въ увлеченіи религіей играетъ роль тотъ-же о. Василій, занимающій центральное мѣсто во всѣхъ этихъ церковныхъ служеніяхъ, постахъ и молитвахъ. Но если-бы о. Василій и совершенно устранился съ жизненной тропинки Раисы, она уже не осталась-бы одинока, она съ еще большей страстностью погрузилась-бы въ восторгъ религіознаго экстаза. Ея душу уже освѣтилъ огонекъ, болѣзненный, блуждающій, но все-же огонекъ. Раиса таетъ, какъ воскъ. „Разом з весняними водами... спливало її здоровья“, говоритъ авторъ. Пріѣзжая подруга, выслушавъ разсказъ Раисы, грубо открываетъ ей глаза. „Ти його кохаешь“, заявляетъ она. Раиса сразу не можетъ даже понять ужаснаго смысла словъ подруги, послѣдняя повторяетъ ей сказанное. „Раіса раптом одхитнулась од приятельки і тихо скрикнула, як ранений птах. Перед нею мигнула блискавка, а під ногами запалася земля. Глибока, морочлива, чорна безодня. Раіса потиху спускалась туди, і з очей її поволі счезала рожева од заходу, закутана в зелень клинини церква“.

Такъ кончается разсказъ. Сейчасъ или позже Раиса все равно должна умереть,—къ этому ведетъ физическое состояніе ея здоровья, разстроеннаго душевной борьбой и добровольно наложеннымъ на себя постомъ. Бѣдной куколкѣ не суждено судьбой превратиться въ веселую бабочку: она засыхаетъ и умираетъ куколкой.

Въ этомъ заключается разсказъ Коцюбинскаго, написанный удивительно сердечно и тепло. Какъ видно изъ изложеннаго выше содержанія, интрига не играетъ въ немъ никакой роли,—это исторія души бѣдной, одинокой, не молодой дѣвушки.

Трудно было-бы проявить больше глубины и правдивости въ изображеніи душевнаго міра женщины, чѣмъ это сдѣлалъ Коцюбинскій.

Отношенія Раисы къ о. Василію безспорно имѣютъ физіологическую подкладку, но какъ и все въ нашемъ человѣческомъ мірѣ, они такъ тѣсно сплетены съ психической жизнью, что трудно и различить, гдѣ кончается одинъ міръ, гдѣ начинается другой. До самого послѣдняго момента Раиса не даетъ себѣ отчета въ истинномъ характерѣ своего увлеченія о. Василіемъ. Минутами въ сознаніи ея пробуждается какое-то смутное подо-

зрѣніе, но тотчасъ-же она гонитъ его отъ себя. Однако представимъ себѣ, что о. Василія тронула покорная, всепрощающая любовь Раисы, что онъ подошелъ-бы къ ней, крѣпко обнялъ ее, взялъ ея руку въ свою, склонилъ-бы ея бѣдную головку къ себѣ на плечо,—какой радостью вздрогнуло-бы сердце одинокой дѣвушки, какія счастливыя, благодарныя слезы брызнули-бы изъ ея глазъ. Конечно, въ этомъ волненіи, охватившемъ Раису, сказались-бы двѣ стороны человѣческой природы—физіологическая и психическая. Близкое прикосновеніе любимаго человѣка, его крѣпкія объятія, все это, конечно, ощущенія физіологическія, а между тѣмъ они полны психическаго значенія: въ нихъ слышится невысказанная словами готовность одного существа поддержать, защитить другое, оградить его отъ всѣхъ горестей жизни и раздѣлить съ нимъ всю жизнь, до самаго конца, до сѣрыхъ осеннихъ дней. И часто такое пожатіе руки, такое объятіе говоритъ о душевномъ движеніи краснорѣчивѣе самыхъ пышныхъ словесныхъ тирадъ. Къ сожалѣнію, о. Василій былъ совершенно неспособенъ къ такимъ задушевнымъ ласкамъ, да и засохшая, немолодая дѣвушка является въ его глазахъ вовсе не женщиной, а существомъ весьма полезнымъ въ его домашнемъ обиходѣ. Раиса-же, несмотря на свой возрастъ, не даетъ себѣ отчета ни въ своихъ чувствахъ къ о. Василію, ни въ его отношеніи къ ней. Главный рычагъ, двигающій ея сердце, заслоняетъ собою другіе: она одинока, жизнь ея безотрадна, ей надо жить для кого-нибудь,—для себя самой она жить не можетъ. Въ этомъ главный мотивъ чувства Раисы. Жизнь сталкиваетъ ее съ самымъ заурядnымъ, сытымъ, но довольно благодушнымъ попомъ. Маленькая услуга, небольшая сердечность въ отношеніяхъ,—и ледъ растаялъ въ сердцѣ Раисы. Голодное воображеніе ея надѣляетъ простоватаго попа всѣми доблестями идеала. Онъ—сильная натура, онъ—вдохновенный проповѣдникъ, онъ—несокрушимый пастырь стада Христова! Она счастлива уже тѣмъ, что можетъ охранять здоровье великаго человѣка. И когда ей удастся хитростями и просьбами отучить „пламеннаго проповѣдника“ пить по восьми рюмокъ водки за обѣдомъ и за ужиномъ, Раиса считаетъ это величайшимъ подвигомъ и счастьемъ для себя.

Будь это не Раиса, а другая, болѣе простая дѣвушка, она сразу поняла-бы себя и сумѣла-бъ пожалуй болѣе несложными пріемами добиться расположенія вдоваго попика; но Раисѣ нуженъ идеалъ, ей нужно отдать кому нибудь всю неизрасходованную нѣжность и теплоту своей души. Когда о. Василій грубо

оскорбляетъ Раису, она все сноситъ, подыскивая болѣе достойное объясненіе недостойнымъ поступкамъ пастыря; но когда онъ, идеалъ, взлелеянный въ ея душѣ, начинаетъ снова пить водку,— горе переполняетъ душу бѣдной дѣвушки. „Не роздягаючись, не світячи світла, Раіса впала на канапку в своій світличці. Вона лежала там тихо, пригноблена, ростоптана, і розуміла лиш одно,— що вона одинока. Одиноке, самотне, занедбане всіма сердце сходило кровью у темній сосновій домовині. На дворі вив пес. Уперто, жалібно тяглася нота скарги в темряві. Оттак вона могла-б вити, коли-б мала силу. Та на що вити? Вона буде лежати тут без руху, без надії, аж поки ця пітьма не змінится у вічню. Як жива квітка поміж картками книжки вона не хоче чути того чікання дзигарів, виття собаки. Не треба всіх тих згуків, що нагадують життя, хай буде тиша і невпинний, щемлячий біль одинокого, безнадійного серця. Хай воно сходить кровью“.

Такими трогательными чертами рисуетъ намъ Коцюбинскій состояніе Раисы. Если-бы это была не Раиса, а болѣе просвѣщенная, болѣе одаренная дѣвушка, гордость ея возмутилась-бы, она сумѣла-бъ вырвать изъ своего сердца это маленькое чувство, и отдалась-бы другой широкой дѣятельности,—но у Раисы нѣтъ и крыльевъ мужества. Удовлетвориться жизнью червя ползучаго она не можетъ, но не можетъ сама и подняться къ звѣздамъ. Она не одарена отъ природы ни талантами, ни высокимъ подъемомъ гражданскаго чувства; она не можетъ, подобно орлу, смотрѣть прямо на солнце, но глаза ея ищутъ отблеска солнца на землѣ. Кромѣ бѣдности душевной, не малую роль въ жизни Раисы играетъ и бѣдность матеріальная: скудость скучной деревенской жизни, полная зависимость отъ стоголоваго начальства, неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ, тяжелый трудъ и впереди голодная старость. Если человѣкъ имѣетъ свой теплый, родной уголокъ, то всѣ тяготы безрадостной жизни еще могутъ переноситься съ извѣстной бодростію, но бѣдному существу съ несогрѣтымъ сердцемъ и одинокой душей, они становятся тяжестью неудоносимой“. Раисѣ нужна поддержка, любовь. — Бѣдное, одинокое сердце, согрѣтое на минуту тѣнью ласки и участія, не можетъ вернуться снова къ темному прозябанію безрадостной жизни. Оно ищетъ сердца, ищетъ друга, которому могло-бы излить страданія своего сердца, который прогнилъ-бы ее, понялъ, пожалѣлъ-бы ее бѣдную за ея безрадостную жизнь. Вблизи нея нѣтъ ни брата, ни друга и она находитъ его въ лицѣ Господа Іисуса Христа. Надъ далекими, холодными звѣздами, въ темной

пустынѣ міра находитъ она всеблагое, всеразумѣющее существо, полное человѣческой ласки, любви и отцовскаго всепрощенія. Снова расцвѣтаетъ сердце бѣдной дѣвушки болѣзненнымъ, лихорадочнымъ цвѣткомъ.

До самозабвенія отдается она религіи. Изъ своей комнатки она устроила келію и въ этой кельѣ становилась на колѣни передъ воздвигнутымъ ею алтаремъ и все думала о Христѣ. „Йому, одному йому одкривала вона сердце, вона скаржилась йому на своє життя безбарвне, бліде, невдовольняюче. Навкруги її пустка німа, без радощів, холодна. Вона не хоче такого життя, воно не потрібно ій... На що-ж ти, Боже, вклав в нього вогонь, коли той вогонь лиш в попіл обертає її серце? Ти сам бачиш, як вона страждає. Візьми її до себе, дай їй щастя, якого вона не зазнала на землі, якого прагне, мов пити в гарячці. До ніг твоїх, пробитих на хресті, вона складає свое одиноке сердце і всю силу його кохання“.

Страстныя молитвы доводили обезсиленную дѣвушку до дивныхъ галлюцинацій, наполнявшихъ сладкой истомой одинокую душу и измученное тѣло.

Такимъ образомъ раціоналистически настроенная, сухая и озлобленная немолодая дѣвушка превращается въ экзальтированную девотку. Всѣ переходы душевныхъ настроеній Раисы, ведущіе ее къ этому перерожденію, отмѣчены авторомъ чрезвычайно тонко и вѣрно.

Всѣ разсказы, разсмотрѣнные нами въ этой главѣ, посвящены чувству любви. Es ist eine alte Geschichte dox bleibt zie immer neu! Это выраженіе, какъ нельзя болѣе, подходитъ къ данной серіи разсказовъ Коцюбинскаго. Какой сложный и многозвучный аккордъ человѣческихъ страданій даетъ онъ намъ! Отъ мало смягченнаго психическими мотивами мрачнаго желанія Фатьме—до идеальнаго увлеченія Раисы, доводящаго ее до религіозныхъ галлюцинацій,—всюду дѣйствуетъ одно чувство, но какъ разно проявляется оно у всѣхъ лицъ, прошедшихъ передъ нашими глазами.

Въ этой способности проникаться своеобразностью каждой души проявляется истинный талантъ Коцюбинскаго. Украинская женщина, повторяемъ, нашла въ лицѣ его одного изъ своихъ лучшихъ выразителей.

VIII.

Въ душевной жизни человѣчества, какъ говоритъ Тэнъ, [1]) есть нѣчто общее съ строеніемъ земной коры. Подобно тому какъ земная кора слагается изъ множества различныхъ пластовъ, такъ и психическая жизнь человѣка слагается изъ чувствъ, впечатлѣній, мыслей, глубокихъ и быстротечныхъ, пріобрѣтенныхъ самимъ человѣкомъ, изъ чувствъ и наклонностей, заложенныхъ въ него отъ рожденія родителями и длиннымъ рядомъ предковъ, уходящимъ въ глубину вѣковъ. Если-же мы опустимся еще глубже въ душу человѣка, то найдемъ тамъ слѣды чувствъ и наклонностей, крѣпко дремлющіе въ душѣ человѣка и дающіе о себѣ знать только по временамъ.

Геологъ раскапываетъ почву, разрывая ея пласты, художникъ обнажаетъ душу человѣка и разсматриваетъ ея составныя части. Подъ усиленной работой землекопа исчезаютъ одинъ за другимъ земляные пласты,—иные медленнѣе, иные скорѣе. Первые удары его заступа легко разгребаютъ рыхлую почву — намывную, наносную землю. Этотъ слой земли соотвѣтствуетъ явленіямъ душевной жизни, вызваннымъ модой, минутой,—явленіямъ, созданнымъ не характерами людей, а мимолетными внѣшними обстоятельствами, устраненіе которыхъ устраняетъ и самое явленіе. Затѣмъ въ земной корѣ идутъ болѣе вязкіе хрящи, пески слежавшіеся отъ нагнета,—они. такъ сказать, соотвѣтствуютъ психическимъ явленіямъ, зависящимъ отъ условій, искусственно созданныхъ обществомъ, условій: болѣе длящихся и нелегко поддающихся разрушенію,—какъ напр.: рабство, крѣпостное право, капиталистическій строй,—но все-же зависящихъ отъ внѣшнихъ условій жизни, а не отъ изначальныхъ причинъ, заложенныхъ въ глубинѣ души человѣка. Далѣе простираются въ земной корѣ известняки, мраморы, многоярусные сланцы, всѣ упорные и плотные, соотвѣтствующіе болѣе глубокимъ явленіемъ душевной жизни, и наконецъ ниже, въ безконечную глубь идетъ первобытный гранитъ, опора всего остального, и какъ-бы ни были мощны усилія вѣковъ потрясти ее,—имъ никогда не разрушить ее совершенно;—это и есть тѣ явленія психической жизни человѣка, тѣ чувства и страсти, которыя не зависятъ отъ преходящихъ условій внѣшней жизни, которыя связаны съ самой природой человѣка.

---

[1]) „Чтенія объ искусствѣ“.

Если-же мы начнемъ опускаться еще глубже въ душу человѣка, то найдемъ подъ изначальными гранитными пластами темные и гигантскіе пласты, не освѣщаемые лучемъ изслѣдователя, — область нашего безсознательнаго...

Подобно первобытному граниту, служащему основнымъ кряжемъ для всѣхъ пластовъ земныхъ, есть и основныя страсти и чувства души человѣческой, на которыхъ зиждутся всѣ движенія душевной жизни человѣка.

Такимъ образомъ есть и различные типы художественныхъ произведеній: произведенія, отвѣчающія лишь запросу минуты, имѣющія интересъ только для извѣстной мѣстности, для извѣстныхъ группъ людей; произведенія, захватывающія болѣе глубоко психическую жизнь большихъ группъ человѣчества, но теряющихъ въ значительной мѣрѣ свое значеніе съ устраненіемъ извѣстныхъ условій, вызвавшихъ ихъ къ жизни, какъ напр.—извѣстный романъ Бичеръ-Стоу—хижина Дяди Тома, разсказы Марка Вовчка, посвященные ужасамъ крѣпостного времени и т. д; произведенія, слишкомъ тѣсно связанныя съ характеромъ и условіями жизни извѣстной народности, и потому въ значительной мѣрѣ чуждыя для народностей другихъ, и, наконецъ, идутъ вѣчно-юныя произведенія, не зависящія ни отъ времени, ни отъ пространства, ни отъ условій жизни народа, создавшаго ихъ, одинаково понятныя всѣмъ цивилизованнымъ людямъ подъ всякой широтой и долготой,—они посвящены основнымъ. изначальнымъ чувствамъ и страстямъ и ихъ борьбѣ съ волей и разсудкомъ человѣка,—какъ Фаустъ Гете, драмы Шекспира и другія неувядающія творенія человѣческаго ума.

Весьма понятно, что самыми устойчивыми, самыми цѣнными будутъ произведенія, разрабатывающія вопросы, наиболѣе общіе для всего человѣчества. Подобнаго рода вопросу посвященъ и разсказъ Коцюбинскаго „Для загального добра“.

Имѣетъ-ли человѣчество нравственное право приносить въ жертву одного ради общаго блага?

Кто изъ мыслящихъ людей не останавливался надъ рѣшеніемъ этого вопроса?

Въ молдаванскую деревню пріѣзжаетъ филоксерная комиссія, состоящая изъ трехъ молодыхъ людей, на обязанности которой лежитъ осмотрѣть всѣ виноградники, и въ случаѣ нахожденія филоксеры немедленно уничтожать ихъ, для прекращенія заразы.

Молдаване встревожены до нельзя появленіемъ зловѣщихъ личностей. Вначалѣ они стараются угрозами и просьбами заставить докторовъ отказаться отъ ихъ намѣренія, но это не ведетъ ни къ чему: комиссія приступаетъ къ осмотру виноградниковъ. На виноградникѣ Замфира Нерона (героя разсказа) находятъ филоксеру и приступаютъ къ уничтоженію виноградника.

Происходитъ рядъ трагическихъ сценъ. Замфиръ и жена его Маріора умоляютъ пощадить ихъ, не отымать у нихъ послѣдняго куска хлѣба. Тиховичъ, глава комиссіи, старается объяснить имъ, что ихъ виноградникъ зараженъ, что онъ современемъ погибнетъ и самъ, но кромѣ того заразитъ еще и остальные виноградники. Но это объясненіе не ведетъ ни къ чему: молдоване не могутъ постичь смутныхъ теорій Тиховича; обезумѣвшіе отъ отчаянія, они только умоляютъ его пощадить ихъ дѣтей, не обрекать ихъ на голодную смерть. Кончается этотъ трагическій эпизодъ тѣмъ, что Тиховичъ съ товарищами все таки уничтожаетъ до тла виноградникъ Замфира. Потрясенная страшнымъ событіемъ Маріора, заболѣваетъ и умираетъ. Замфиръ остается совершенно раздавленнымъ, осиротѣлымъ, разореннымъ.. Въ садахъ другихъ молдаванъ филоксеры не оказалось.

Такимъ образомъ, Замфиръ гибнетъ одинъ для общаго блага, а Тиховичъ уѣзжаетъ съ душей, растерзанной неразрѣшимымъ вопросомъ: — имѣетъ-ли право человѣчество покупать общее благо—цѣною жертвы одного, и способна-ли его, Тиховича, дѣятельность,—такая эпизодическая, безпочвенная,—принести дѣйствительный результатъ, оправдывающій то горе, которое онъ оставляетъ за собой?

Послѣднее разсужденіе Тиховича совершенно излишне: будь его дѣятельность самая плодотворная—Замфиру отъ этого не легче. Спасены-ли другіе хозяева отъ разоренія или нѣтъ но онъ-то, Замфиръ, непоправимо разоренъ. Замфиръ насильственно принесенъ въ жертву ради общаго блага. Онъ не хотѣлъ жертвовать собою; онъ хотѣлъ жить, какъ хотѣли жить и другіе, но его *принесли въ жертву*. Имѣло-ли общество нравственное право совершить этотъ поступокъ? Вотъ въ чемъ вопросъ?

Всѣ дѣйствующія лица разсказа распадаются на двѣ группы, стоящія на разныхъ берегахъ; на одномъ берегу простодушные, темные молдаване, на другомъ—носители культуры: Тиховичъ и его пассивные спутники. Глубокая бездна раздѣляетъ ихъ, но Тиховичъ думаетъ перекинуть мостъ черезъ эту бездну;

онъ изо всѣхъ силъ старается увѣрить этихъ темныхъ людей въ плодотворности своей миссіи и въ томъ, что если и гибнетъ одинъ, то онъ гибнетъ для общаго блага, и эта цѣль оправдываетъ его гибель.

Но и самъ Тиховичъ плохо вѣритъ въ справедливость этой идеи. Всѣ его соображенія, такъ сказать, техническаго характера о цѣлесообразности способовъ веденія борьбы съ филоксерой — отходятъ на второй планъ, а изъ всѣхъ думъ и сомнѣній выростаетъ одинъ большой вопросъ:—имѣетъ-ли право общество приносить одного человѣка въ жертву ради общаго блага?

Одинъ погибъ, но его гибель спасла сто человѣкъ. Сто больше одного. Разсчетъ сдѣланъ вѣрно,—слѣдовательно и поступокъ справедливъ? Но дѣло въ томъ, что когда вопросъ касается жизни человѣческой,—душа живая не можетъ удовлетвориться математическимъ разсчетомъ. А можетъ-ли удовлетвориться имъ сама жертва, принесенная насильственно на алтарь общаго блага?

Авторъ повѣсти не даетъ отвѣта на поставленный имъ вопросъ; но уже одно то, что Тиховичъ уѣзжаетъ изъ деревни съ душой растерзанной сомнѣніями, съ неразрѣшимымъ вопросомъ въ умѣ,—показываетъ намъ, къ какому рѣшенію вопроса склоняется авторъ.

Общество не можетъ приносить въ жертву одного, хотя-бы и для общаго блага, потому что каждый человѣкъ заключаетъ въ себѣ цѣлый міръ, и съ гибелью этого міра гибнетъ для него и самая справедливость, которая только тогда и оправдываетъ свое существованіе, если она существуетъ для всѣхъ людей.

Справедливость не можетъ созидаться на несправедливости, допущенной хотя-бы и къ одному.

Люди великой души, способные при жизни умственно пережить будущія послѣдствія своего поступка, находятъ въ себѣ достаточно силы для добровольной жертвы—на алтарь общаго блага; но „рядовые“ человѣчества, живущіе только дѣйствительной жизнью, не способные въ мысляхъ своихъ оживить будущую жизнь и насладиться красотой ея,—не имѣютъ желанья приносить себя въ жертву, и никто не имѣетъ права, хотя-бы во имя общаго блага, жертвовать и едиными отъ малыхъ сихъ.

Что касается до изложенія, то написанъ разсказъ съ большой силой и теплотой. Вся исторія духовной смерти Замфира проведена авторомъ съ удивительной послѣдовательностію. Здоровый, сильный, жизнерадостный Замфиръ, хорошій хозяинъ,

счастливый отецъ, постепенно превращается въ живой трупъ. Онъ живъ, но Замфира уже нѣтъ въ немъ... Это тѣнь человѣка, съ трудомъ влачащая свое существованіе.

Сцены столкновенія Маріоры и Замфира съ Тиховичемъ, которыя мы приводили выше, полны жгучаго отчаянія.

Но не только эти потрясающія сцены,—съ тѣмъ-же мастерствомъ и теплотой, проскальзывающей сквозь самыя обыкновенныя слова, описаны и послѣдующія минуты жизни Замфира. Маріора не вынесла страшнаго потрясенія,—она слегла. Бѣдная женщина лежитъ безъ сознанія.

„Зразу з світла, не можно нічого розібрати в хаті. Чутно тільки стогін слабої, чиїсь тихі хлипання, та шепотіння. Де далі з присмерку виріжняются: сумна Замфірова постать, гурток жінок біля постелі слабої та скулені, заплакані діти по кутках. Замфір сидить за столом, підперши голову рукою і дивиться кудись у простору. Трудно пізнати в йому того повного энергії сили та життя Замфіра, яким він був ще недавно перед місяцемъ. Він тепер осунувся, його горда, міцна постать наче зігнулась, очі згасли, на виду осів новий вираз—вираз болю і завзятності. Замфір сидів і думав: Чи про свою кривду, про жінку слабу, а чи про діток дрібних, що крий Боже, посиротіють ще...

Хто його зна про що він думав сидючи так підпершись... Дітвора хлипала по кутках.. В хаті стояла задуха.. пахло сухими васильками, якісь тіні ходили по стінахъ у присмерку“. (380—381).

Пришелъ священникъ, исповѣдалъ больную и посовѣтовалъ Замфиру пригласить къ больной доктора, но Замфиръ на отрѣзъ отказался призвать доктора.

„Доктора!—скрикнув він, а згасли очі його блиснули зловіщім вогнем.— Ніколи в світі! О, вже доволі маю тих докторів, доволі!“

Батюшка предупреждаетъ, что Маріора можетъ умереть и уходитъ; уходятъ и бабы.

„Чужі поросходились. В хаті лишився тільки Замфір з дітьми. Діти повилазили з кутків, прилипли до материної постелі. Замфир теж наблизився до хворої, пригорнув до себе дітей і, схиливши на груди голову, довго так стояв, мовчазний, та замисленный, як жива статуя безмірного смутку“. (382).

Этими немногими словами заставляетъ насъ авторъ почувствовать всю безмѣрную тяжесть великаго, безмолвнаго горя. И

какъ слова и дѣйствія человѣка, постигнутаго такимъ горемъ, такъ и слова автора, пишущаго о немъ, полны трагической простоты.

Вторые персонажи разсказа старикъ, Мошъ-Дима и другіе,—вырисованы авторомъ со свойственной ему рельефностью.

Какъ художникъ, желая придать какому-либо предмету округленныя формы, ставитъ свѣтлый бликъ на выдающейся точкѣ, затушевывая остальныя части его, такъ и Коцюбинскій выдвигаетъ передъ нами самую типичную, существенную черту человѣка или мѣстности, оставляя въ тѣни менѣе важныя, и тѣмъ придаетъ изображаемымъ имъ предметамъ удивительную рельефность. Всѣ дѣйствующія лица его—живые люди. Мы ихъ видимъ, слышимъ, и мало того, что мы ихъ видимъ на страницахъ произведенія автора, мы ихъ видимъ дальше, за этими строками, мы съ увѣренностью можемъ сказать, какъ поступилъ-бы любой изъ нихъ при извѣстныхъ столкновеніяхъ съ жизнью. Для ознакомленія насъ съ каждымъ изъ нихъ, авторъ не тратитъ много словъ. Впавшему въ дѣтство, безумному старику Мошъ-Димѣ, отцу Замфира, онъ посвящаетъ всего нѣсколько строкъ.

„Ви не їсте, Мош-Діма, раптом звернулась вона (Маріора) до сивого, аж білого діда, чоловікового батька, що сидів за столом, непритомно осміхаючись сивими, мутними очіма.

— „Ні, спасибі—я наївся,—тихо одповів Мош-Діма, піднімаючи з долівки перекинутого глечика“. (322).

Нѣсколько разъ появляется бѣдный Мошъ-Дима въ разсказѣ, и каждый разъ авторъ жертвуетъ для обрисовки его двѣ—три черточки, но эти черты такъ тонки, и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ художественны, что жалкій образъ впавшаго въ дѣтство старика встаетъ какъ живой передъ нашими глазами.

Достигается это, конечно, тѣмъ, что въ описаніяхъ автора нѣтъ ни одного лишняго слова, а всѣ признаки, отмѣчаемые имъ, относятся къ числу самыхъ типичныхъ, самыхъ существенныхъ.

При знакомствѣ нашемъ съ Мошъ-Димой мы узнаемъ только, что онъ сѣдъ, какъ лунь, и что во время шумной сцены онъ продолжаетъ равнодушно сидѣть, безсознательно улыбаясь выцвѣтшими, мутными глазами. И вотъ именно это безучастное отношеніе къ окружающему, безсознательная улыбка и глаза, выцвѣтшіе и мутные, мутные потому, что они не освѣщены никакой мыслью, рисуютъ намъ образъ сгорбленнаго, безпомощнаго старика.

Слѣдующая деталь, тихій голосъ и самый отвѣтъ старика окончательно дополняютъ его обликъ.

Авторъ говоритъ, что на вопросъ Маріоры, ѣстъ-ли онъ еще,—старикъ тихо отвѣтилъ: „ні, спасибі, я наївся".

Если-бы авторъ написалъ эту фразу, предположимъ, такъ: „ні, спасибі, я вже більше не хочу їсти,, відповів Мош-Діма,"— впечатлѣніе было-бы уже далеко не то.

Почему?

Потому что прежде всего авторъ вкладываетъ въ уста старика стереотипную, шаблонную фразу, какими, очевидно, только и могъ уже говорить Мошъ-Дима, и тутъ-же добавляетъ: „тихо відповів Мош-Діма"; такимъ образомъ, онъ сразу даетъ намъ понятіе и объ угасшемъ, беззвучномъ голосѣ, такъ дополняющемъ весь образъ пережившаго себя старика.

Что Мошъ-Дима уже потерялъ способность говорить и въ умѣ его остались только затверженныя съ дѣтства, шаблонныя фразы, видно изъ всего послѣдующаго разсказа. Понятія объ ужасныхъ событіяхъ—гибели виноградника и смерти Маріоры — очевидно, проникли наконецъ и въ слабый мозгъ Мошъ-Димы: Тиховичъ, виновникъ всѣхъ бѣдствій Замфира, проѣзжая мимо его двора, встрѣтился взглядомъ съ сумасшедшимъ старикомъ.

„Тихій, лагідний, мов дитина, дідок, на цей раз не осміхався,—говоритъ авторъ. Втопивши в Тиховича повні гніву та ненависті очі, Мош-Діма підняв до гори кулак і потряс ним на здогін Тиховичеві".

Даже въ такую минуту—старикъ не могъ добыть въ своемъ бѣдномъ мозгу ни мысли, ни слова для выраженія своего чувства; ему остались доступны только знаки стихійнаго гнѣва, чувства знакомаго и животнымъ, и малолѣтнимъ дѣтямъ.

Не смотря, однако, на глубину содержанія, на художественность и теплоту изложенія, въ повѣсти есть и крупные недостатки.

Всякое литературное произведеніе, какъ и произведеніе художественное, подчиняется законамъ перспективы: фигуры, сцены, мысли, имѣющія въ повѣсти второстепенное значеніе, не могутъ быть поставлены на первый планъ безъ нарушенія художественной цѣльности впечатлѣнія, и наоборотъ.

Казалось-бы на первый взглядъ, всякое поэтическое произведеніе просто выливается изъ души поэта, а между тѣмъ оно создается по строгимъ законамъ логики. Авторъ, быть можетъ, и самъ не даетъ себѣ отчета въ строгой обдуманности своей ра-

боты, но этотъ процессъ обдумыванія, взвѣшиванія всегда предшествуетъ той части процесса творчества, при помощи которой художникъ переноситъ во внѣшній міръ уже созрѣвшее въ его душѣ произведеніе.

Въ истинно-художественномъ произведеніи не можетъ быть ни одного лишняго слова, ни одна черта не должна противорѣчить исходному положенію; здѣсь все, всякая кажущаяся мелочь имѣетъ свое значеніе, такъ какъ художникъ не имѣетъ права отвлекать безнаказанно вниманіе читателей. Если авторъ описываетъ намъ лицъ, окружающихъ героя,—онъ дѣлаетъ это для того, чтобы познакомить насъ со средой, въ которой выросъ герой если онъ описываетъ картины природы, окружающей героя,—онъ знакомитъ насъ съ впечатлѣніями, подъ вліяніемъ которыхъ складывалась его душа; жесты, движенія—даютъ намъ болѣе яркое понятіе о чувствахъ дѣйствующихъ лицъ; сама интрига, т. е. подборъ событій, окружающихъ героя нанизывается авторомъ какъ разъ въ такомъ порядкѣ, чтобы герой, могъ найлучшимъ образомъ проявить въ нихъ свой характеръ; слогъ, ритмъ и тембръ рѣчи также примѣняются авторомъ для дополненія цѣльности художественнаго впечатлѣнія,—словомъ, все стремится здѣсь къ одному центру.

Эта сконцентрированность и закономѣрность всѣхъ частей ведетъ къ тому, что главная, существенная идея произведенія выступаетъ такъ рельефно изъ ткани разсказа, какъ главная фигура изъ хорошо написанной картины. А такъ какъ художественное литературное произведеніе не только возбуждаетъ въ насъ рядъ идей, но даетъ намъ зрительныя, слуховыя и другія впечатлѣнія, то сконцентрированность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и многозвучность впечатлѣнія подчиняетъ насъ вполнѣ замыслу автора и заставляетъ переживать созданныя имъ произведенія.

Непосредственнымъ воздѣйствіемъ на мысль и чувства читателя и отличается истинно-художественное произведеніе отъ произведеній тенденціозныхъ.

Въ данной повѣсти Коцюбинскаго нѣтъ перспективы.

Она уподобляется китайской картинѣ, въ которой предметы, стоящіе на второмъ и на третьемъ планѣ, имѣютъ такой-же размѣръ, какъ и предметы, расположенные на первомъ планѣ.

Главная, существенная часть повѣсти Коцюбинскаго состоитъ въ рѣшеніи принципіальнаго вопроса: имѣетъ-ли право общество приносить въ жертву одного ради общаго блага?

Какъ суровый мысъ, врѣзывающійся въ многоструйное, лазурное небо, выступаетъ онъ изъ пестрой, подвижной ткани разсказа.

И вдругъ рядомъ съ такимъ большимъ, глубокимъ вопросомъ, имѣющимъ вѣчное, общечеловѣческое значеніе, Коцюбинскій ставитъ и слѣдующій вопросъ, яко-бы въ равной мѣрѣ волнующій Тиховича: можетъ-ли его дѣятельность, т. е. уничтоженіе филоксеры, дѣятельность недостаточно организованная, спорадическая—принести существенную пользу?

Такое смѣшеніе главнаго съ второстепеннымъ, несвязаннымъ причинной связью производитъ большую путанницу, нарушаетъ гармонію прекрасно задуманнаго произведенія и суживаетъ его смыслъ. Замфира *насильственно* приносятъ въ жертву,—слѣдовательно дастъ-ли эта жертва благотворный результатъ или нѣтъ,—для него, для Замфира—безразлично. Съ другой стороны, если-бы борьба съ филоксерой и велась самымъ строго-раціональнымъ способомъ—это ничуть не уяснило-бы рѣшеніе заданнаго Коцюбинскимъ вопроса. Конечно, если люди, приносимые насильственно въ жертву, гибнутъ, да еще и напрасно; то это обстоятельство еще больше усиливаетъ возмущеніе въ душѣ посторонняго наблюдателя. Такая мысль могла-бы составить тему для отдѣльнаго произведенія, но здѣсь она только затемняетъ смыслъ, только отягчаетъ произведеніе, какъ излишняя и ненужная надстройка къ стройному архитектурному произведенію.

„Тай виясни-ж такому молдуванові, темному, неосвіченому, говоритъ Тиховичъ своимъ спутникамъ, що фільоксера, той страшний шкідник винограду, може з часом знищити всі виноградники, хоч тепер невидко ще руйнуючої сили того маленького, а сильного ворога. Він не пійме віри. Виясни господареві, у якого зрубано виноградник, що це зроблено для загального добра, для забезпеки сусідніх виноградників від зарази! Чи-ж він потішится таким поясненням?

И тутъ-же рядомъ мысль Тиховича дѣлаетъ крутой поворотъ.

„Або обіцяй другим, що ми не пустимо на їх садки фільоксери, коли від самого початку істнования комиссіи аж досі не було ще прикладу, щоб удалося нам цілком очистити від фільоксери виноградники в якому небудь селі“. (341).

Въ такомъ случаѣ въ чемъ-же дѣло? Въ томъ-ли, что общество не имѣетъ нравственнаго права приносить въ жертву одного ради общаго блага, или въ томъ, что общество не имѣ-

етъ права приносить своихъ членовъ въ жертву только тогда, если гибель ихъ не доставитъ должнаго блага.

Первый принципіальный вопросъ уничтожаетъ всѣ послѣдующія разсужденія. Если человѣкъ имѣетъ право уничтожать себѣ подобныхъ, то естественно болѣе разумный будетъ стараться извлечь изъ своего поступка наибольшіе выгоды. Если-же онъ такого права не имѣетъ, то нечего и разсуждать о томъ, принесла-ли гибель такого-то несчастливца существенную пользу или нѣтъ?

Такая-же путанница продолжается и дальше.

„Я не нехтую боротьби з фільоксерою, а тільки вияснюю причину ворожнечі молдуван,—продолжаетъ дальше Тиховичъ. Я вірю, що не пізно боротися з ворогом винограду, що ми змогли-б льокалізувати його, здушити, знищити і таким робом обрятувати бессарабські виноградники. Нам тільки потрібни сили і кошти, щоб була змога обдивитися зразу цілу Бессарабію і таким побитом з'ясувати собі великість лиха, з якім провадимо боротьбу". (342).

Итакъ, принципіальный вопросъ рѣшенъ Тиховичемъ въ утвердительномъ смыслѣ! Все дѣло сводится только къ улучшенію техническихъ пріемовъ борьбы съ филоксерою.

Но нѣтъ.

Истинное горе неповинно гибнущихъ людей сильно поколебало увѣренность Тиховича въ справедливости своей миссіи.

„Він дуже добре знає, що в лихові, яке скоїлось для Замфирової родини, нема його Тиховичевої вини, а про те йому докучає таке почуття, як-би він от... скривдив кого, або що вкрав... (366).

„В шипінню сирої лозини вчувалась йому скарга хозяїв, які тратили в огні не тільки хліб щоденний, а щось більше, чого не можна а ні зміряти, а ні купити за гроші. В чорному димі, що здіймався до неба, як дим офіри, ввижались йому— довголітня теперъ змарнована праця, ряд важких голодних днів в будучині, безсонні ночі, втрачені надії".. (367).

„Неспокійно спалося Тиховічеві тої ночі. Уві сні верзлася йому всячина.. То здавалося йому, що він сам рубає величезною сокирою по три кущі зараз, то що робітники, замість лози, покидали на вогонь Замфирових дітей". (369).

Онъ старается успокоить себя.

„За віщо, за віщо я мушу терпіти стільки прикростей? Чи-ж я хотів відібрати від них хліб, чи-ж я не рятую врешті своею

працею більшости від такої недолі, яка стріла оцього божевільного діда.

І лікарь,—думав він,—рятуючи мусить часом відтяти ноги пацієнтові, зробити його на віки калікою. А він це робить, бо мусить робити, бо вчинком своїм рятує життя людини. Не місто на сантіментальні розміркування там, де треба рятунку... Ні не те, не те! працює далі думка... На лікаря за рятунок ніхто не рем-ствуватиме, ніхто камінем не кине, а тут!. (371).

От і тепер для того проблематичного, загального добра він силоміць, поперед неминучого, правда, для Замфіра лиха, скривдив цілу родину, став для неї ворогом. Що-ж потішить його тепер, що стане надгородою за пережиті прикрості, коли сила фактів невблаганно нищить віру в *користність праці, а конечність офір?*

Опять смѣшиваются два вопроса. И эти разсужденья о „користности“ подобной праці, помѣщаемыя авторомъ рядомъ съ такимъ большимъ, серьезнымъ вопросомъ, до нельзя возмущаютъ душу!

„Коли-б хоч певність, що така офіра потрібна для загального добра, що робить справді пожиточне діло, а не зайву жорстокість. Ба коли-б певність!

Значитъ, если-бы Тиховичъ былъ увѣренъ въ пользѣ своей дѣятельности, то вполнѣ примирился-бы съ гибелью несчастнаго Замфира?

И опять несносныя разсужденія о способахъ борьбы съ филоксерой.

„Тихович вірив у можливість боротьби з ворогом винограду, а ця віря додавала йому більших сил. Але час минав, роки йшли,—і кожний рік щось общіпував з тої віри, з того запалу. Фільоксера, не вважаючи на боротьбу з нею, з кожним роком займала все більшу й більшу простору. Підсумовуючи результати діяльности комісії за кілька літ, Тихович побачив, що комиссія не змогла альокалізувати фільоксери, не пустити її за межу звісних уже комиссіи фільоксерних вогнищ. Мало на тому, комиссіи не вдалося навіть викоренити цілком фільоксеру на тих вогнищах“ и т.д

Словомъ, въ концѣ концовъ поверхностный читатель можетъ и не рѣшить, къ чему сводится смыслъ разсказа: къ тому-ли, что общество не имѣетъ права приносить въ жертву общему благу единичныхъ личностей, или къ тому, что борьба съ фильо-

ксерой еще плохо организована въ Россіи? Разсказъ говоритъ больше чѣмъ задумалъ писатель.

Второй недостатокъ разсказа относится къ тому же нарушенію цѣльности впечатлѣнія.

Вопросъ, поднятый Коцюбинскимъ въ повѣсти „для загального добра", относится къ числу тѣхъ изначальныхъ вопросовъ, о которыхъ мы говорили выше. Какъ на пласты первобытнаго гранита не имѣютъ вліянія наносные слои верхнихъ покрововъ земли, такъ и на рѣшеніе подобнаго вопроса не имѣетъ вліянія та или иная обстановка современной жизни. Въ какую бы культурную страну ни перенесли мы дѣйствіе разсказа,—перемѣна мѣста дѣйствія не имѣла-бы вліянія на рѣшеніе этого вопроса. Такимъ образомъ, всѣ эти этнографическія подробности, всѣ эти „массы", „мамалыги", „окруцы", „мѣдные обручи, обвивающіе руки Маріоры"—не способствуютъ ничуть художественной цѣльности впечатлѣнія, даже больше, они только напрасно отвлекаютъ вниманіе читателей.

Желая изучить строеніе скелета животнаго, ученый удаляетъ его верхніе покровы-кожу, мускулы, кровь,—такъ и поэтъ художникъ, желая углубиться въ рѣшеніе какого-либо изначальнаго вопроса, не рожденнаго тѣми или иными внѣшними условіями жизни, переноситъ дѣйствіе своего разсказа или въ міръ глубоко-прошедшій, или въ міръ символовъ. Дѣлается это для того, что-бы устранить изъ разсказа все лишнее, отвлекающее вниманіе читателя отъ рѣшенія главнаго вопроса. Если мы называемъ въ своемъ разсказѣ или драмѣ героя—просто „король", не относя его точно къ какой-либо исторической эпохѣ, какъ это дѣлается по большей части у Шекспира, у Метерлинка и у др... то мы не обязаны посвящать цѣлыя страницы характеристикѣ окружающей его бытовой обстановки;—если-же мы захотимъ сдѣлать своего героя королемъ Вильгельмомъ II, тогда мы обязаны очертить и личность его, соотвѣтственно историческимъ даннымъ, и характеръ придворной жизни его двора; мы должны ввести въ разсказъ тысячу подробностей, связанныхъ съ этой личностью и вовсе не связанныхъ съ основной темой произведенія. Все это дѣлается въ ущербъ психологичему анализу. То-же относится и къ какой-бы то ни было личности, взятой изъ современной жизни: разъ мы затрагиваемъ современную жизнь, она должна ожить передъ нами со всѣми тысячами мелкихъ подробностей, придающихъ ей истинную живость. Еще больше подробностей должны мы ввести въ разсказъ, если беремся описывать исключительную

народную среду, въ данномъ случаѣ молдаванскую деревню, мало знакомую большинству читателей. Фонъ, который въ подобныхъ произведеніяхъ долженъ только оттѣнять рисунокъ,—будетъ затемнять его. Изъ сказаннаго нами выше, конечно, не слѣдуетъ, что художникъ, проникнувшійся глубокимъ, изначальнымъ вопросомъ, долженъ стереть со своей палитры всѣ теплыя краски жизни и ограничиться одной сепіей; что онъ долженъ рисовать не картину, а только контуры людей и предметовъ. Нѣтъ, человѣкъ долженъ всегда оставаться и въ художественномъ произведеніи теплымъ, живымъ человѣкомъ, будетъ-ли онъ перенесенъ въ прошедшій, историческій или символическій міръ,—надо только избѣгать всего лишняго, связаннаго съ исключительнымъ положеніемъ героевъ, или съ преходящими внѣшними условіями жизни.

Какъ лишнія этнографическія подробности, такъ-же мѣшаютъ и несвязанныя съ дѣйствіемъ разсказа вводныя лица.

Старикъ Мошъ-Дима, существо вполнѣ пассивное, не принимающее никакого участія въ теченіи событій и почти не отражающее ихъ—связанъ однако органически съ сущностью разсказа; онъ является яркимъ аксесуаромъ картины трагической гибели Замфира. Но господинъ Рудыкъ, не причастный ни духомъ, ни тѣломъ къ разростающимся событіямъ, также излишекъ, какъ излишни и старшина, и писарь, не реагирующіе вовсе на внѣдряющееся въ ихъ среду бѣдствіе.

Въ виду всего вышесказаннаго разсказу, не достаетъ должной сконцентрированности; но не смотря на этотъ значительный недостатокъ, разсказъ все таки остается глубоко задуманнымъ и сильно написаннымъ произведеніемъ.

IX.

Приступая къ разбору разсказа Коцюбинскаго Fata Morgana, мы невольно ощущаемъ тотъ трепетъ, который овладѣваетъ человѣкомъ, приближающимся къ истинно-прекрасному произведенію искусства. Всѣ достоинства произведеній Коцюбинскаго: одушевленный, какъ музыка проникающій въ глубину сердца стиль, живость типовъ и образовъ, глубина замысла и главное задушевная любовь къ человѣку—все соединилось въ этомъ разсказѣ, какъ въ фокусѣ и сдѣлало его лучшимъ изъ произведеній Коцюбинскаго.

Но этого мало,—оно по справедливости поставило его въ ряды тѣхъ произведеній слова, которыя будутъ всегда будить въ сердцѣ человѣческомъ лучшія чувства состраданія и любви.

Пройдутъ года—и земельный вопросъ потеряетъ свою остроту, но несбывшіяся иллюзіи будутъ всегда томить и великія, и малыя сердца. И гдѣ-бы ни жили люди—во всякой широтѣ и долготѣ,—разсказъ Коцюбинскаго найдетъ теплый откликъ, и сердце читателя сожмется съ болью, слушая мечты его героевъ, жалкія и болѣзненныя, какъ улыбка нищенки, просящей на хлѣбъ.

Замыселъ разсказа, какъ всегда въ лучшихъ произведеніяхъ Коцюбинскаго, не изобилуетъ необычностью столкновеній. Все здѣсь такъ просто и обыденно, такъ сѣро и такъ безконечно грустно, какъ оно и бываетъ въ дѣйствительной жизни.

Безземельный крестьянинъ—Андрей Воликъ—проживаетъ въ деревнѣ со своей женой Маланкой и дочерью Гафійкой. Они тяжко бѣдствуютъ. Во время оно онъ служилъ на сахарномъ заводѣ и этимъ содержалъ свою семью. Но сахарный заводъ заброшенъ, земли нѣтъ—заработать негдѣ, исходъ одинъ только—наняться въ работники; но Андрей старъ, онъ уже вымоталъ всю свою силу на панской работѣ; онъ уже не въ состояніи нести тяжелаго труда. Но онъ и не лежебокъ: какъ можетъ, онъ все таки трудится—то носитъ почту, то ловитъ рыбу, и все ждетъ, все мечтаетъ о томъ, что пустятъ опять въ ходъ „Сахарню", и онъ снова будетъ зарабатывать тринадцать рублей въ мѣсяцъ, снова будетъ жить какъ хозяинъ и будетъ пить въ праздникъ холодное пиво, холодное и чистое, какъ золото!

Маланка, жена Андрея, и по своей внѣшности, и по своему характеру—полная противоположность мужу: маленькая, сухая, истомленная также тяжелой панской работой, она все еще полна энергіи, она горитъ жаждой труда. Ее терзаетъ неудовлетворенный инстинктъ земледѣльца. О, какъ она желаетъ этой работы, какъ любитъ она святую, черную землю! Послѣднія силы свои съ радостью положила-бы она на то, чтобы обрабатывать ее, ходить подлѣ нея, хоть не для себя, а для своей единственной дочери. Пусть пропала ея жизнь, но пусть же удастся хоть жизнь ея дочери, чтобы ей, Гафійкѣ, не довелось растратить своихъ молодыхъ лѣтъ „въ наймахъ", чтобы зажила она хозяйкой, какъ живутъ же другіе.

Вотъ въ чемъ единственное желаніе Маланки. Она съ радостью проститъ людямъ свою безрадостную, несчастную жизнь, но дайте жить ея ребенку, только ему.

А земли нѣтъ! И нѣтъ ни малѣйшей надежды пріобрѣсти ее. Жители „халупки“ едва борются съ голодомъ. Но жить вѣдь хочется и червяку, ползающему въ землѣ. Безъ земли для Маланки нѣтъ жизни:—она совершенно не приспособлена ни къ какому другому труду. И вотъ голодъ, и жажда счастья для своего ребенка, и неудовлетворенный инстинктъ земледѣльца порождаютъ въ головѣ несчастной женщины, такой суровой, трудолюбивой, серьезной, жгучій миражъ: землю дадутъ, должны дать! Не могутъ-же погибать люди безъ земли!

Такъ живутъ бокъ о бокъ эти супруги, снѣдаемые своими безплодными мечтами.

Маланка ненавидитъ фабричную работу, потому что ясно видитъ всю безпочвенность мечтаній Андрея: она хочетъ принудить его къ тяжелой работѣ, но Андрей уже физически неспособенъ къ ней. Не смотря на всю свою склонность къ мечтамъ, онъ, съ своей стороны, ясно видитъ всю несбыточность сказочныхъ фантазій Маланки: онъ знаетъ, что земли не откуда ждать, что никто не дастъ ее имъ.

Взаимно каждый изъ нихъ ненавидитъ мечты другого, сознавая ихъ безплодность, и каждый изъ нихъ съ надеждой отчаянія раздуваетъ и разогрѣваетъ собственныя мечты. При всякомъ удобномъ случаѣ, они съ какимъ-то зудящимъ злорадствомъ готовы бросить одинъ другому злобныя насмѣшки надъ несбыточностью мечтаній каждаго изъ нихъ. Голодъ и отчаяніе превращаютъ этихъ людей въ остервенившихся звѣрей. Но и въ ихъ безрадостной жизни есть одна свѣтлая точка,—ихъ донечка Гафійка. Всю гордость свою, всѣ несбывшіяся мечты своей жизни переложили они въ это единственное дитя и страстно ждутъ ея счастья.

Но голодъ приближается... ни фабрики, ни земли...

Хома Гудзь, панскій пастухъ, нѣсколько разъ предлагаетъ имъ нанять дочь и тѣмъ спасти себя отъ голода, но возмущенные этимъ предложеніемъ Маланка и Андрей съ гнѣвомъ отвергаютъ его. Однако время идетъ... Послѣдняя тайная надежда Маланки отдать Гафійку за хозяйскаго сына замужъ—рушится: Марка, передового парубка, котораго тайно любитъ Гафійка, арестуютъ.

Голодъ уже впивается синими пальцами въ этихъ обезсиленныхъ людей. Что будетъ дальше,—авторъ не говоритъ, но по всему видно, что Гафійка пойдетъ въ наймы и понесетъ ту горькую, безнадежную участь, отъ которой такъ страстно стремилась уберечь ее бѣдная мать!

Вся повѣсть написана съ такой глубокой любовью, какая рѣдко когда воодушевляетъ человѣческое слово. Какъ безконечно жалки эти сборы Маланкою зеренъ и сѣмянъ, яко-бы для будущаго хозяйства, словно мечты о радости, о жизни больного, обреченнаго на смерть. Какой горькой ироніей звучитъ вся сцена возвращенія съ жнивъ полумертвыхъ отъ усталости Маланки и Гафійки.

Не все-ж горе, бували і радощі!—говоритъ авторъ (23). Після довгого літнього дня, коли сонце сідає, а роспечена земля поволі скидає з себе золоті шати, коли на бліде, втомлене днем небо з'являются крадькома, несміливо зорі, въ останньому проміні сонця справляє грища мушва, а дивно мягке злоторожеве повітря приймає оддаль бузкові тони і робить простори ще глибшими, ще ширшими,—Маланка з Гафійкою ідуть курною дорогою і хоч мають утомлене тіло, але разом і приємне почуття скінченного дня. Вони несуть до дому спечене як і земля тіло, а в складках одежи пахощи стиглого колоса. Не розмовляють. Ідуть мовчки, помахуючи серпами".

Они устали до потери сознанія. Измученная Маланка варитъ ужинъ и ежеминутно засыпаетъ, стоя на ногахъ. Наконецъ, окончена и эта работа.

„Ложки треба по...а...а-а... помити. Такі ноги важки, мов у чоботях... а голова-ж, голова... ледве на вязах, сдержишь... Ну... врешті... На присьбі краще. Ти спишь, Гафійко? Подушку взяла-б... ну спи так дитино, коли заснула. Ой, кісточки-ж мої, кісточки болючі. Ой мої рученьки, ніженьки мої... Іже еси на небесі... хліб наш насущний... А-а-а! Зорі дивляться з неба... жаби крякають до сону. Блакітна баня спускается все нижче і нижче... Налягає на тіло, гнітить повікі. Так солодко, спокійно... Не встав-би на суд страшний, не звівся-б і до долі... А небо все нижче, тай нижче... пестить, обіймає... Зорі лоскочуть, немов цілують... Душа роспустилась в блакиті, тіло приліпло до присьби і таке, як віск на вогні... Нема нічого... небуття... повне небуття!

Хиба-ж не радощі! (25).

Какъ жалки эти приготовленія къ приходу воображаемыхъ сватовъ, это тоскливое, напряженное ожиданіе въ бѣдной, безмолвной хатѣ... И эта злоба, и тайная зависть матери ко всѣмъ дѣвушкамъ, наведшимъ свою долю... Какъ больно отдаются въ сердцѣ читателя послѣднія, разбивающіяся мечты Маланкины о Гафійкиномъ замужествѣ.

Бѣдную, безземельную Гафійку никто не торопится брать.

„Нудна трівога, мов дерево з насіння, рóсла в Маланчіній душі“ (29).

Но она все еще ждала и недоумѣвала, почему никто не сватаетъ ея славную, работящую, красивую дочь? Иногда она раздраженно набрасывается на Гафійку, считая ее виновницей этого несчастія.

„Але, помітивши сльози в Гафійчиних очах, вона замовкала, жаль сповняв її сердце і вилітав довгим зітханням... Вона вже знала, яка доля чекала її дитину. Доведется ій топтати материну стежку... Ой доведется!

З пониклою, обваженою чорними думами головою вона прислухалася до останніх згуків затихаючої в селі весільної музики, з якими гаснули її останні надії, останні сподівання“...

Какимъ холодомъ вѣетъ отъ страшной сцены голода, когда истомленный голодовкой Андрей варитъ для себя громаднаго лина, вмѣсто того, чтобы продать его панамъ и, склонивши надъ котелкомъ красное лице, съ широко раздувающимися ноздрями, съ животной жадностью втягиваетъ въ себя запахъ горячей пищи!

Въ послѣднихъ заключительныхъ строкахъ разсказа, авторъ подымается до высочайшаго лиризма, рѣчь его пріобрѣтаетъ силу музыки и уже одними созвучіями своими, тихими, замирающими, приводитъ насъ въ глубоко-грустное настроеніе, а слова западаютъ въ сердце, какъ капли слезъ!...

„Тмяно в халупці. Цідять морок маленькі вікна, хмурятся вохкі кутки, гнітить низька стеля і плаче зажурене серце. З цім безконечним рухом, з цім безупинним спаданням дрібных крапель пливуть і згадки. Як краплі ці,—упали і загинули в болоті дні життя, молоді сили, молоді надії. Все пішло на других, на сильніщих, на счастливіщих, немов так і треба...

Немов так і треба!..

Всѣ сцены и діалоги разсказа написаны съ тѣмъ-же чувствомъ и съ той-же силой, и чѣмъ грубѣе сцена, тѣмъ больнѣе она отзывается въ сердцѣ читателя, потому что дѣйствующія лица разсказа такъ вѣрны себѣ, такъ правдивы, что за ихъ образами читателю чуется живое страданіе, доведшее до этой злобы людей. Авторъ съумѣлъ проникнуть въ самую суть духовнаго міра этихъ людей, и они, по первому взгляду такіе грубые, отталкивающіе, стали такъ близки, такъ понятны и такъ дороги намъ.

Остановимся хотя-бы на Гудзѣ. Кто это такой? Грубое, пьяное, изступленное существо! Его жжетъ только дикое, казалось-бы вполнѣ безсмысленное, желаніе всеобщаго уничтоженія. Типъ своеобразнаго анархиста. А между тѣмъ, когда мы вслушиваемся въ его озлобленныя рѣчи и представимъ себѣ всю его жизнь, мы поймемъ, что другимъ Гудзь и не могъ сдѣлаться, что его злобу взростила въ немъ его жизнь, и въ душѣ встаетъ озлобленіе не противъ Гудзя, а противъ тѣхъ формъ жизни, которыя обусловливаютъ подобныя явленія, которыя отымаютъ у человѣка не только здоровье, силу, радость, но и способность смотрѣть на міръ разумными глазами, чувствовать въ своей душѣ хотя-бы примиренную печаль.

Почти тоже можно сказать и объ Андреѣ.

Разсматривая его дѣятельность объективно, что можемъ мы сказать о немъ? Лѣнивый, пустой человѣкъ, вмѣсто того, чтобы наняться въ экономію, онъ занимается безплодными мечтаніями о фабричной работѣ, да о стаканѣ холоднаго пива и пробавляется лишь охотой, да рыбной ловлей. Но когда мы познакомимся съ Андреемъ, мы видимъ, что и его винить не за что: онъ вѣдь много отработалъ на своемъ вѣку! Тяжелая работа на чужомъ полѣ уже выдавила изъ него всѣ лучшіе соки. Конечно, Андрей—еще недряхлый старецъ, и благоразумнѣе было-бы вмѣсто безплодныхъ мечтаній проявить больше энергіи и такимъ образомъ охранить отъ голода и себя, и свою семью. Но въ томъ-то и горе, что человѣку отпущено природой лишь извѣстное количество энергіи, больше котораго онъ не можетъ добыть изъ себя. Можно путемъ упражненія развить въ себѣ тѣ или иныя душевныя силы, но измѣнить темпераментъ трудно, если и не вполнѣ невозможно, такъ какъ темпераментъ человѣка зависитъ отъ глубокихъ физіологическихъ причинъ.

Эти несчастія, которыя человѣкъ съ самаго дня своего рожденія носитъ самъ въ себѣ, подобно древне-греческому року, составляютъ истинную трагедію жизни.

Маланка—антитеза Андрею. Въ ея маленькомъ, сухомъ тѣлѣ заложена неисчерпаемая сила энергіи, она готова трудиться до полнаго изнеможенія, но ей не къ чему приложить своихъ силъ: она способна только къ крестьянскому земледѣльческому труду. Безъ сомнѣнія Маланка согласилась-бы взять и всякую иную работу, чтобы защитить свою донечку отъ голода,—но иной работы она не знаетъ. Гдѣ искать ее? Куда идти?

Жизнь создала для нея эту трагедію. Но почему благоразумную Маланку приводитъ въ смертельный ужасъ одна мысль о возможности отдать Гафійку „в найми“? Дѣвушка не терпѣла-бы по крайней мѣрѣ голода, заработала-бъ что-нибудь... Все это такъ, но Маланка чуетъ, что, вступивъ на эту дорожку, дочь ея уже обречетъ себя навсегда на безпріютную холодную жизнь. Она ужъ не дождется никогда своего теплаго уголка, она уже не выйдетъ замужъ за „хозяйского сина“,—а въ этомъ, по мнѣнію Маланки, единственное и послѣднее спасеніе.

И вотъ отчаяніе, безнадежное будущее порождаютъ въ душѣ ея страстныя, жгучія, неутѣшныя мечты о землѣ, какъ порождаетъ жгучая жажда видѣнія воды у палимыхъ зноемъ путниковъ страшной пустыни.

Къ упомянутымъ выше достоинствамъ творчества Коцюбинскаго надо прибавить еще одно,—соблюденіе художественной мѣры. Ни при изображеніи положительныхъ, ни при изображеніи отрицательныхъ типовъ, Коцюбинскій не переступаетъ границъ жизненной правды. Хотя-бы изображаемое лице являлось носителемъ излюбленныхъ идей автора,—онъ не станетъ сгущать для него свѣтлыхъ красокъ, онъ рисуетъ его такимъ, какимъ оно можетъ быть въ жизни.

Въ данномъ случаѣ это сказывается въ изображеніи Гафійки. Гафійка свѣтлый типъ деревенской дѣвушки. Она любитъ Марка, который судя по недосказаннымъ рѣчамъ дѣйствующихъ лицъ, является пропагандаторомъ и борцемъ за свободу: она любитъ его и его идеи, но схватываетъ она ихъ по стольку, поскольку можетъ ихъ воспринять ея неразвитой мозгъ. Когда отецъ обрушивается на Марка за его свободолюбивыя мысли, Гафійка не можетъ защитить его. Какъ покорное дитя, она, конечно, не смѣетъ и возражать отцу, да если-бы осмѣлилась, то, пожалуй, не многое сумѣла-бы она и сказать отцу.

Въ граціозной сценкѣ Гафійки съ пернатыми собесѣдниками высказывается вся дѣвушка. Марко въ глазахъ ея—воплощенный идеалъ: онъ уменъ, онъ смѣлъ какъ орелъ, онъ добра хочетъ людямъ, онъ любитъ всѣхъ. Она передаетъ курамъ то, что уразумѣла изъ рѣчей Марка, и такимъ естественнымъ простымъ языкомъ. Никакихъ высокопарныхъ тирадъ ни здѣсь, ни въ сценѣ съ отцемъ, ни тогда даже, когда Гафійка видитъ, какъ арестуютъ Марка. Какъ робкая травка тянется на встрѣчу солнцу, такъ встрепенулася и душа Гафійки и потянулась къ лучшей, свѣтлой жизни,—но все это только и осталось мечтой. Аре-

стовали Марка. Горе Гафійки было глубоко. Она никому не сказала ни слова, только блѣднѣла, чернѣла... и покорно исполняла всѣ требованія матери...

И хотя Гафійка въ своей рѣчи, обращенной къ курамъ и говоритъ, что ни за что не выйдетъ ни за кого другого замужъ, но читатель не увѣренъ въ томъ, что слезы и требованія матери не были-бы исполнены Гафійкой. Бѣдное, доброе дитя остается естественнымъ во всѣхъ проявленіяхъ своей жизни. Да и что могла-бы сдѣлать Гафійка безъ Марка. Какъ хмѣль, вьющійся вверхъ только по тычинкѣ, Гафійка должна еще имѣть крѣпкую опору, безъ нея она еще не можетъ бороться съ жизнью.

Разсматривая вышеприведенныя произведенія Коцюбинскаго, мы старались показать, что авторъ ихъ глубоко проникаетъ въ психологію изображаемыхъ имъ лицъ, что ему свойственъ не только физіологическій, но и психологическій методъ. Физіологическій методъ, если можно такъ выразиться, чрезвычайно краснорѣчивъ и удобенъ для сообщенія читателю чувствъ и глубокихъ потрясеній героевъ, но онъ не можетъ передать намъ всѣхъ развѣтвленій зарождающихся мыслей и чувствъ, которыя часто получаютъ начало отъ ничтожнаго толчка. Коцюбинскій тончайшимъ образомъ анализируетъ психологію своихъ героевъ. Ихъ поступки, ихъ чувства и—главное—ихъ образъ мыслей вполнѣ соотвѣтствуютъ физическимъ и психическимъ даннымъ извѣстной личности и уровню среды, въ которой живетъ и дѣйствуетъ она. Прибавивши къ этому художественную мѣру,—мы говоримъ о произведеніяхъ, отнесенныхъ нами ко второй категоріи, всегда и вездѣ соблюдаемую авторомъ,—мы поймемъ, почему герои Коцюбинскаго такъ живы и такъ правдивы.

Какъ истинный талантъ, онъ никогда не опускается въ этихъ произведеніяхъ до тенденціозности, онъ только группируетъ и концентрируетъ извѣстныя явленія, разбросанныя въ жизни и часто недоступныя нашему наблюденію. Не нарушая художественной и жизненной правды, его герои говорятъ сами за себя, и безъ помощи суфлера будятъ въ читателѣ мысли и чувства, которыя пробудила въ авторѣ сама жизнь.

X.

„Въ каждомъ новомъ поэтѣ, говоритъ въ одной изъ своихъ статей Брандесъ, насъ прежде всего интересуетъ вопросъ: что новаго принесъ онъ съ собой въ свѣтъ?“

Слишкомъ широкое требованіе: трудно создать что-либо новое. Да и не въ этомъ вопросъ. Но если поэтъ въ свое творчество не вноситъ ничего кромѣ изображенія жизни, хотя-бы самаго художественнаго, то онъ дѣйствительно не можетъ быть названъ истиннымъ талантомъ.

Въ пестрыхъ явленіяхъ жизни, въ шумѣ убѣгающихъ дней, человѣческій разумъ ищетъ какого-то обобщенія, какой-то руководящей идеи. Талантъ не можетъ быть чуждъ этому стремленію: онъ видитъ дальше и чувствуетъ глубже, чѣмъ заурядный человѣкъ. Всякая неправда жизни будитъ въ немъ глубокіе вопросы. Къ сожалѣнію, далеко не всѣ произведенія Коцюбинскаго отличаются глубиной замысла, но въ лучшихъ изъ нихъ видѣнъ слѣдъ глубокой думы.

Въ заключеніи одного изъ своихъ первыхъ разсказовъ Коцюбинскій восклицаетъ: „Чи-ж скоро діждемо ми гармонії і в людському життю?“ Должно-быть эта мысль не разъ осѣняла писателя.

Оглядываясь назадъ, на разсмотрѣнныя нами произведенія его, мы видимъ въ нихъ одну доминирующую идею. Картины жизни, которыя воспроизводитъ передъ нами Коцюбинскій, изображаютъ и людей, страдающихъ пассивностью, и людей, одаренныхъ якобы злой волей, которые своими поступками разбиваютъ жизнь окружающихъ; и людей лѣнивыхъ, нерадивыхъ, которые своей инертностью губятъ и свою жизнь и жизнь близкихъ имъ людей. И странное дѣло! Всѣ эти личности изображены авторомъ правдиво, во всей ихъ непривлекательной наготѣ, а между тѣмъ они не вызываютъ въ насъ осужденія. Мы не видимъ сознательной злой воли человѣка, а рядъ жизненныхъ условій, подъ вліяніемъ которыхъ складываются въ человѣкѣ тѣ или иныя черты. Мы видимъ людей, заброшенныхъ въ чуждую имъ среду, обреченныхъ нести трудъ, не соотвѣтствующій ихъ психическимъ даннымъ, ожесточающій, обезцвѣчивающій душу. Мы видимъ людей, не слышавшихъ отъ самаго своего рожденія ни единаго ласковаго слова, знающихъ только брань, проклятія, холодъ, голодъ, нищету... людей, измученныхъ непосильной работой. Въ самую глубину сердца этихъ бѣдныхъ людей вводитъ насъ авторъ, и мы проникаемся его мыслью: нѣтъ виновныхъ, есть только несчастные.

Несчастные, незнающіе чувства сытости и сладкаго покоя, несчастные, не знающіе ни ласки, ни любви. Но есть среди нихъ еще болѣе несчастные люди, тѣ, которые уже и не могутъ *испы-*

тать ни жалости, ни любви, которымъ недоступна даже печаль, а знакомы лишь ненависть, зависть, злоба,—чувства, опустошающія и убивающія душу.

Самымъ яркимъ представителемъ такихъ пасынковъ человѣчества является у Коцюбинскаго Гудзь, стихійный анархистъ. Его неразвитой мозгъ не можетъ придумать ничего положительнаго, но существующій строй возбуждаетъ въ немъ дикую злобу, и онъ готовъ все сжечь, всѣхъ уничтожить, всѣхъ погубить!

И авторъ сумѣлъ такъ освѣтить намъ образъ озвѣрѣвшаго человѣка, что не это проявленіе безсмысленной злобы, а тотъ фактъ, что Гудзь уже не *можетъ* стремиться ни къ чему иному, какъ только къ звѣрской, разрушительной работѣ, — приковываетъ наше вниманіе.

Въ томъ, что онъ уже не *можетъ* испытывать лучшихъ движеній человѣческой души, заключается весь ужасъ жизни, порождающей подобныя явленія.

Съ такой чисто материнской любовью относится Коцюбинскій къ людямъ, и эта всепрощающая любовь обусловливаетъ основной тонъ настроенія его, — печальный, но примиренный. Ему чужды гнѣвъ бичующаго пророка, острый сарказмъ сатирика, иронія пессимиста. Тихая ласковая печаль витаетъ надъ каждымъ произведеніемъ его. Возьмемъ-ли мы заключеніе большого разсказа „На віру“, или разсказа „Фата-Моргана“, или даже заключительныя строки крайне неудачнаго разсказа „По людському“—всюду вѣетъ та-же тихая, примиренная печаль, тотъ-же призывъ къ любви и жалости человѣка къ человѣку.

„Навкруги було так гарно, так радісно. У чистій і ніжній, як лоно коханки, блакиті, в могутній хвилі життя, що ледве виявлялось таємним трепотінням соків, в теплому й запашному диханню весни було так багато радости, почувалась така повна гармонія... Чи-ж скоро діждемо гармонії і в людському житті? витала надо мною думка“.

Случайные гости мертваго міра мы не можемъ упорядочить гармонію его, но гармонія человѣческой жизни зависитъ отъ насъ самихъ. Ales fergen lixen ist nnr ain Glaixnis. Страданіе человѣка.

Откуда пришли мы? Куда идемъ? Зачѣмъ существуемъ? Въ нѣмой безднѣ міра кто зажегъ бѣное сердце человѣка?

Этихъ вопросовъ не суждено намъ разрѣшить.

Жалкіе и одинокіе среди бездушной природы, идутъ безконечные ряды человѣчества, приближаясь къ могилѣ, чтобы стать наконецъ лицомъ къ лицу съ холодной тайной небытія...

Единственное, что можетъ придать смыслъ человѣческой жизни,—это мысль о такомъ-же близкомъ страдающемъ существѣ—любовь къ человѣку.

Въ погонѣ за житейскимъ успѣхомъ, за торжествомъ своей идеи, люди часто заглушаютъ въ себѣ голосъ сердца и становятся глухи къ страданію другихъ. Книга Коцюбинскаго будитъ въ насъ это чувство. Жалость, любовь и всепрощеніе,—вотъ что несетъ она съ собою въ міръ. Она вводитъ насъ въ кругъ обездоленныхъ сиротъ жизни, она пріобщаетъ насъ къ ихъ страданію, и теплѣе становится сердце человѣка и отзывчивѣе душа.

Л. Старицкая-Черняховская.

Объявленіе о подпискѣ на 1907-й годъ.

Журналъ „Кіевская Старина“, заканчивая теперь 25-ый годъ своего существованія, рѣшаетъ продолжать свою работу для Украины, нѣсколько измѣнивъ характеръ изданія.

Отвѣчая потребностямъ текущей жизни, изданіе не только будетъ посвящено разработкѣ вопросовъ, связанныхъ съ историческимъ прошлымъ нашей родины, но будетъ останавливаться и на освѣщеніи и посильномъ разрѣшеніи тѣхъ вопросовъ, которые возникаютъ на почвѣ современныхъ событій, придерживаясь тѣхъ-же научно-объективныхъ пріемовъ, какіе были всегда руководящимъ принципомъ нашего изданія...

Ввиду этого, съ 1907 года журналъ будетъ состоять изъ двухъ отдѣловъ, помѣщаемыхъ ежемѣсячно въ каждой книжкѣ: 1) *научный*, въ которомъ найдутъ себѣ мѣсто изслѣдованія, статьи и замѣтки, посвященныя разработкѣ исторіи, литературы, этнографіи, экономики и общественной жизни; 2) *литературно-публицистическій*, который будетъ, кромѣ украинской беллетристики, отзываться на всѣ существенные вопросы, связанные съ фактами современности, по преимуществу останавливаясь на тѣхъ изъ нихъ, которые, прямо или косвенно, затрогиваютъ интересы жизни Украины.

Статьи, какъ въ первомъ, такъ и во второмъ отдѣлахъ, будутъ печататься преимущественно на *украинскомъ языкѣ*, оставляя, впрочемъ, за авторами, затрудняющимися пока писать по-украински, право помѣщать свои труды на *русскомъ языкѣ*, по вопросамъ, касающимся жизни Украины.

Такъ какъ характеръ журнала „Кіевская Старина“ съ 1907 года нѣсколько видоизмѣняется, то и прежнее названіе его ока-

зывается не вполнѣ отвѣчающимъ содержанію. Поэтому мы рѣшаемся измѣнить это названіе, расширивъ рамки его и по пространству и по времени, и даемъ имя нашему изданію „Україна“ журнал науково-публіцистичний.

Журналъ будетъ выходить ежемѣсячно книжками въ объемѣ отъ 10 до 12 листовъ печати. Подписная цѣна *7 рублей въ годъ* съ доставкой и пересылкой, а безъ доставки *6 рублей*. За границу—*9 рублей*. Адресъ редакціи: Кіевъ, Троицкая площадь, Народный Домъ.

Съ 1907 года редакція „України“ будетъ издавать „Словарь украинскаго языка, собранный редакціей журнала Кіевская Старина. Словарь этотъ, проредактированный Б. Д. Гринченкомъ, представленъ былъ въ Императорскую Академію Наукъ и удостоенъ 2-ой Костомаровской преміи. Въ теченіе 1907 года редакція надѣется отпечатать весь Словарь объемомъ около 150 печатныхъ листовъ средняго октава. Словарь будетъ разбитъ на 4 тома. Цѣна за всѣ четыре тома *7 рублей* (отдѣльныхъ томовъ въ продажѣ не будетъ). Для подписчиковъ на журналъ „Україна“ подписная цѣна на Словарь *5 рублей*, при условіи высылки этихъ денегъ одновременно съ подпиской на журналъ. Каждый томъ будетъ высылаться подписчикамъ журнала сейчасъ по выходѣ его. Первый томъ выйдетъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1907 года.

Лицамъ, выписывающимъ „Словарь“ прямо отъ редакціи, а не черезъ книжные магазины, будетъ высылаться каждый томъ за счетъ редакціи.

Редакторъ-издатель журнала „Україна“ **В. Науменко.**